РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

№ 3 (752) 2020

Ежемесячный научный журнал Выходит с июля 1957 года

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук PAH ISSN 0321-5075

Главный редактор академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:	Международный	Над номером
	редакционный совет:	работали:

И.O. ABPAMOBA	
D.C. EEDOVDELIJALIJAJA	A D. EELU40

В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Б.А. АКИНТЕРИНВА А.В. ДЕНИСОВ,

Л.В. ГЕВЕЛИНГ (Нигерия) ответственный секретарь А.Б. ДАВИДСОН Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия) Т.С. ДЕНИСОВА

А.В. ДЕНИСОВ М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ В.С. ОКУЛОВ Р.Г. ЛАНДА (Египет) М.Е. ПЕТРОВА

Р.Г. ЛАНДА (Египет) М.Е. ПЕТРОВА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ ЯН ГУАН (КНР) О.И. ТЕТЕРИН, первый
Д.В. МОСЯКОВ Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД зам. главного редактора

Д.В. МОСЯКОВ Я.М. ИБН ДЖУНЕИД зам. главного редактора С.В. ПРОЖОГИНА (Саудовская Аравия) Н.В. ЕСЕНКИНА,

О.И. ТЕТЕРИН С.С. КУНАНБАЕВА зав. редакцией Л.Л. ФИТУНИ (Казахстан)

Т.Л. ШАУМЯН Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР) Оформление и верстка В.Г. ШУБИН У. РЕНО (США) Г.М. АБИШЕВА

Сдано в набор 20.02.20. Подписано в печать 25.03.2020. Дата выхода в свет 30.03.2020. Формат 60х88 ¹/₈. Цифровая печать. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 223 экз. Заказ 1/За. Цена свободная. Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука». 105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314. Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

СОДЕРЖАНИЕ № 3 (752) 2020

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА		4
Почта Ю.М. Исламизм и национализм на вражда или симбиоз?	Большом Ближнем Востоке:	
ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА		
Филоник А.О., Исаев В.А. Арабский мир: сли	ияние в нацию или усиление	
разобщенности? (заметки по поводу)		12
Бочковская А.В. Путь в Картарпур: «диплома:	тия веры» в индийско-пакистанских	
отношениях		20
Жигульская Д.В. Алевиты и алавиты в Турции	і (на основе полевых исследований	00
в г. Хаджибекташ и провинции Хатай)	(Victoria) Di mor pompronoso rosurtoso	26
Далал А. (Санкт-Петербург), Хорошунов А.С в Китае и Японии: сравнительный анализ	. (Украина). Рынок венчурного капитала	34
Сидорова С.Е. Тротуар в индийском городе:	пространство маргинализации пешехода	42
Садовская Л.М. Вооруженные силы Кот-д'Ив	• • •	
трансформации общества		48
Жамбиков А.М. ЭКОВАС и введение единой в	залюты в Западной Африке: проблемы и	
перспективы		54
ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ		
Мамедов Р.Ш. Внешняя помощь Ираку: обеш	ания доноров и компромисс	
политических элит		59
Гофман А.В. Проблемы урегулирования пале	стино-израильского конфликта:	
«иорданский вариант» как альтернатива		65
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ		
Шубин В.Г. Москва и вооруженная борьба в К	Эжной Африке	72
КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО		
Гавристова Т.М. (Ярославль). Африка: «постк	олониальная библиотека»	80
РЕЦЕНЗИИ		
Саркисов К.О. Япония. «Система 1955 года»		86
© Российская академия наук, 2020	Адрес редакции:	
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня» (составитель), 2020	123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 Тел.: +7 495 697 94 50	
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой	Тел./факс: +7 495 6910270 E-mail: asaf-today@mail.ru	
зрения редакции.	Интернет: www.asaf-today.ru	
Журнал включен в список ВАК.	На первой полосе обложки: горы в национальног	М

парке Чжанцзяцзе, провинция Хунань, Китай

(фото Г.М. Абишевой).

Входит в Russian Science Citation Index

на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

CONTENTS Nº 3 (752) 2020

TOP PROBLEM

Yuriy M. Pochta. Islamism and Nationalism in the Greater Middle East: Enmity or Symbiosis?	4
POLITICS, ECONOMICS	
Alexander O. Filonik, Vladimir A. Isaev. The Arab world: merger into nation or increasing disengagement? (a note of theme) Anna V. Bochkovskaya. Road to Kartarpur: Faith-based diplomacy in India-Pakistan relations Daria V. Zhigulskaya. Alevis vs Alawites in Turkey (based on field studies in Turkey)	12 20 26
Adel Dalal, Oleksandr S. Khoroshunov (Ukraine). Venture Capital Market in China and Japan: Comparative Study Svetlana E. Sidorova. Sidewalk in Indian city as a space of marginalization of a pedestrian Lubov M. Sadovskaya. The armed forces of Cote d'Ivoire and their role in the socio-political transformation of society Alexander M. Zhambikov. ECOWAS and introduction of single currency in West Africa: problems and prospects	34 42 48 54
POST-GRADUATE TRIBUNE	
Ruslan Sh. Mamedov. Foreign aid to Iraq: donors promises and political elites compromise Artyom V. Gofman. Palestinian-Israeli conflict settlement problems: the «Jordanian option» as the alternative	59 65
PAGES OF HISTORY	
Vladimir G. Shubin. Moscow and the armed struggle in South Africa CULTURE, LITERATURE, ART	72
Tatiana M. Gavristova. Africa: «Post-colonial library»	80
BOOK REVIEW	
Konstantin O. Sarkisov. Japan. «1955 System»	86

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal (in Russian) of the Russian Academy of Sciences. Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view of the Editorial Board.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing. ISSN 0321-5075

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.

123001, Moscow, Russian Federation

Тел.: +7 495 697 94 50 Tel./Fax: +7 495 691 02 70 E-mail: asaf-today@mail.ru

Website: www.asaf-today.ru

On the cover: Mountains in Zhangjiajie National Park, Hunan Province, China (photo by Gulzhamal Abisheva).

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

ИСЛАМИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ВРАЖДА ИЛИ СИМБИОЗ?

© 2020 Ю. ПОЧТА

DOI:10.31857/S032150750008741-7

ПОЧТА Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор Российского университета дружбы народов (pochta yum@pfur.ru)

Резюме. Рассматриваются причины неудач арабского национализма в его противостоянии с исламизмом. Показана эволюция этих идеологий в контексте их взаимодействия и конфликта. По мнению автора арабский национализм и исламизм являются ответом арабо-мусульманской цивилизации на вызовы со стороны Запада. Автор приходит к выводу, что неудачи национализма и радикализация исламизма в современной ситуации дестабилизации Большого Ближнего Востока могут привести к кардинальному изменению постколониальной геополитической архитектуры региона.

Ключевые слова: национализм, исламизм, халифат, республика, демократия, Большой Ближний Восток

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

ISLAMISM AND NATIONALISM IN THE GREATER MIDDLE EAST: ENMITY OR SYMBIOSIS?

Yuriy M. POCHTA, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (pochta_yum@pfur.ru)

Abstract. The article discusses the reasons for the failure of Arab nationalism in its confrontation with Islamism. The evolution of these ideologies in the context of their interaction and conflict is shown. According to the author, Arab nationalism and Islamism are the answer of the Arab-Muslim civilization to the challenges from the West. The author comes to the conclusion that the failures of nationalism and the radicalization of Islamism in the current situation of destabilization of the Greater Middle East can lead to a radical change in the post-colonial geopolitical architecture of the region, the author shows that as independent statehood of individual Arab countries was created, the national interests of individual states began to dominate pan-Arab interests. The most important achievements of outstanding Arab leaders were not their attempts to achieve Arab unity, but a successful anti-colonial struggle, the nationalization of major economic assets and the protection of the independence of their countries. At all stages of the evolution of Arab nationalism, Islam remained an essential part of its ideology. But at the same time, Islam itself evolved, right up to its transformation into modern Islamism, combining fundamentalism as a theoretical justification and political movements realizing this ideology. The article shows that Islamic fundamentalism is controversial, containing antinomies: anti-modernism modernism, a constructive and destructive principle. The anti-modernism of fundamentalism, combined with modernist features, manifests itself in its predisposition to the formation of a totalitarian ideology, combined with elements of rationality, to the conviction of the primacy of politics over religion, to the desire to transform the institution of the state, to the willingness to use the technological and organizational achievements of a hostile civilization.

Keywords: nationalism, Islamism, caliphate, republic, democracy, Greater Middle East

В XX - в начале XXI вв. две концепции определяли идеологическую и политическую жизнь обществ Большого Ближнего Востока - арабский национализм и исламизм. Обе эти концепции возникли как реакция вначале на османское, а затем на западное колониальное политическое доминирование и культурное влияние.

Неудачи собственной цивилизационной арабо-мусульманской модели на фоне успехов Запада в экономике, политике и культуре привели к попыткам ряда реформаторов Арабского Востока заимствовать и интегрировать в традиционное мусульманское общество отдельные элементы западной цивилизации, такие, как национализм, социализм, либерализм, идеи демократии, социальной справедливости.

Наибольшее распространение и влияние получил арабский национализм, сохранявший на всех этапах своей эволюции связь с исламом и периодически включавший в себя идеи социализма и либерализма.

ЭВОЛЮЦИЯ АРАБСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Усиливавшееся влияние Запада, кризис, расчленение и распад Османской империи, появле-

ние концепции единой турецкой нации - привели к появлению идеи арабского единства и ее конкуренции с представлением о принадлежности арабов к умме, единому мусульманскому сообществу. Политический вакуум, возникший в результате кризиса политической идеологии Османской империи - османизма, смог заполниться арабским национализмом, потому что принадлежность арабов к умме не получила политико-институциального выражения. На развалинах Османской империи Арабский халифат не был создан.

Арабский национализм зарождался как панарабизм - умозрительная утопическая концепция национального освобождения и политического объединения всех народов, говорящих на арабском языке. Считалось необходимым воссоединить арабов, живущих в государствах, разделенных искусственными границами, начертанными западными колонизаторами.

В различных вариантах панарабизма сохранялась в той или иной степени связь с религией: национализм поликонфессиональный (объединение арабов независимо от их вероисповедания); национализм исламский (исламистский) - как начальная стадия объединения арабоязычных мусульман (идея «Братьев-мусульман»); национализм баасистский - с включением представлений об арабском социализме и исламе как части арабизма (идеология партии БААС - Арабского социалистического возрождения).

Панарабизм в форме баасизма имел наибольшее влияние в арабском мире через массовые партии, был идеологией правительств Сирии и Ирака.

Египетский лидер Гамаль Абдель Насер приложил большие усилия в развитии антиимпериалистического характера панарабизма и участвовал в неудачном опыте начала объединения арабов посредством создания Объединенной Арабской Республики. Сторонником панарабизма был лидер Ливии Муаммар Каддафи, предпринимавший неоднократные попытки интеграции с рядом соседних государств.

Французский политолог и арабист Жиль Кепель отмечает, что «до начала 1970-х гг. культура национализма господствовала в большинстве мусульманских стран. Она была выработана местными элитами, которые сумели успешно довести до конца борьбу против европейской колонизации: предотвратить ее (как это в 20-е гг. сделал Ататюрк в Турции) или добиться для своих стран независимости (как это произошло в большинстве других стран после Второй мировой войны) [1, с. 29]. Однако в 1970-е гг. панарабистское звучание арабского национализма заметно ослабевает.

Утопия арабского единства отступила перед реальностью политической жизни арабских

стран. По мере создания независимой государственности отдельных арабских стран, опыта побед и неудач в борьбе с империализмом, национальные интересы отдельных государств стали доминировать над общеарабскими интересами.

Важнейшими достижениями выдающихся арабских лидеров оказались не их попытки достижения арабского единства, а успешная антиколониальная борьба, национализация основных экономических активов и защита независимости их стран. Заимствованная из немецкого романтизма идея души народа, содержащейся в его языке и культуре, не прижилась на почве арабо-мусульманской цивилизации.

Для целей нашего исследования важно отметить, что на всех этапах эволюции арабского национализма ислам оставался существенной частью его идеологии. Но при этом эволюционировал и сам ислам, вплоть до его превращения в современный исламизм.

Секуляризм как еще одно западное нововведение имел ограниченное применение в ряде арабских стран. Он мог использоваться авторитарными лидерами как инструмент сдерживания исламистской оппозиции (пример - борьба Гамаля Абдель Насера с «Братьями-мусульманами»), а исламской оппозицией он мог трактоваться как навязанное Западом средство для уничтожения ислама и исламского образа жизни.

Кроме того, секулярный подход мог использоваться арабскими националистами христианского происхождения для ограничения влияния ислама. Поэтому характеристики каких-либо явлений на Арабском Востоке как секулярных (к примеру, секулярный арабский национализм) могут вводить в заблуждение. Использование данного западного термина без оговорок явно искажает картину реальности восточного общества.

После Второй мировой войны осуществилась деколонизация стран Арабского Востока, они получили реальную независимость и смогли вступить в ООН. Важным шагом в реализации концепции панарабизма стало создание в 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ).

Арабские государства не избежали влияния ситуации существования в мире двух противоположных систем - капиталистического Запада и коммунистического Востока. Поэтому в первые годы после своего создания ЛАГ находилась под определенным влиянием Великобритании, проводя пробританскую политику. Позже, после ухода с политической арены Гамаля Абделя Насера идеолога панарабизма и антиимпериализма, на организацию начали влиять США через монархические арабские государства. Большой удар по идее арабского единства нанесли неудачи в военном противостоянии арабов с Израилем.

После ослабления Египта в результате «арабской весны» в ЛАГ доминирует Саудовская Аравия, которая фактически проводит прозападную соглашательскую политику на Ближнем Востоке (к примеру, позиция ЛАГ по Ливии, Сирии, Ирану). Для ЛАГ неким символом арабского единства остается задача создания независимого палестинского государства, но на деле приоритет отдается национальным интересам отдельных стран. До настоящего времени обеспечить если не государственную интеграцию, то хотя бы политическое единство арабского мира этой организации не удалось.

По мнению специалистов, при всех успехах в сфере экономического сотрудничества, ЛАГ может утратить фактическое влияние на политические процессы, идущие в регионе [2].

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМИЗМА

В качестве предшественника исламизма необходимо назвать панисламизм. Он возникает в конце XIX в. как антизападное течение, как ответ арабо-мусульманской цивилизации на вызов Запада. В нем используется широко трактуемое понятие уммы как исламского мира, общности единоверцев.

По мнению отечественного исследователя К.М.Труевцева, теоретики панисламизма (аль-Афгани) воспринимали умму как квазинацию. Именно поэтому панисламизм смог оказать «затем существенное воздействие на характер арабской национальной идеи на всем протяжении ее развития и на характер дальнейшего идейного конструирования практически всех вариантов ее концепта» [3].

Здесь коренится источник дальнейшего конфликта между панисламизмом и панарабизмом. Для панисламизма важное значение имеет вопрос о халифате как политической форме защиты мусульман от западного вмешательства. После того, как республиканская Турция упразднила в 1924 г. халифат, этот институт превратился в идеальный образ исламского правления, в идеал самоуправления мусульман, способного противостоять доминированию Запада. Согласно этому идеалу, мусульмане не могут довольствоваться существованием в преходящем мусульманском государстве, т.к. их обязанность - воссоздать вечный халифат.

После достижения независимости в арабских государствах панисламизм уже противостоял светскому национализму и секуляризму. Как отмечает российский политолог-арабист И.В.Кудряшова, «в 50-х - начале 60-х годов в ряде мусульманских стран предпринимались попытки ограничения роли религии в общественной жизни и поощрения различных форм светского национа-

лизма как локального (Египет, Судан, Тунис, Алжир), так и регионального (арабизм и баасизм) характера, что во многом было следствием европейского влияния. Хотя секуляризм не фигурировал в качестве явной цели, приоритет национализма лишал ислам универсальности, «замыкая» его в духовной и бытовой сферах. На наш взгляд, этот ислам революционной демократии можно определить как националистический; корни же его уходят в исламское реформаторство. Государство стремилось активно использовать традиционные мусульманские ценности...» [4].

Это взаимопроникновение - национализация ислама и исламизация национализма - в арабской идейно-политической жизни приводит к затруднениям в оценке соотношения исламского и национального элементов в их различных интерпретациях. Приоритет национального или религиозного начала редко выражается в чистом виде. Чаще всего, в зависимости от расстановки политических сил, внутренних и внешних факторов осуществляется синтез этих начал.

С 1970-х гг. после неудачи в деле достижения арабского единства и ограничения национализма рамками отдельных государств в политическую жизнь ближневосточных обществ входит исламизм - использование исламской идеологии в политической жизни. Достаточно однозначно оценивает период возникновения исламизма российский историк-арабист Р.Г.Ланда. По его мнению, «революционный опыт мира ислама в сочетании со многими... обстоятельствами, способствовавшими взлету исламского фундаментализма, в определенных условиях международной обстановки не мог не породить политический ислам (исламизм). ...Переход к исламскому радикализму или, как предпочитают выражаться некоторые авторы, «революционному исламу» был определен и обозначен исламской революцией 1978-1979 гг. в Иране» [5, с. 77].

Понятие исламизма широко используется в современной литературе, имея несколько интерпретаций. Одно из них носит культурно-цивилизационный характер.

Исламизм трактуется как определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшего вслед за панисламизмом XIX века и национализмом первой половины XX века [6] или же - как направление в современной арабо-мусульманской общественной мысли, которое «отражает стремление определенной части общества сохранить свои исторические традиции, религию, культуру, т.е. национальную самоидентификацию в условиях вызовов современного мира, прежде всего глобализации» [7].

Другая трактовка, также широко распространенная, носит политологический характер, объ-

ясняющая исламизм как политический ислам, как политическое течение, преследующее конкретные прагматические задачи. Мы будем различать эти два подхода в работах исследователей для более полного понимания их рассуждений об исламизме.

Политологический подход отнюдь не исключает связь исламизма со своими теоретико-идеологическими предпосылками - связь с исламским фундаментализмом как своей идеолого-теологической основой. Имеется в виду, что деятельность политических радикалов нуждается в своей теоретической основе - революции в политике должна предшествовать революция в сознании.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСЛАМИЗМА НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Используя культурно-цивилизационный подход к исламизму, Жиль Кепель относит начало исламизма к 60-м гг. XX века, называя это культурной революцией, попытками исламского преодоления национализма как явления, аналогичного джахилийе¹. Он имеет в виду, что усилиями Сейида Кутба, Абул Ала Маудуди и Рухоллы Мусави Хомейни² еще до начала своего участия в политике исламизм начал борьбу с доктриной национализма. В этом смысле можно говорить о исламистской культурной революции в конце 1960-х гг.

«...Исламистская идеология, - отмечает Жиль Кепель, - возникла не в вакууме: она противоречивым образом вписалась в религиозную традицию... Именно в сфере культуры (в широком смысле) исламизм начал свою битву, прежде чем проникнуть в общество и в политику. Эта битва велась против национализма, за то, чтобы заменить одно мировоззрение другим» [1, с. 28-29]. Добавим, что эта исламистская культурная революция своим результатом имела исламский фундаментализм - осовремененную трактовку призыва к возрождению ислама эпохи пророка Мухаммеда и первых четырех праведных халифов.

В этой деятельности им пришлось конкурировать с националистами, успевшими много сделать в использовании литературного (письменного) арабского языка для формирования представления об арабской национальной общности как постколониальной идентичности.

Националисты в мусульманском мире, пишет Жиль Кепель, фактически политизировали лите-

ратурный язык, приватизировали его и «поставили его на службу идеалам, взятым в адаптированном переводе с европейских языков, обратив против колонизатора или империалиста понятия свободы и равенства, появившиеся в эпоху Просвещения». На этом языке они выразили проект национального освобождения и сумели «потеснить духовных лиц, улемов, традиционно обладавших монополией на ученый письменный язык и сделавших его вектором сакрального выражения ценностей общества». Для утверждения новой идентичности граждан своих независимых государств они осуществили секуляризацию письменного арабского языка и утвердили его в качестве официального национального, потеснив язык колониальных властей. «С годами этот современный письменный язык... превратился... в хорошо контролируемый инструмент пропаганды и политической легитимизации их власти над обществом» [1, с. 29, 30].

Фундаменталистам, в свою очередь, пришлось бороться за арабский литературный (письменный) язык как средство политической коммуникации для внедрения в него собственных ценностей, связанных с исламской идентичностью. Им также пришлось внедрять в свою риторику такие светские западные понятия, чуждые архаичному языку улемов, как революция, политическое, социальное, расовое и классовое угнетение и освобождение.

На обновленном арабском языке националисты и исламисты начали также борьбу за интерпретацию истории своих обществ. Националисты хотели решительного институциального и временного разрыва с прошлым (имперским - в Османской империи и с колониальным - в зависимости от метрополий). Прежняя история трактовалась как историческое небытие, а ценной представлялась современная постколониальная история новых национальных государств под руководством националистов, обеспечивающих свободу, равенства и прогресс.

Противостоя националистам, исламисты исходили из того, что только исламское понимание истории способно помочь мусульманским обществам после обретения независимости. Современную историю после обретения независимости они обозначили как джахилийю, связанную, по их мнению, с поклонением таким символическим идолам, как нация, социализм, партия.

Сейид Кутб в своих ключевых работах «Под сенью Корана» (1952-1960) и «Вехи на пути»

¹ Джахилийя - исламская трактовка времени до ислама и религиозного состояния жителей Аравии до появления Пророка Мухаммада как эпохи доисламского невежества и идолопоклонства (*прим. авт.*).

² Сейид Кутб (1906-1966) - египетский писатель и общественный деятель, идеолог исламского фундаментализма; Абул Ала Маудуди (1903-1979) - известный мусульманский просветитель, государственный деятель, философ и ученый (Индия, Пакистан); Рухолла Мусави Хомейни (1902-1989) - иранский религиозный, духовный, государственный и политический деятель, великий аятолла, лидер исламской революции 1979 г. в Иране (прим. авт.).

(1964) писал об этом: «Что же касается подлинно богоизбранного народа, то это - мусульманская умма, которая осенена знамением Аллаха, независимо от многообразия входящих в него представителей разных рас и народов, невзирая на цвет их кожи и места жительства». В этой общине гражданство определяется религиозными убеждениями, их родина - обитель ислама, правитель - Аллах, конституция - Коран» [8, с. 293].

Кутб предлагает преодолеть национализм и создать современную новую исламскую общность, аналогично тому, как в борьбе с идолопоклонством и племенной разобщенностью доисламских арабов Мухаммед создал монотеистическое учение и общину правоверных [8, с. 279]. Конкурируя с идеями арабского социализма, Кутб призывает к «установлению царства Аллаха на Земле» как способу «освобождения человека на этой земле от порабощения другим человеком» [8, с. 281]. Он уверен, что «принадлежность власти людям, когда источником власти являются сами люди, есть не что иное, как обожествление человечества, в результате чего одни люди становятся господами для других, помимо Аллаха... Другими словами, это означает разгром царства человечества во имя установления царства Аллаха на Земле...» [8, с. 281-282].

Сейид Кутб не допускает существования современного правового государства, т.к. «наитяжелейшей формой порабощения, с точки зрения ислама, является подчинение людей законодательным нормам, изданным для них другими представителями человечества, в то время как поклонение должно совершаться только перед Аллахом и ни перед кем другим» [8, с. 283].

Таким образом, задачей исламистов является установление в мире исламского порядка для предотвращения укоренения в нем материалистических джахилийских порядков, идолопоклонства и племенной разобщенности.

ПРИЧИНЫ ВОЗВРАТА СОВРЕМЕННЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩЕСТВ К РЕЛИГИОЗНЫМ ИДЕОЛОГИЯМ

Современные исламские фундаменталистские движения, прежде всего связанные с «Братьями-мусульманами», ваххабитами и наследием Хомейни, стремятся утвердить религиозную природу современных обществ. Распад в конце прошлого века СССР, мировой социалистической системы, системы мирового коммунистического и рабочего движения привели к исчезновению существовавшей большую часть XX века антиномии либерализма и социализма. Те страны и народы, которые прежде отвергали либерализм, оказались в идеологическом вакууме.

Наряду с кризисом арабского национализма, произошло ослабление влияния идей социализма в республиканских арабских государствах. В эпоху глобализации арабские страны еще в большей степени оказались подвержены экономическим, политическим и культурным влияниям извне, превратившись в периферию западного центра.

Кризисные явления в социально-экономическом развитии ряда арабских стран привели к тому, что в них возник огромный протестный потенциал, который зачастую не находит легальных институциализированных способов своего выражения (к примеру, как это имело место в ходе «арабской весны»). Возникла объективная потребность в обновлении идейно-ценностных установок как на уровне элит, так и масс. В этих условиях в обществе резко усиливается значение исламизма, включающего в себя исламский фундаментализм и движения, реализующие его в политической жизни. Усиление исламизма происходит за счет ослабления национализма.

Во второй половине XX в. в ведущих странах арабского мира произошло ослабление влияния светского национализма и арабского социализма. Руководство этих стран оказалось неспособным решить насущные социально-экономические проблемы после обретения независимости. К концу XX в., отмечают российские исламоведы Т.Р.Хайруллин и А.В.Коротаев, «исламизм стал доминирующим фактором в процессах политической интеграции в арабском регионе, отодвинув на второй план идеи арабского национализма» [9]. В конце XX - начале XXI вв., указывает к.п.н., сотрудник МИД РФ Н.У.Ханалиев, «целый ряд социально-экономических, политических, конфессиональных и социокультурных факторов служит препятствием на пути достижения единства арабского мира и политической стабильности на всём Большом Ближнем Востоке». Большую угрозу судьбам Большого Ближнего Востока представляет политический исламизм, выступающий заменой панарабского национализма [10].

Провалы проектов достижения арабского единства, неспособность арабов помочь палестинцам создать свое государство - все остро переживалось как национальное унижение, как результат стремления секулярного Запада к господству и неравноправию, в т.ч. в области религиозной жизни. В этих условиях и сформировался исламизм во всем диапазоне его проявлений, включая и самые радикальные.

Социальную базу исламизма в мусульманском мире, по мнению Р.Г. Ланды, составляют маргинализированные людские массы мусульманского мира, оказавшиеся жертвами модернизации и глобализации [5, с. 22]. В традиционном обще-

стве, к которому относятся арабские страны, в поисках выхода из социальных кризисов может осуществляться обращение к мифологеме возвращения к истокам. В случае с кризисом мусульманского общества, причиной его неудач объявляется забвение исламской традиции и провозглашается необходимость возвращения к ней под лозунгом «Будущее - в прошлом». Происходит обращение к раннеисламскому социальному идеалу, который якобы был предан забвению в результате вмешательства иноверцев и собственных коррупционеров.

Важнейшей причиной существования исламского радикализма является неоколониалистская политика западных держав и, прежде всего, США по отношению к странам мусульманского Востока. Ярким примером этой политики служит вторжение США в Ирак в 2003 г. под надуманным предлогом, разрушение государственности, политической системы, социальной структуры. Затем США и их союзники поддержали вооруженную оппозицию в Сирии, стремившуюся свергнуть правительство Башара Асада. В итоге разорения двух стран и воцарения хаоса значительная часть их территории была подчинена террористическому «Исламскому государству» (ИГИЛ), объявившему в 2014 г. о создании «Исламского халифата». Российские ученые полагают, что это псевдогосударство стало «наивысшей организационной огосударствленной формой современного исламского терроризма» [11].

При всех колебаниях политического курса США на Большом Ближнем Востоке при президенте Дональде Трампе США не допустят радикального изменения своей политики для сохранения своего престижа и господствующего положения единственной сверхдержавы, не собирающейся соблюдать равноправие в отношениях с другими странами. Это означает, что вызов Запада мусульманскому Востоку сохранится, а исламистская составляющая этого противостояния сохранит свое значение.

По мнению российского историка и востоковеда, к.и.н. Гумера Исаева, дестабилизация Большого Ближнего Востока и его радикальная исламизация повлечет за собой более серьезные последствия. «Не исключено, - полагает он, - что мы являемся свидетелями и куда более разрушительных процессов в регионе Ближнего Востока, таких, как крах арабского национального государства как такового. Речь идет не только о смене режимов и формировании новой геополитической карты, но и об изменениях в политической идентичности жителей региона. Ливийцы, сирийцы или иракцы могут стать таким же достоянием истории, каким стали шумеры или вавилоняне». «Нынешнее падение Багдада и Дамаска символизиру-

ет закат эпохи местного модерна, связанного с национализмом, вестернизацией, попыткой выстроить политическую систему по западному образцу, но с учетом своей культурной специфики» [12].

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ КАК ОТВЕТ ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ВЫЗОВ ЗАПАДА

С точки зрения цивилизационного подхода, исламский фундаментализм является ответом исламской цивилизации на вызов со стороны Запада, на западный демократический фундаментализм. В этом ответе содержатся поиски путей сохранения исламской культурной идентичности в ситуации социокультурного кризиса, а также попытки преодоления западного глобализма с помощью собственных глобальных политических проектов (саудовский ваххабитский, «Братьев-мусульман», шиитский иранский).

В определенной степени исламизм можно рассматривать как негативную форму вестернизации, а фундаментализм - как орудие вестернизации.

Сущность фундаментализма в том, что, ориентируясь на традицию и опираясь на архаику, он, однако, принадлежит к культуре модерна. Его идеология создана феноменом модерна, а не чисто теологическими рассуждениями, оторванными от реальности. Именно модерн, разрушая традиционное арабское общество, провоцируя культурный шок от безбожной вестернизации и сокрушая этические основания общества, создает среду для рождения фундаментализма.

Вместе с тем, сам фундаментализм во многом становится продуктом модернизации. Ведь его создатели избирательно обращаются к традиции, отталкиваясь от своих, востребованных современностью представлений об идеальном обществе. Они создают собственную иерархию ценностей религии и вводят новации (такие, как «исламская демократия»). По мнению французского политолога-востоковеда Оливера Роя, исламизация является современным явлением, выражающим глобализацию и вестернизацию мусульманского мира. Исламские радикалы иллюзорно полагают, что представляют традицию, хотя в реальности они выражают негативную форму вестернизации, а фундаментализм может выступать орудием вестернизации [13].

Исламский фундаментализм имеет противоречивый характер, содержа в себе антиномии: антимодернизм - модернизм, конструктивное и деструктивное начало.

Антимодернизм фундаментализма в сочетании с модернистскими чертами проявляется в его предрасположенности к формированию тотали-

тарной идеологии, соединенной с элементами рациональности, к убежденности в примате политики над религией, к стремлению к преобразованию института государства, к готовности использовать технологические и организационные достижения враждебной западной цивилизации. В этом видится главное отличие современного религиозного фундаментализма от его предшественников. Фундаменталистская идеология, особенно в радикальной форме, содержит конструктивное и деструктивное начала.

Мусульманский мир в своем фундаментализме выражает не только элементы модерна, но и постмодерна, опирающегося на плюрализм и принцип толерантности. В культуре, как и на рынке, постмодерн стремится реализовать полный спектр возможностей, превращая фундаментализм в свой системный элемент. Исламский фундаментализм вынужден участвовать в реализации проекта постмодерна, оказываясь лишь одним из нарративов, существующих на глобальном культурном рынке, еще одной субкультурой, еще одной языковой игрой. Хорошей иллюстрацией этих положений служит медиастратегия «Исламского государства», проанализированная российскими учеными [14].

Это подтверждает и вывод о том, что исламизм, даже в его самых радикальных вариантах (иногда его называют салафи-джихадизмом [15]), сочетает насилие с убеждением, коренящимся в теологических аргументах. Насилие таких радикальных группировок, как «Аль-Каида», писалеще в 2012 г. иранский историк, профессор Колумбийского университета (США) Хамид Дабаши, «не является иррациональным или произвольным. Для каждого акта насилия они предлагают определенную форму ссылки на источники в священных книгах... для объяснения своих действий» [16].

Фундаменталисты зачастую не разграничивают личное и общественное, рациональное и иррациональное. Они могут противопоставлять их таким образом, чтобы индивидуальное и частное не исчезали полностью, чтобы политическое и религиозное начала сохраняли определенную автономность по отношению к друг другу. Они в состоянии эволюционировать в сторону реформаторства или даже модернизма. Это обычно происходит с появлением новых, общегосударственных масштабов ответственности, например, такая эволюция происходит в современном Иране [17].

Результаты реализации первоначально выглядевших утопическими проектов существенно отличаются от идеала, причем подобные отступления тем выраженнее, чем больше масштаб и дольше практическая жизнь проекта. Фундаменталистская модель является не только утопией, но и способствует поискам путей социального развития, создания нормативных образцов человеческого поведения. Это позволяет нам предположить, что умеренный исламизм может выступать важным фактором национального развития ряда современных мусульманских обществ в условиях ослабления влияния арабского национализма.

Имеются попытки применить такой подход и к «Исламскому государству». Так, американский политолог, профессор Гарвардского университета Стивен Уолт предлагал в 2015 г. объяснение природы ИГ как революционного государства, аналогичного режимам, возникшим в результате революций во Франции, России, Китае, на Кубе, в Камбодже и Иране. «Несмотря на религиозный фактор, ИГИЛ стоит в длинном ряду революционеров, занимавшихся государственным строительством». Поскольку внешние попытки уничтожить революционные государства приводят к обратному результату, то США не стоит продолжать деятельность по полному уничтожению ИГ, предлагал он. «Гораздо лучше сделать ставку на сдерживание ИГИЛ силами его местных противников, оставаясь на заднем плане». Сдерживание может способствовать нормализации и отказу этого государства от революционных целей. «Этот подход требует адекватного отношения к "Исламскому государству" как к небольшому революционному движению с ограниченными ресурсами, которое слишком слабо, чтобы нести значительную угрозу мировой безопасности» [18].

* * *

Со второй половины XIX века и вплоть до настоящего времени на Большом Ближнем Востоке происходит взаимодействие национализма и исламизма. Их антагонистическое единство непрерывно эволюционирует. Развитие и радикализация этих движений во многом являются реакцией на внешние воздействия как при нахождении арабов в Османской империи, в западных колониальных империях, так и в условиях западно-восточного противостояния времен холодной войны.

В конце XX века панарабизм и панисламизм уступили место национализму отдельных государств и исламизму. Арабский национализм в его либеральной и социалистической формах не смог достичь ни арабского единства, ни успешного развития отдельных арабских стран. Не смогли арабские националисты и реализовать план создания независимого палестинского государства. Более стабильными оказались монархические нефтедобывающие страны Персидского залива, опиравшиеся на кланово-племенные структуры и традиционный ислам.

Радикальный исламизм благодатную почву для своего развития получил в результате дестабилизации ряда республиканских арабских государств при иностранном вмешательстве. В условиях ослабления или разрушения государственности, экономической стагнации, вакуума власти и идеологии в политической жизни прежних республиканских государств (Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан) упрощенная радикальная исламская

идентичность воспринимается существенной частью населения как единственный способ преодоления хаоса.

Не исключено, что современная хаотизация Большого Ближнего Востока может привести к исчезновению постколониальной политической архитектуры региона и его «балканизации». Тогда в среднесрочной перспективе ведущей политической идеологией в регионе останется исламизм.

Список литературы / References

- 1. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. (Kepel J. 2004. Jihad. The expansion and decline of Islamism. M.) (In Russ.)
- 2. Исаев Л.М. «Ара́бская весна» и Лига ара́бских государств: между Багдадом и Каиром. *Bocmoк/Oriens*. 2013, № 3, c. 55-63. (Isaev L.M. 2013. "Arab Spring" and the League of Arab States: between Baghdad and Cairo. *Vostok/Oriens*. № 3) (In Russ.)
- 3. Труевцев К.М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи. *Национальная идея: история, идеология, миф* / Ред. Г.Ю.Семигин. М., ИСП РАН, 2004, с. 104-118. (Truevtsev K.M. 2004. The Arab world in the twentieth century: the development of a national idea. *National idea: history, ideology, myth* / Ed. G.Yu.Semigin. M.) (In Russ.)
- 4. Кудряшова И.В. Нациестроительство на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству? (2008). (Kudryashova I.V. Nation-building in the Middle East: From the Muslim Ummah to the nation-state? (2008) (In Russ.). https://cyberleninka.ru/article/n/natsiestroitelstvo-na-blizhnem-vostoke-ot-musulmanskoy-ummy-k-natsii-gosudarstvu (accessed 28.11.2019)
- 5. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. (Landa R.G. 2005. Political Islam: preliminary results. M.) (In Russ.)
- 6. Ланда Р.Г. Международный форум востоковедов и африканистов в Санкт-Петербурге. *Bocmoк/Oriens*. 2006, № 4, c. 156. (Landa R.G. 2006. International Forum of Orientalists and Africanists in St. Petersburg. *Vostok/Oriens*. № 4) (In Russ.)
- 7. Долгов Б.В. Исламизм в контексте конфликта цивилизации. *Конфликты на стыках цивилизаций в начале 21 века*. М., 2007, с. 43-45. (Dolgov B.V. 2007. Islamism in the context of the conflict of civilization. *Conflicts at the junction of civilizations at the beginning of the 21st century*. М.) (In Russ.)
- 8. Сейид Кутб. Отрывки из книги «Вехи на пути». Исламская интеллектуальная инициатива XX века / под общ. ред. Г.Д.Джемаля. Сост., комм. А.Ежова. М., Издательский дом «UMMAH», Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005. (Sayyid Qutb. 2005. Excerpts from the book "Milestones on the Way". Islamic Intellectual Initiative of the 20th Century / Ed. by G.D.Jemal. Comp., comm. A.Ezhova. M.) (In Russ.)
- 9. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. К периодизации политических процессов интеграции на Арабском Востоке во второй половине XX в. [1]. Общество: политика, экономика, право, 2017, № 11. (Khayrullin T.R., Korotaev A.V. 2017. On the periodization of political integration processes in the Arab East in the second half of the XX-th century [1]. Society: politics, economics, law. № 11) (In Russ.). https://cyberleninka.ru/article/n/k-periodizatsii-politicheskih-protsessov-integratsii-na-arabskom-vostoke-vo-vtoroy-polovine-hh-v (accessed 20.02.2020)
- 10. Ханалиев Н. У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира. Вестник Московского государственного областного университета. 2019, № 2. (Khanaliev N.U. 2019. Contemporary challenges and conflicts in the Middle East: the process of fragmentation of the Arab world. Bulletin of Moscow State Regional University. № 2) (In Russ.). https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vyzovy-i-konflikty-na-blizhnem-vostoke-protsess-fragmentatsii-arabskogo-mira (accessed 20.02.2020)
- 11. Сажин В. Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива. 11.03.2019. (Sazhin V. Islamic Caliphate defeated, but its dangerous and contagious ideology is alive. 11.03.2019) (In Russ.). https://interaffairs.ru/news/show/21870 (accessed 28.11.2019)
- 12. Исаев Гумер. Крах арабской мечты. Какое будущее ждет национальные государства Ближнего Востока. 27.12.2015. (Isaev Gumer. The collapse of the Arab dream. What the future holds for the nation states of the Middle East. 27.12.2015) (In Russ.). http://www.ansar.ru/analytics/krah-arabskoj-mechty (accessed 28.11.2019)
 - 13. Roy O. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. L.: Hurst & Company, 2004, pp. 15-29.
- 14. Васильев А., Исаев Л., Коротаев А., Шишкина А. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности. *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 12, с. 4-10. (Vasiliev Alexey M., Isaev Leonid M., Korotaev Andrey V., Shishkina Alisa R. 2018. Instruments of the Islamic State "Soft Power": Typology and Performance Evaluation. *Asia and Africa Today*. № 12) (In Russ.)
 - 15. Shiraz Maher. Salafi-Jihadism: The History of an Idea. L.: Penguin Books, 2017.
 - 16. Hamid Dabashi. The Arab Spring: The End of Postcolonialism. L.: Zed Books, 2012.
- 17. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта политий. *Политическая наука: новые направления*. 2003, № 2, с. 87-117. (Kudryashova I.V. 2003. Islamic civilizational dominant of polities. *Political science: new directions*. № 2) (In Russ.)
- 18. Стивен Уолт. ИГИЛ как революционное государство. *Россия в глобальной политике*. 2015, №6. (Stephen Walt. 2015. ISIS as a revolutionary state. *Russia in global politics*. № 6) (In Russ.). https://globalaffairs.ru/number/IGIL-kak-revolyutcionnoe-gosudarstvo-17825 (accessed 20.02.2020); Stephen Walt. 2015. ISIS as Revolutionary State. *Foreign Affairs*. № 6. https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-revolutionary-state (accessed 20.02.2020)

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

АРАБСКИЙ МИР: СЛИЯНИЕ В НАЦИЮ ИЛИ УСИЛЕНИЕ РАЗОБЩЕННОСТИ? (заметки по поводу)

© 2020 A. ФИЛОНИК, В. ИСАЕВ

DOI: 10.31857/S032150750008723-7

ФИЛОНИК Александр Оскарович, кандидат экономических наук, вед.н.с. Института востоковедения РАН (fao44@mail.ru)

ИСАЕВ Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова (v-isaev@yandex.ru)

Резюме. В статье рассматриваются некоторые вопросы и процессы, связанные с практикой нациестроительства в арабском мире, которая в последние полвека реализуется в условиях экономических, социальных, политических и военных потрясений, оказывавших серьезное воздействие и на национальные аспекты развития государств, и обществ. В регионе возникают новые факторы, которые активно формируют национальные приоритеты, национальное самосознание, национальную идентификацию и, шире, отношение к идее арабского единства.

Ключевые слова: нациестроительство, нация, арабское единство, национализм, ЛАГ, ССАГПЗ, этническая общность, государство, аравийские монархии

THE ARAB WORLD: MERGER INTO NATION OR INCREASING DISENGAGEMENT? (a note of theme)

Alexander O. FILONIK, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences (fao44@mail.ru)

Vladimir A. ISAEV, Dr.Sc. (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow University (v-isaev@yandex.ru)

Abstract. In over a half-century the Arab World has passed thru a good deal of various developments including economic, social, political and military ones that significantly changed its image by adding new quality to the processes and problems that indicated its guidelines and growth. All what has happened in this one of the most important regions of the world left a mark on the national aspects of the state and society development. The Arab World is living now in a very contradictory way walking the line of different models of social and political organization and economic growth having their reflection in every day activity of ruling regimes putting goals not frequently supported neither economically nor politically. This region is currently surviving the severe period of revolutions and intensive confessional hostility that carries in itself very distinctly articulated political, economic and social content. As a result the new imbalances emerge here coupling with humanitarian crises and with total disorder in understanding of common fitness of things that will spill over to the next decade and influence the ample range of problems most acute for the region. Not least of all are the deep-laid processes of globalization that may be translated in shaping of national goals and may affect national consciousness and identification as well as pave way for national-building and develop positive attitude towards unity or be the reason of its oppression.

Keywords: nation-building, nation, the Arab unity, nationalism, LAS, GCC, ethnic community, state, the Arabian monarchies

Ряд стран Арабского Востока в борьбе с исламистским экстремизмом оказался на грани утраты государственности, посеяв еще большую неопределенность в вопросах нациестроительства и в перспективах создания единой арабской нации.

«ПАРАД» КОНЦЕПЦИЙ

В основе понимания такого значимого явления, как нация, лежат уже исторически давно сложившиеся либо более оригинальные подходы, от-

ражающие всю сложность поиска ответов на весьма актуальные и противоречивые вопросы о цивилизационной идентичности, национальном самосознании, о путях формирования у людей ощущения принадлежности к общности, имеющей не прерывавшуюся историю.

Большая Российская энциклопедия придерживается той версии, что нация - это историческая общность людей, основанная на общности территории, исторических, экономических и политических связей, литературного языка и других особенностей культуры. Как вариант, на те-

кущем этапе нация рассматривается как форма этнической общности и воспринимается как совокупность всех граждан определенного государства, независимо от их этнической принадлежности [1, с. 789].

В западной редакции термин «нация» предстает как весьма широкое понятие, в котором есть место для разных формулировок. Оксфордский энциклопедический словарь, например, предпочитает рассматривать нацию в качестве общности людей, состоящей из одной или более национальностей с собственными территорией и правительством [2, р. 488]. Оксфордский толковый словарь английского языка за разные годы издания приводит свои, близкие по смыслу, трактовки. Одна описывает нацию как сообщество людей, в основном имеющих общее происхождение, язык, историю или политические институты и проживающих на одной территории и при одном правительстве. Вторая видит нацию как большое, ассоциируемое с конкретной территорией, сообщество говорящих на одном языке людей, имеющее политический характер или политические устремления [3, р. 561].

С указанными примерами, в том или ином виде, соотносятся другие циркулирующие трактовки; в целом же, они совпадают в том, что краеугольным моментом существования нации признается наличие территории и государственности. Но в остальных моментах прослеживаются расхождения как результат привнесения некоторых дополнительных и значимых, с точки зрения их авторов, дефиниций, не присутствующих в иных формулировках. Это могут быть и акцентируемые отсылки к чувствам групповой солидарности, и взглядам на нацию как на некий обезличенный и абстрактный организм, и понимание ее как общности, отождествляемой с народом, расой, племенем или федерацией племен.

В последней трети прошлого века возникают новые теории формирования наций, которые уточняют предшествовавшие наработки или трактуют проблему на базе новых подходов, например, процессы нациестроительства не возникают как результат синхронного совпадения с процессами модернизации, а сами спровоцированы модернизацией.

Другая точка зрения отражает конструктивистский взгляд на нацию, которая рассматривается как некий искусственный конструкт, фигурирующий в виде воображаемого политического сообщества в сознании людей. Такой вывод вытекает из представления о двух типах сообществ реальных и воображаемых, из которых акцентируется последнее. Оно трактует нацию именно как «область социального воображаемого» [4], укоренившегося в регулярной жизненной практике, указывающей на то, какие конкретные механизмы лежат в основе выстраивания этого типа сообществ, познающих себя через образы народа, окруженного зримыми свидетельствами принадлежности индивидов к одному кругу людей.

Прошедший период отмечен многими исследованиями темы, которая становится актуальной для Арабского Востока особенно в свете крайне негативных процессов, возникших в истекшую декаду.

Вопросы нациестроительства пользуются вниманием и российской науки.

Академик А.М.Васильев рассмотрел проблему с точки зрения взаимоотношения египетского и общеарабского национализма, противопоставление «фараонизма» и строительства «арабской уммы» [5].

Проблему кризиса национального государства в арабском мире активно поднимает академик В.В.Наумкин. Он подвергает анализу современные тенденции и процессы в этой области, критически осмысливая текущую практику и оценивая взаимодействие разнообразных фундаментальных факторов, отраженных в таких сложных категориях, как цивилизация, идентичность, религия, идеология и охватывающих такие понятия, как этнос, национализм, насилие, мифы и собственно кризис наций-государств [6].

Эта важнейшая для понимания дальнейших судеб региона тема подхвачена в работах других востоковедов. В частности, В.А.Кузнецов и В.Салем рассматривают указанные проблемы через призму «модельного ряда» национальных государств в арабском мире. Они глубоко внедряются в ткань событий и явлений, чтобы выявить особенности государственного строительства и роль в нем панарабизма, регионализма, странового национализма и ряда других важнейших факторов, имеющих значение для арабской государственности [7].

Очевидно, что разнообразие концепций, трактующих процессы формирования наций, отражает их объективную неординарность в современном мире. Они в своих местных проявлениях действительно определяются особенностями национальных институтов, отличаются по методам и условиям развития, темпам и масштабом их реализации. Сложные по определению комбинации последних в арабском мире тем более естественны потому, что вопрос касается весьма подвижных обществ с особой практикой и спецификой, которая воспроизводится в собственной логике, не обязательно совпадающей во всех деталях с классическими примерами зарождения наций, но реализуемой в общем историческом потоке.

В формировании нации научная мысль придает определяющее значение идеологии национализма, который стоит, в числе прочих побудительных мотивов, у истоков нации и направляет ее движение к новым смыслам и развитию. Арабский национализм, ставший знаковым течением политической мысли в новейшей истории Арабского Востока, сыграл свою роль в консолидации разных областей региона вокруг идеи борьбы с колониализмом и в построении новых государств на исторически отведенных им территориях.

Именно в их пределах происходило сплочение арабского компонента и местных этнических групп в ходе регулярного общения и взаимодействия задолго до революций и реформ, впоследствии изменивших облик арабского мира. Только существенно позже начали складываться новые производительные силы, развернулось вовлечение периферийных земель в хозяйственный оборот параллельно с ростом разделения труда и формированием целостного внутреннего рынка, как свидетельств не только экономического подъема, но и кристаллизации «страновых» наций.

Стремление к общенациональному будущему в наибольшей степени отразилось в идее арабизма, ген которого, так или иначе, присущ арабскому этносу. Он на глубинном уровне присутствует в виде своего рода предожидания собственной «сплошной» государственности в форме людского сообщества, устроенного на принципах Корана, спаянного литературным языком религиозных первоисточников, арабо-мусульманской культурой и объединенного скрепами «исторического единства».

Но на первом этапе арабское единство подразумевалось только в странах восточнее Египта.

Лозунг «Египет для египтян», родившийся в XIX в., подразумевал, что Египет - не часть арабского мира, что он занимает особое место в арабо-исламской цивилизации, якобы даже стоит от нее особняком, естественно, выше других. Некоторые в своем воспевании египетского национального характера доходили до восхваления «фараонизма». Но в этом они в слабо замаскированной форме выражали стремление к «европеизации» Египта. Эти идеи находили отклик только в узкой прослойке интеллектуалов-либералов.

Идея солидарности Египта с арабскими народами захватила умы и сердца в 40-х - 50-х гг. XX в. Идеологом арабского национализма, а значит, и идеи о едином арабском государстве, стал сириец Саты аль-Хусри.

«Кто говорит по-арабски, тот и араб» - это выражение стало кредо арабского национализма, охватившего и Египет. Его выразителем стал Гамаль Абдель Насер, а Каир - символом арабского возрождения. Насеристы выступали за постепенное единство арабов под руководством Египта.

Неудачный опыт объединения Сирии и Египта по настоянию сирийцев (с 1958-го по 1961 г.) оставил глубокую рану в сердцах тех, кто надеялся на начало прочного объединения. Еще более серьезную рану у сторонников панарабизма оставило поражение в арабо-израильской войне 1967 г. Арабо-израильская война 1973 г. вывела на авансцену консервативные аравийские монархии.

Выдающийся египетский публицист Люис Аваз считал, что арабское единство, основанное на том, что народы и национальности от Персидского (Арабского) залива до Атлантики представ-

ляют собой «одну нацию» - это опасный миф [5, с. 242-243, 250, 245-247, 252-254, 260].

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАЦИЙ

Арабский мир четыре века развивался в составе Османской империи, в рамках которой вопрос о национальном арабском государстве имел условный характер. Порта¹, разделив арабский мир на провинции, весьма формально относилась к вопросу о границах между ними. Только после ее падения они были произвольно прочерчены западными державами, не считаясь с племенной практикой и местными представлениями о правах на земли, и лишь спустя время обрели легитимность.

До того момента население разных частей региона из-за относительной своей малочисленности, территориальной раздробленности и племенной разобщенности веками воспринималось как некая расплывчатая масса, не сплоченная в единую общность с выраженными политическими интересами, и была рассеяна по отдельным очагам со слабыми внутренними и внешними связями.

Лишь к середине XIX в. в недрах арабской мысли складывается идеология «ан-Нахда аль-арабийя» («Арабского возрождения»), рассматривавшая единство как основу борьбы за национальное освобождение. Обозначившись, взлет арабского национализма достиг пика лишь во времена революционных потрясений в ряде арабских стран в 1916 г., которые, однако, не привели к осуществлению национальных целей в условиях сохранявшегося воздействия колониальных государств.

Тем не менее, притягательность идеи, помноженной на надежду на коллективные действия, видимо, придавала энтузиазм корифеям объединительной мысли и более поздним ее носителям, заставляя их верить в достижимость цели. Основой могло служить обладание арабами на протяжении веков своего рода важнейшим материальным активом в виде территорий. В разное время они имели разную конфигурацию, но с тенденцией к расширению в пространственном отношении, и в итоге составили колоссальную нишу на географической карте мира, за которой исторически закрепилось понятие «аль-ватан аль-арабий» - «арабская родина» и «аль-алям аль-арабий» - «арабский мир».

Но эта предпосылка, пожалуй, служила только одним, и то достаточно условным, свидетельством в пользу нарождения по-новому сконструированного сообщества. Особенно если учесть, что на пространствах большой части региона не существовало трассированных границ, не было государственности, племена перемещались по путям на основе обоюдных договоренностей. К тому же удаленность от источников идей арабизма и со-

¹ Оттоманская, Высокая, Блистательная - официальное наименование правительства бывшей султанской Турции (прим. авт.).

средоточенность племен на своих текущих проблемах отсекали массы от идеи общенационального объединения, лишая ее нужной поддержки.

Не меньшее значение имел еще один фактор. При османском владычестве и давлении метрополий с их принципом «разделяй и властвуй» интеграция арабских земель не могла иметь места. Идея, не оформленная во внятное политическое движение, могла восприниматься не более, чем фигурой речи для многих поколений арабов. Возможно, за исключением восточных территорий арабского ареала в рамках исторически сложившейся Великой Сирии, где начинали вызревать идеи арабского национального возрождения.

Большая ясность с государственным оформлением арабских стран наступила в период между двумя мировыми войнами. С точки зрения повышения зрелости политического сознания и взлета общественной активности, заметное исключение демонстрировали лишь Египет и Ирак.

В Египте с большей активностью длительное время развертывались хозяйственные процессы, вызревали городские слои, становилось заметным влияние образованных групп населения. Одновременно повышалась роль национального самосознания, ширилась борьба за национальное освобождение, разрешившаяся восстанием 1919 г. и последовавшим протяженным периодом беспорядков. Массовые выступления и растуший нашионализм продемонстрировали нежелание египетского общества мириться с иностранным присутствием и стремление построить национальное государство. В 1922 г. Англия декларировала независимость Египта, но военное присутствие ее продолжалось до революции 1952 г. Примерно сходная ситуация развивалась и в Ираке, который получил независимость от Британии в 1932 г., но оставался в зоне ее влияния вплоть до 1958 г.

На таком фоне, ослабив британское присутствие и не подпадая более под категорию колониальных владений, Ирак (1932 г.) и Египет (1937 г.) прежде других арабских народов обрели существенные признаки государственности, имея очерченную территорию и состав населения, являвшегося носителем характерных культурных кодов.

Возникновение рельефного политического и социокультурного ядра и оформление предпосылок к сосредоточению политической деятельности в руках регулярных партий обусловили признание существования египетской и иракской нации, подтвержденное наделением Египта и Ирака правом на представительство в Лиге Наций как единственной подобного рода междуна-

родной организации периода между двумя мировыми войнами.

Масштабы Египта, исторически обретенный авторитет и политический вес в арабском мире, а также выдвижение в лидеры нациестроительства, дали основание приписывать королю Фаруку² распространившееся мнение о том, что Египетединственное состоявшееся государство, тогда как другие арабские страны - лишь племена со своими стягами. Это суждение, видимо, относилось больше к аравийской действительности того периода, но было довольно безапелляционным для центральных регионов, где к тому времени явно вызревали силы, в недалеком будущем готовые к национальному действию.

Однако процесс растянулся на длительное время, что было вызвано Второй мировой войной, трудностями преодоления брожения и неопределенности в рядах арабского национального авангарда, который только набирался зрелости в лице отдельных лидеров борьбы за суверенитет и единство.

Первая же попытка ближе к концу 1950-х гг. создать объединенное арабское государство на волне эйфории от как бы открывшихся возможностей и без учета реальной действительности привела к провалу. Объединительная инициатива оказалась не более, чем всплеском энтузиазма из-за переоценки готовности к союзам и присутствия негативного экономического фона.

Жесткая оценка толпы и ее лидеров отражала своего рода легкость отношения к стратегической проблеме, для решения которой требовался подход, превышавший уровень доиндустриального типа мышления.

Этот опыт показал всю сложность предстоящего государственникам переосмысления задач и дальнейшего развития представлений о теории и практике действий, необходимых для достижения цели. Анализ предшествовавших результатов и выявление ошибок должны были помочь им соотнести свои взгляды с процессами, сопровождавшими фундаментально изменявшиеся обстоятельства на протяжении всей эпохи вызревания идеи арабизма как концепции арабского национализма, проходившего и через исторически сложившееся понятие «аль-умма аль-арабийя», которое стало со временем фактически синонимом «арабской нации»³.

ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Период после завершения Второй мировой войны на Арабском Востоке проходил под ло-

² Король Фарук в 1936-1952 гг. - правитель Египта и Судана (*прим. авт.*).

³ Этот термин подразумевает и более широкий смысл, включающий не только арабскую, но и мировую мусульманскую общину. Современный арабский язык определяет слово «нация» исторически сложившимся термином «умма», от корня «умм» - «мать». В определенных случаях умма может восприниматься и в значении народ. В исторически отдаленные времена этот термин применялся для обозначения именно арабской религиозной общины, но не политической единицы. Очевидно, с течением времени, когда в западном политическом лексиконе появилось понятие нации, арабский вариант, обозначавший более расплывчатый с политической точки зрения институт, автоматически принял на себя современный смысл и закрепился в этом статусе (прим. авт.).

зунгами национально-освободительных идей и был ознаменован чередой многочисленных реформ, которые не только открывали путь в индустриальную эпоху, но и заметно влияли на массовое сознание, мобилизовали политический и социальный потенциал населения. Качественные изменения усилили процессы осмысления арабскими обществами своего места и роли в регионе, заметно подняв политическую активность масс.

Незадолго до окончания войны, в 1945 г., движимая необходимостью вырабатывать консолидированную позицию по межарабским и международным делам, первоначально небольшая группа арабских государств создала собственную региональную организацию в виде Лиги арабских государств (ЛАГ)⁴.

В последующий период арабский мир остальными своими частями болезненно выходил из состояния зависимости, отсталости и периферийности, что позволяло Лиге последовательно расширять свои ряды до того момента, когда княжества Персидского залива последними вышли из-под британского контроля и получили собственную государственность, фактически завершив парад суверенитетов в регионе (не считая неарабских членов организации).

Арабский мир окончательно освободился от открытого иностранного влияния, а возникшие на его политической карте новые суверенные государства приняли конституции или заменяющие их документы, определились с государственным строем и стали признанными членами международных и региональных организаций.

Несмотря на свои слабости, Лига обрела важное историческое значение и оказалась вехой на пути становления арабского мира в качестве геополитической единицы и субъекта международных экономических и политических отношений.

Этот факт нашел отражение в том, что подавляющее большинство арабских стран стали полноправными членами ООН в период с 1945 по 1971 гг., реализовав тем самым свой национальный суверенитет. За этим стоит их признание как народов, окончательно обретших черты наций, функционирующих в рамках общепризнанных государственных границ и имеющих в том или ином наборе необходимые признаки, гарантирующие их пребывание в этом качестве.

Таким образом, за довольно короткий исторический срок Арабский Восток в лице составляющих его государств завершил определенную фазу нациестроительства. Добившись целей освобождения, каждое из них заняло подобающее место в международной табели о рангах и стало участвовать в определении векторов экономических, финансовых, энергетических, политических и иных процессов, олицетворяющих разные этапы разви-

тия мирового экономического и политического пространства.

Подобная динамика свидетельствовала о политической креативности и ответственности арабского этноса, оказавшегося способным к нациестроительству в ускоренном режиме в сложной обстановке мирового противостояния двух систем, столкновения идеологических позиций и ожесточенной борьбы за власть внутренних сил и крайне настороженного отношения со стороны внешних интересантов. Арабские народы нашли в себе возможности выдвинуть политически и граждански мотивированные силы активистов и лидеров и выступить не только против исчерпавших потенциал прежних институтов власти, но и в ряде случаев вразрез с ближневосточной политикой империалистических держав.

Лига для арабских националистов казалась опорным пунктом арабской идеи, шли разговоры об объединении арабских территорий в единое государство. Но развитие юнионистских тенденций в регионе оказалось не самой сильной стороной деятельности стран-членов. Впоследствии роль ЛАГ как инициатора и движителя этих процессов сошла на нет под влиянием разных обстоятельств своей внутренней жизни и динамики ускорявшихся событий на внешнем контуре, что сужало круг ее действий и отражалось на ее международном авторитете по мере переключения в большей мере на региональные дела. Тем не менее, эта организация все же остается как бы негласным символом арабского сотрудничества, которое еще не раскрыло кроющийся в нем потенциал.

Между тем, созданный в рамках ЛАГ комплекс межарабских организаций и структур, охватывавших практически все сферы внутренней и внешней политики и экономики, при наличии коллективной политической воли, вероятно, мог бы действительно способствовать объединительным тенденциям. Без этого считанные попытки отдельных государств оформить объединение быстро заканчивались провалом или оставались декларацией намерений. Примером чего может служить опыт интеграции Сирии и Египта или формальный проект «Стран Арабского Магриба»⁵.

Все же идея «арабской нации» и «арабской родины» не выпала окончательно из повестки дня. Идеология консолидации и солидарности арабских народов ради совместного процветания и прогресса и защиты от внешних угроз была серьезной составляющей политических действий правящих режимов в таких важных центрах Ближнего Востока, как Египет, Ирак, Сирия.

Их практика отчетливо коррелировалась с идеологией арабского единства и видела его вписанным в будущее в форме единой арабской нации, способной на великие свершения. Такие представления четко соответствовали содержанию из-

 $[\]frac{4}{5}$ Создана в 1945 г., ныне объединяет 22 государства (*прим. авт.*).

⁵ Интеграционная группировка, декларированная в 1989 г., отличается экономической неэффективностью в силу сходного характера экономик стран-участниц, политически мало устойчива из-за внутренних противоречий (*прим. авт.*).

вестного в арабском мире призыва «фи-ль-вахдати кувва», т.е. «в единстве - сила», а с нею и, разумеется, власть, что и было целью арабских националистов. Не случайно, в надежде на обретение весомых аргументов для арабского единства широко подавалось историческое прошлое, в котором процветали арабские государства и могущественные халифаты в составе разных территорий, олицетворявшие власть, мощь арабского оружия, науки, культуры и религии.

Идеология единства прочно закрепилась и продолжала активно развиваться на уровне государственных воззрений в политическом дискурсе сирийской ПАСВ⁶. Эта партия стремилась создавать ячейки по всему арабскому миру и через них претворять в жизнь свой базовый принцип «Арабская нация едина, ее миссия бессмертна». Именно баасисты рассматривали всю «арабскую родину» как лоно для всех арабов. Это нашло отражение даже в паспортах сирийцев, где в графе национальность подчеркивалось, что субъект не просто сириец, но «арабий сурий», т.е. сирийский араб, в противовес всем иным государствам ареала, которые просто констатировали факт гражданства.

Однако одно осознание величия прошлого или политика отдельных партий едва ли могут служить импульсом для возникновения в региональном политическом пространстве единой общности людей, действительно имеющих много сходного в религии и культуре, но в массе считающих для себя вполне достаточным существование только в рамках «родного» государства.

Особенно это относится к группе аравийских монархий, которые создали свой собственный и недоступный другим интегрированный ареал в виде Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива⁷, построенный на материальном благополучии и социальной защищенности населения.

За пределами этого круга эффект процветающего Совета сотрудничества вызывает сильные эмоции, но не порождает массового притока в зону притяжения по причинам, искусственно ограничивающим въезд мигрантов. Возможности же создания похожих ниш на других арабских территориях исключены. Ведь интеграционное слияние другой, гораздо менее обеспеченной части стран региона не сможет создать достойной альтернативы достижениям нефтеэкпортеров. Оно не будет иметь пропорционального ресурсного обеспечения и иных преимуществ, которые позволили инициировать мощный взлет экономики, подъем социальной сферы, вообще повышение уровня жизни населения аравийских монархий.

Естественно, сотрудничество неравноценно единству и имеет ценность, в основном, в контек-

сте ее конкретной значимости. Но как предтеча более глубоких объединительных процессов и при успешном испытании временем оно в той или иной форме может сыграть роль в деле сложения потенциалов стран на более высокой ступени развития и взаимодействия как акселератора движения родственных по цивилизационной, культурной, исторической идентичности субъектов навстречу друг другу.

В общем потоке поиска коллективной идентичности усилий одного или даже группы государств, увлеченных объединительной идеей, явно недостаточно, тем более, если речь идет об арабском мире, известном половинчатостью решений, боязнью потери лица элитами в случае невыверенных действий, вообще повышенной реактивностью и осторожностью.

На протяжении десятилетий только «палестинская проблема с ее сердцевиной - спором за священный город Иерусалим - могла быть единственной, способной объединить разношерстный арабский да и в целом мусульманский мир» [8]. Это суждение известной российской исследовательницы было высказано еще в 2000 г. Но последовавший позднее цепной обвал событий на Арабском Востоке, похоже, и эту проблему лишил объединительного звучания.

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Экономический фактор - немаловажное звено в цепи действий, обеспечивающих формирование национальной идентичности. Арабские воспроизводственные системы ныне в большинстве своем опираются на индустриальную основу, но не равны между собой по потенциалам роста и четко дифференцированы по источникам накопления национального богатства.

Если исключить углеводородные ресурсы, альтернативные отрасли поставляют на рынок во многом одинаковую номенклатуру товаров, о чем лучше всего свидетельствует межарабская торговля, десятилетиями сохраняющаяся на уровне 5-8%. Этого достаточно, чтобы понять, что по экономическим основаниям объединительные мотивы едва ли могут быть цементирующим материалом для объединительных инициатив.

Относительный паритет в регионе при некотором перевесе старых арабских центров производства просуществовал до революции цен на арабскую нефть в 1973 г. Это событие практически сразу резко разделило арабский мир по всем показателям. И тогда же стало ясно, что аравийские княжества быстро опередят соседей по региону, и сближения с ними ни по каким параметрам не будет.

Монархии действительно образовали привилегированный кластер и замкнулись на приведе-

⁶ Партия арабского социалистического возрождения, или Баас (арабск. - возрождение), создана в 1947 г., проповедует идею арабской нации, объединенной в рамках одного государства (*прим. авт.*).

⁷ ССАГПЗ - региональная организация, созданная в 1981 г. в целях интеграции и всемерного сотрудничества стран-членов в экономической, политической и культурной сферах (*прим. авт.*).

нии своей практики в соответствии с вызовами, которые могли бы содержать угрозу их особому существованию. Они отгородились от абстрактной идеи единой арабской нации и организовали свой субрегиональный интеграционный Совет сотрудничества, дополнив нефтегазовую специализацию инфраструктурным и логистическим компонентом, обеспечивающим стратегическое положение в системе международных торгово-экономических связей в зоне Персидского залива.

Эти фундаментальные меры легли в основу их стремления сконцентрироваться на создании собственной политической идентичности, способной выстроить благоприятные условия жизни при дистанцировании даже от единоверцев из родственных «страновых» наций.

Такая позиция, вместе с тем, не мешает сохранению духовного и религиозного единства с остальным арабским миром и признает, что монархии являются частью арабской «уммы».

Десятилетия подтвердили, что аравийские нефтеэкспортеры создали сравнительно эффективную модель экономического роста и, возможно, тем самым закладывают некий прообраз аравийской идентичности, в результате чего точка отрыва от соседних стран региона казалось в значительной степени пройденной.

Очевидно, что прошлый век стал временем серьезного преобразования арабской действительности. Тогда менялись социально-экономические основы существования арабской уммы, трансформировалась экономика, преобразовывалось материальное производство. Вообще менялось содержание процессов, стимулировавших национальное самосознание.

Но растущие разрывы по индексам и темпам роста снижали убедительность представлений об общности исторической судьбы, коллективной идентичности и ослабляли апелляцию к общеарабскому единству. Такой настрой сменил напор со стороны идеологии единства, укреплявшейся в борьбе с империализмом со времен Багдадского пакта⁸. Виной стали будни последовавших реформ и многочисленные противоречия роста практически во всех проблемных арабских государствах, хозяйственное обустройство которых и сейчас требует неотступных усилий и переключения на более приземленные темы. Примером может служить мировой кризис 2008 г., обрушивший многие показатели и сбивший темпы роста. Послекризисное же состояние растянулось на годы и продолжает сказываться и поныне.

Даже союзнические отношения в Совете сотрудничества, которые строятся на совместном использовании бесспорных конкурентных преимуществ, трактуемых изначально как «оружие», т.е. пространства, капиталы и нефть [9], и реализовались во многом благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам в виде нефти

и газа, едва ли могут превозноситься с таким же энтузиазмом, как раньше. Особенно, если принять во внимание расколы по разным основаниям внутри этого единственного интегрированного арабского центра.

По сути, арабские страны ни вместе, ни по отдельности не знали стабильности на всем протяжении своей новейшей истории. Борьба за Палестину, войны с Израилем, с Ираном, затяжные рыночные реформы и множественные проблемы от энергетической до демографической десятилетиями отвлекали огромные ресурсы и углубляли политическую и социальную дифференциацию в страновых обществах, а не сплачивали их вокруг национальной идеи, которой могло быть собирание арабских народов в единую нацию.

Нестабильность ухудшала связи и внутри региона, сея недоверие к действиям соседей и ослабляя задачи сотрудничества. В таких условиях остается все меньше поводов к «овеществлению» арабского единства, вопросы которого если и поднимаются, то в основном в кругу интеллектуалов или в газетных публикациях. Лелеемые арабскими романтиками мечты об экономической интеграцию как предвестнике реанимирования исторически сохраняющейся идеи сосуществования в рамках процветавших арабских халифатов, ныне, видимо, уже пережили свой пик.

В современный обиход вошло понимание нации как результат работы национально ориентированных элит и поддержки обществом курса на консенсус и солидарность. С этого ракурса уместно рассматривать страны, которые имеют, по меркам региона, высокоразвитую индустрию, вооружаются цифровыми технологиями, обладают иными чертами экономической идентичности, гарантирующими им не только доминирующие места в мировых бизнес-рейтингах, но и ощутимое влияние на мировом сырьевом рынке. Это о странах Совета сотрудничества.

Но далеко не все суверенные арабские государства достигли такого уровня состоятельности и жизнеобеспечения. Ослабление их дееспособности под влиянием перипетий многолетней борьбы народа с политикой малопопулярных режимов и с бедностью не может не отражаться на восприимчивости к идеям, отдаленным от текущих нужд населения. Во всяком случае, факт экономических успехов отдельных аравийских стран доказывает более высокую результативность на этом поле именно «капиталоизбыточных» государств, нежели «капиталодефицитных». Это, видимо, своего рода закономерность, которую нельзя не учитывать при определении отношения менее продвинутых обществ к объединительным ценностям

Более того, именно эти «капиталодефицитные» общества менее устойчивы по отношению к негативным воздействиям экономических кри-

⁸ Подписан в Багдаде в 1955 г. между Ираком и Турцией. После присоединения Великобритании, Ирана и Пакистана был переименован в СЕНТО (Центральное командование), существовал до 1979 г. (прим. авт.).

зисов или вооруженных конфликтов. Под влиянием деструктивных факторов они быстрее дезорганизуются, будучи неспособными мобилизовать материальные, финансовые и иные ресурсы, чтобы купировать угрозы. Их хозяйственные системы не выдерживают давления, внутренние рынки разваливаются, экономика приходит в упадок.

Так было во время гражданской войны в Ливане (1975-1990 гг.), когда его хозяйство оказалось полностью дезинтегрированным. То же в Ливии, которая вообще перестала функционировать как единое государство и рынок. Так происходит и в Сирии, экономика которой откатилась на несколько десятков лет назад. Немногим лучше ситуация в Ираке, оказавшемся на грани деиндустриализации и в глубоком политическом кризисе.

Война с «Исламским государством» создала ранее невиданный прецедент, породив небывалый по силе разлад в арабском мире. Борьба перекомпоновала отношения между правительствами, обесточила межарабские институты, вызвала сильнейшую конфессиональную рознь и фактически узаконила практику насилия.

Несанкционированное вмешательство западных держав дополняет практику превращения как бы затухающего нынешнего конфликта в хроническое явление в регионе, острота которого регулируется в зависимости от геополитических устремлений США и союзников.

Тем самым оказывается влияние и на качество функционирования национальных государств, и на их способность двигаться в своей логике совершенствования процессов нациестроительства. И это по определению делает шатким национальный суверенитет государств, втянутых в гражданские войны и в борьбу за элементарное выживание.

В этих условиях даже длительное совместное и мирное прежде сосуществование разных религий, этнических групп и традиционалистских структур не спасает от появления «позывов» к размежеванию под воздействием эгоцентричных побуждений. В крайних случаях это ведет

и к обособлению, а то и отчуждению целых анклавов под нелегитимные локальные квазигосударства или нелегальные проекты незаконных вооруженных формирований.

Подобные девиации разрушают целостность национальных государств, вымывают из народной массы все идеалы общеарабского единства, препятствуют осознанию общеарабской трансграничности и солидарности.

* * *

Арабский мир переживает жесткий период разброда и шатаний, независимо от того, развернулись в нем конфликты в полную силу или до поры находятся в скрытом состоянии. В любом случае, он погряз в неурядицах и силой обстоятельств немалой своей частью отстранен от позитивного участия в мировой экономике и политике. Он имеет репутацию неблагополучной зоны, где на первый план вышли силы, разрушающие светские основы государственности в угоду промежуточным моделям реорганизации вставших на современный путь обществ. Как результат, продолжается затяжной период дальнейшей дифференциации по жизненно важным показателям, включая материальные и духовные аспекты выживания.

На этом фоне материализация тенденций в области нациестроительства в конкретных арабских странах, как представляется, может так или иначе замедляться. Поэтому едва ли арабским государствам удастся мобилизоваться в нынешних условиях экономической и политической разобщенности Арабского Востока и Арабского залива на проведение даже минимально согласованных действий для восстановления внутреннего баланса ради общих интересов. Если такие тенденции получат дальнейшее развитие, арабский мир неопределенно долго продолжит свое существование в статусе разобщенной, «разорванной» уммы с крайне туманными перспективами для большинства составляющих его страновых наций.

Список литературы / References

- 1. Большая Российская энциклопедия. Новый энциклопедический словарь БЭС. М., 2004. (2004. Great Russian Encyclopedia, New GRE Dictionary, M.) (In Russ.)
 - 2. The Pocket Oxford Dictionary of Current English, 7th Edition. Oxford, 1984.
 - 3. Oxford Advanced Leaner's Dictionary of Current English. A.S.Hornby with A.P.Cowie, A.C.Gimson. Oxford, 1974.
- 4. Тесля А. Конструктивистские концепции нации. (Teslya A. Constructivist Conception of Nation) (In Russ.). https://postnauka.ru/video/87042 (accessed 21.12.2019)
 - 5. Васильев А. Египет и египтяне. М., 2008. (Vasiliev A. 2008. Egypt and the Egyptians. M.) (In Russ.)
- 6. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств. *Bocmok (Oriens)*. 2014, № 4. (Naumkin V.V. 2014. Problem of civilizational identification and crisis of national state. *Vostok (Oriens)*. № 4) (In Russ.)
- 7. Кузнецов В.А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире. Россия в глобальной политике. (Single-option Fragility: Fate of National State in the Arab World. Russia in Global Policy) (In Russ.). https://globalaffairs.valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-natcii-v-arabskom-mire-18043 (accessed 21.12.2019)
- 8. Супонина Е. Ностальгия по-арабски. Известия. 25.10.2000. (Suponina E. Nostalgia in Arabic way. Izvestiya. 25.10.2000) (In Russ.)
 - 9. Akhbar al-Khalidj, Bahrain. 26.02.2000.

ПУТЬ В КАРТАРПУР: «ДИПЛОМАТИЯ ВЕРЫ» В ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

© 2020 A. БОЧКОВСКАЯ

DOI: 10.31857/S032150750008727-1

БОЧКОВСКАЯ Анна Викторовна, к.и.н., доцент кафедры истории Южной Азии, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (anna-bochkovskaya@yandex.ru)

Резюме. В статье анализируется история создания и потенциал паломнического коридора на индийско-пакистанской границе, с ноября 2019 г. открывшего путь индийским сикхам к исторической гурдваре Картарпур-сахеб, которая после раздела Индии в 1947 г. оказалась на территории Пакистана. С приходом к власти в Пакистане в 2018 г. партии Техрик-е-инсаф (ПТИ) переговорный процесс по поводу Картарпурского коридора впервые принес конкретные плоды: накануне празднования 550-й годовщины гуру Нанака - основателя сикхизма - его последователи, проживающие в Индии, смогли получить доступ к святыне.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, Панджаб, сикхизм, гуру Нанак, граница, дипломатия веры

ROAD TO KARTARPUR: FAITH-BASED DIPLOMACY IN INDIA-PAKISTAN RELATIONS

Anna V. BOCHKOVSKAYA, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (anna-bochkovskaya@yandex.ru)

Abstract. The article discusses history and the potential of the Kartarpur pilgrimage corridor recently established at the India-Pakistan border. The passage has given Indian Sikh pilgrims an opportunity to access the Pakistan-based historical Kartarpur Sahib gurdwara located in close vicinity of the border line.

The gurdwara premises became part of Pakistan during the 1947 Partition of India; consequently, visiting Kartarpur Sahib became virtually impossible for the Indians. After the 2018 victory of the Pakistan Tehreek-e-Insaf party, the breakthrough in Kartarpur corridor negotiations resulted in the fast-track building of corridor infrastructure from both sides followed by the corridor inauguration on November 9, 2019, on the eve of Guru Nanak's 550th Prakash Gurpurab (birthday).

Ideologically, the Kartarpur corridor project is most feasible for both sides owing to the egalitarian nature of Guru Nanak's teaching and his "neutral" - neither Hindu nor Muslim - religious affiliation. Consequently, it would be quite difficult to fault the faith-based diplomacy proponents of being "pro-Pakistani" or "pro-Indian" when promoting transborder religious and cultural contacts in this locality. The project is also economically advantageous for both sides as it can boost up tourist sector in Pakistan and substantially contribute to the economic development of India's Gurdaspur district and the Punjab state in general. From this perspective, the Kartarpur corridor is a pragmatic project, which favors the faith-based diplomacy theory. Unfortunately, due to most complicated relations between the two countries, the future of the Kartarpur corridor remains vague.

Keywords: India, Pakistan, Punjab, Sikhism, Guru Nanak, border, faith-based diplomacy

После раздела Британской Индии в 1947 г. многие святыни, важные для сикхов - последователей учения средневекового поэта-мистика и философа гуру Нанака (1469-1539), оказались по разные стороны индийско-пакистанской границы: линия Рэдклиффа разрезала провинцию Панджаб (основной район проживания сикхов на северо-западе субконтинента) на две части. На пакистанской территории остались, в частности, Нанкана-сахеб - место рождения Нанака, а также Картарпур, где гуру Нанак провел последние 18 лет жизни. Эти города называют «Меккой и Мединой» последователей Нанака, двумя важнейшими паломническими целями сикхов.

Картарпур занимает особое место в истории сикхизма. Там гуру Нанак продолжал проповедь своего учения, вобравшего многие идеи из средневекового индийского бхакти¹ и из суфизма². Там же он работал вместе с сыновьями на земле, обрабатывая ее и претворяя в жизнь мысль о том, что главное в жизни человека - земной путь, выполнение дхармы домохозяина (грихастха), неразрывно связанной с индивидуальными религиозно-духовными поисками. В Картарпуре появилась и первая «трапезная гуру» (гуру-да-лангар), где безвозмездно предоставляли еду и возможность отдохнуть всем путникам и нуждающимся безотносительно их веры, касты, пола, возраста, социального положения. Этим принципам ученики

¹ *Бхакти* (любовь, преданность, служение [богу]) - «мистический индуизм», совокупность средневековых североиндийских религиозно-реформаторских течений, ориентированных на личные взаимоотношения между адептом и божеством (*прим. авт.*).

 $^{^{2}}$ Суфизм - мистико-аскетическое течение в исламе (npum. aem.).

и последователи Нанака - сикхи - стараются слеловать и поныне³.

На месте кончины гуру Нанака в XVI в. была построена гурдвара (храм) Картарпур-сахеб; в 1920-х гг. её фактически воссоздали заново на средства, выделенные сикхским правителем индийского княжества Патиала. Сегодня она считается самой большой в мире гурдварой: принадлежащая храму территория занимает около 6 кв. км.

Будучи расположенной на западном берегу реки Рави на расстоянии менее 4 км от границы, гурдвара хорошо видна с восточного - индийского - берега, но с 1947 г. и вплоть до открытия в ноябре 2019 г. специального паломнического прохода (коридора) в Картарпур она оставалась практически недоступной для сикхов, проживающих в Индии. Поэтому напротив Картарпура в индийском приграничном городе Дера Нанак-сахеб, где расположена еще одна гурдвара, связанная с именем основателя сикхизма, была построена специальная площадка для даршана - созерцания недосягаемого Картарпур-сахеба.

В настоящей статье рассматриваются история создания и потенциал Картарпурского коридора, появление которого стало следствием «дипломатии веры» - по определению политологов Д.Джонстона и Б.Кокса, «разновидности дипломатии второго трека (т.е. неофициальной), объединяющей динамику религиозной веры с действиями в области международного миротворчества»; и потому в большей степени «ориентированной на примирение, а не на урегулирование конфликтов» [5, р. 15]⁴.

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ К РАЗДЕЛЕННЫМ СВЯТЫНЯМ

В силу специфики отношений Индии и Пакистана, эволюционировавшей от плохого к худшему на протяжении всех семи десятилетий независимого существования двух государств, посещение знаковых *гурдвар* оставалось крайне сложным для сикхов-индийцев.

Порядок паломнических визитов определялся рядом двусторонних документов: прежде всего, соглашением, подписанным в 1950 г. премьер-министрами Индии и Пакистана Джавахарлалом Неру и Лиакатом Али-Ханом [10], а также более поздними договоренностями, в частности, протоколом 1974 г. по вопросам посещения мест религиозного почитания [11], в соответствии с которым ежегодное количество паломников с каждой

стороны ограничивалось 20 группами. К 2017 г. в Индии и Пакистане для трансграничного паломнического доступа были открыты по пять культовых мест⁵ [12].

В соответствии с этими соглашениями в Пакистан несколько раз в год направлялись сикхские паломнические группы-джатха для посещения трех исторических гурдвар - Нанкана-сахеб и Панджа-сахеб в дистрикте Равалпинди и Дера-сахеб в Лахоре. Такие визиты обычно приурочивались ко дню рождения гуру Нанака, дню памяти Ранджита Сингха - основателя сикхского государства (1799-1839), а также к важному в сикхской традиции весеннему празднику байсакхи.

Чтобы попасть в пакистанскую часть Панджаба, паломники были вынуждены пользоваться длинными объездными путями, следуя через немногочисленные действующие пограничные пункты. К тому же получение пакистанской визы, обязательной для визитов, требовало немалых средств и занимало много времени; частыми были и отказы пакистанской стороны в предоставлении виз. Впрочем, аналогичные сложности возникали и у пакистанцев, желавших посетить мусульманские святыни, оставшиеся после 1947 г. в Индии.

Открытые для доступа пакистанские гурдвары ежегодно посещали в общей сложности около 7 тыс. индийцев [13]. Но для подавляющего большинства проживающих в Индии 22 млн сикхов путь к ним оставался закрытым. Недоступным оставался и Картарпур-сахеб: несмотря на историческую значимость и расположение у самой границы, эта гурдвара не входила в число мест религиозного почитания, определенных двусторонними соглашениями. Поэтому мысль о создании особого паломнического прохода, который позволил бы индийским последователям гуру Нанака максимально быстро и с наименьшими издержками добираться до Картарпура, не оставляла индийских сикхов. Но только с конца 1990-х гг. власти двух стран приступили к обсуждению этого вопроса.

На официальном уровне тема Картарпурского коридора была впервые затронута в феврале 1999 г. в ходе визита премьер-министра Индии Атала Бихари Ваджпайи в Лахор [14], где прошли его переговоры с пакистанским премьер-министром Навазом Шарифом⁶. Хотя стороны обсуждали, прежде всего, проблему ядерной безопасности в южно-азиатском регионе, в итоговом заявлении

³ Об истории сикхизма и его современной специфике см.: [1; 2]; о роли *лангара* в сикхизме см.: [3, с. 300-312; 4, с. 313-322] (*прим. авт.*).

⁴ О дипломатии веры / религии подробнее см., например: [6; 7; 8; 9].

⁵ В 2017 г. в список входили 5 мусульманских святынь в Индии (две - в Дели, по одной - в штатах Раджастхан, Панджаб и Уттаракханд), а также 2 индусские и 3 сикхские святыни в Пакистане (одна - в провинции Синд, четыре - в пакистанском Панджабе) [12].

⁶ Занимал пост премьер-министра Пакистана в 1990-1993, 1997-1999 и 2013-2017 гг. (прим. авт.).

отмечалось, что они продолжат диалог по вопросу либерализации визового режима и правил пересечения границы [15, р. 3]. Кроме того, Н.Шариф дал принципиальное согласие на строительство коридора.

Одним из аргументов в пользу создания коридора было то, что теоретически им могли бы пользоваться не только индийские, но и крайне немногочисленные (по разным оценкам, от 20 до 40 тыс. человек) пакистанские сикхи - для посещения гурдвары Дера Нанак-сахеб [16], а в отдаленной, правда, очень туманной перспективе - и пакистанские мусульмане для визитов к нескольким небольшим даргахам, т.е. местам захоронения мусульманских пиров-«святых», оставшимся после раздела 1947 г. рядом с границей на индийской части Панджаба [17].

Таким образом, обретение доступа к культовым местам могло бы представлять обоюдный интерес. Коридор также рассматривался сторонами в качестве канала мира и культурного взаимодействия на «линии взаимной ненависти» - так нередко называют индийско-пакистанскую границу [18].

Однако наметившийся позитив в индийско-пакистанских переговорах был вскоре сведен к нулю с началом в мае 1999 г. пограничного вооруженного конфликта, получившего название «Каргильская война», и вопросы гуманитарного сотрудничества, включая создание Картарпурского коридора, на время были сняты с повестки дня.

ЭТАПЫ КАРТАРПУРСКОГО ДИАЛОГА

В последующие годы переговоры по поводу Картарпура шли неровно. Они во многом определялись степенью личной заинтересованности участников дискуссии; при этом по-прежнему определяющую роль в переговорном процессе играла позиция сикхской общины Индии, а также - напрямую и опосредованно - сикхской диаспоры США, Канады и Великобритании, в особенности потомков переселенцев из западной части колониальной Индии, в 1947 г. ставшей Западным Пакистаном⁷.

Индийское правительство неоднократно высказывало опасения, связанные с вопросами безопасности. В частности, отмечалось, что Пакистан может задействовать Картарпурский коридор для подрыва стабильности Индии, используя *гурдвару* для негласной поддержки прохалистанского движения и вербовки радикально настроенных сикхов, прежде всего молодежи⁸ [20].

Пакистанская сторона была в значительной степени озабочена вопросами логистики и строительства необходимой инфраструктуры, поскольку с учетом локации гирдвары основные затраты пришлось бы нести именно ей: по оценке (2009 г.) американского Института многотрековой дипломатии, строительство инфраструктуры коридора, включающей шоссе с пешеходной и велосипедной дорожками, а также пункты досмотра, должны были обойтись Индии в \$2,2 млн, Пакистану в \$14,8 млн [21]. Как бы то ни было, в 2000 г. пакистанские власти дали формальное согласие на строительство моста к гурдваре через пограничную реку Рави [22] и объявили ряд тендеров на строительство инфраструктуры, но до строительства моста дело не дошло.

Новый импульс переговоры получили с 2004 г., когда после победы коалиции во главе с партией Индийский национальный конгресс (ИНК) на выборах в парламент страны премьер-министром Индии стал сикх Манмохан Сингх, поддерживавший идею создания коридора [23]. В том же году власти Пакистана, вероятно, с привлечением ресурсов сикхской диаспоры [24] полностью отремонтировали и реконструировали храмовый комплекс, который после 1947 г. находился в весьма плачевном состоянии. Несколько позже к нему была подведена грунтовая дорога.

В 2010 г. законодательное собрание индийского штата Панджаб приняло резолюцию с призывом центральному правительству всячески способствовать созданию коридора [25], а в 2012 г. с такой же просьбой к министру иностранных дел Индии обратился индийский Комитет по управлению гурдварами - влиятельная сикхская организация, отвечающая за администрирование большинства *гурдвар* в стране. После прихода к власти в 2014 г. индусской Бхаратия джаната партии (БДП) во главе с Нарендрой Моди⁹ сикхское лобби продолжало настаивать на продолжении переговоров на самом высоком уровне.

 $^{^7}$ За пределами Индии проживает около 2 млн сикхов. Подробнее о сикхской диаспоре см.: [1;19] .

⁸ Сецессионистское движение за отделение Панджаба и создание сикхского государства Халистан разворачивалось в Индии с конца 1970-х до начала 1990-х гг. при поддержке экстремистских группировок, действовавших за пределами страны. Такого рода организации (Армия освобождения Халистана / Khalistan Liberation Force, Сикхи за справедливость / Sikhs for Justice и др.) сохраняют активность и сегодня - в США, Канаде, Великобритании и ряде других стран; в Индии они объявлены террористическими. В индийских СМИ нередко встречаются сообщения о подрывной деятельности в отношении Индии, которую прохалистанские силы ведут с территории Пакистана; степень их достоверности оценить трудно.

Проблема «халистанского фактора» в создании Картарпурского коридора вынесена за рамки настоящей статьи (прим. авт.).

 $^{^9}$ Н.Моди возглавляет правительство Индии после убедительных побед БДП на выборах 2014 и 2019 гг. (*прим. авт.*).

Сикхи многократно поднимали Картарпурский вопрос в индийском парламенте, но в мае 2017 г. специальный парламентский комитет указал на «несвоевременность» создания коридора с учетом состояния отношений между двумя странами [26].

Тем не менее, переговоры активизировались с приходом к власти в Пакистане в 2018 г. партии *Pakistan Tehrik-e-Insaf* (ПТИ) во главе с Имраном Ханом, профессиональным спортсменом-крикетистом, ставшим известным политиком. На церемонии принятия им присяги при вступлении в должность индийскую сторону представлял Навджот Сингх Сидху - министр туризма штата Панджаб, также в прошлом профессиональный игрок в крикет, хорошо знавший И.Хана с 1980-х гг., когда они оба были в большом спорте¹⁰.

«Крикетная дипломатия» дала результат, усиленный еще и тем, что в ноябре 2019 г. предстояло большое событие - празднование 550-летия рождения гуру Нанака. Поэтому вскоре после инаугурации И.Хана пакистанская сторона объявила о своем решении построить и открыть коридор в преддверии этой даты, к 12 ноября 2019 г. На этом этапе индийский парламент принял аналогичное решение, и в ноябре 2018 г. обе страны начали интенсивное сооружение инфраструктуры коридора.

Несколько раз на протяжении года возникали конфликтные ситуации, когда вопрос мирного трансграничного взаимодействия, казалось, полностью снимался с повестки дня. Так было в ходе пограничного конфликта в феврале 2019 г. после террористического акта в Пулваме (Кашмир), когда в результате действий смертника погибли 40 индийских полицейских, и Индия приняла решение о нанесении авиаудара по контролируемой Пакистаном территории.

Спустя полгода, после принятия в августе 2019 г. правительством Индии знакового решения по отмене особого статуса штата Джамму и Кашмир¹¹, снова произошло резкое обострение в индийско-пакистанских отношениях с эскалацией военного присутствия по обе стороны границы, прежде всего, в районе Кашмира. Судьба Картарпурского коридора вновь и вновь оказывалась под ударом, но проектные работы продолжались,

строительство не останавливалось, и к концу октября 2019 г. большая часть запланированных мероприятий была выполнена.

Одновременно страны вели переговоры по конкретным условиям безвизового посещения исторической *гурдвары*.

Во-первых, было необходимо достичь соглашение относительно официального документа (паспорт или иное удостоверение личности) для предъявления на контрольных пунктах с индийской и пакистанской стороны, а также о предварительной регистрации на посещение Картарпур-сахеба. Во-вторых, стоял вопрос о взимании Пакистаном 20-долларового сбора с паломников для частичной компенсации расходов на содержание инфраструктуры коридора; Индия настаивала на необходимости отмены такого сбора, указывая, что эта сумма является значительной для многих сикхских семей, а само взимание платы за паломничество идет вразрез с альтруистическими идеями сикхизма. Некоторые индийские политики характеризовали его как джизию - подушный налог на немусульман, ранее взимавшийся в исламских странах [27]. Дискуссия продолжалась вплоть до подписания сторонами 24 октября 2019 г. окончательного соглашения по Картарпурскому коридоpy [28; 29].

Этот документ определил порядок работы коридора на ближайшие 5 лет, устанавливая, что он будет открыт ежедневно в светлое время суток, и паломники должны возвращаться в Индию в тот же день. Стороны договорились о непременном наличии у них индийского паспорта (или иного - у лиц с иностранным индийским гражданством 12), обязательного к предъявлению на контрольных пунктах. При этом паломники должны не менее чем за 2 недели подавать электронную заявку для посещения Картарпура на специально созданном под эгидой МВД Индии портале (https://prakashpurb550.mha.gov.in).

Соглашение установило максимальное ежедневное количество паломников - 5000 человек с оговоркой, что в дни сикхских праздников и памятных дат эта цифра может быть увеличена по взаимной договоренности. Несмотря на возражения индийской стороны, за Пакистаном сохранялось право взимания 20-долларового сервисного сбора.

¹⁰ И в Индии, и в Пакистане крикет - популярнейший вид спорта, неизменно собирающий колоссальную аудиторию болельщиков. Команды двух стран входят в число сильнейших в мире. Матчи с их участием представляют собой возможность для индийских и пакистанских политиков провести встречи в неформальной обстановке для обсуждения насущных вопросов. Термин «крикетная дипломатия» прочно утвердился в политическом лексиконе Южной Азии. «Крикетная» карьера индийцев и пакистанцев практически всегда гарантирует им успех на политическом поприще (прим. авт.).

¹¹ Особый статус штата (с 1947 г. - главный предмет раздора Индии и Пакистана) был зафиксирован в ст. 370 Конституции Индии. В соответствии с принятым в августе 2019 г. законом, штат Джамму и Кашмир прекратил свое существование, а на его месте появились две территории союзного подчинения, управляемые из центра (*прим. авт.*).

¹² Иностранное индийское гражданство (Overseas Citizenship of India/OCI) - статус, который, в соответствии с поправкой к Закону о гражданстве (Citizenship (Amendment) Act 2005), могут получить лица индийского происхождения, являющиеся гражданами других стран (*прим. авт.*).

Инаугурация Картарпурского коридора состоялась 9 ноября 2019 г. - за 3 дня до 550-летия гуру Нанака. Имран Хан торжественно открыл пакистанскую часть коридора, а его визави Нарендра Моди - индийскую, и в Картарпур направилась первая паломническая группа во главе с сикхскими духовными лидерами, в которую также входили бывший премьер-министр Манмохан Сингх, главный министр штата Панджаб Амариндер Сингх, вышеупомянутый Навджот Сингх Синдху и другие известные сикхи. Впервые за 70 лет индийские последователи Нанака смогли проследовать кратчайшим путем к исторической гурдваре; путь в Картарпур был открыт.

«ДИПЛОМАТИЯ ВЕРЫ» И ПРАГМАТИЧНЫЙ ПОДХОД К ДУХОВНОЙ СФЕРЕ

Постоянные «качели» в индийско-пакистанских отношениях, казалось бы, должны сводить к минимуму усилия по развитию картарпурского диалога. Не случайно перспективы открытия коридора до ноября 2019 г. многими оценивались пессимистически, а после того как он все-таки был открыт, можно часто услышать скептические оценки его будущего. Однако представляется, что этот проект имеет немалые шансы на продолжение и развитие.

Переговоры по поводу настоящего и будущего паломнического коридора, как и в целом по вопросам трансграничного взаимодействия, небезынтересны обеим странам: картарпурский сюжет идеологически выгоден как 200-миллионному мусульманскому Пакистану, так и по преимуществу индусской Индии с населением свыше 1,3 млрд человек, для демонстрации уважительного отношения к религиозным меньшинствам.

В то же время, с государственно-идеологической точки зрения, локус, связанный с жизнью основателя сикхизма, представляет собой нейтральное поле: Нанак - не индус и не мусульманин, и, более того, сикхизм, исторически вобравший в себя элементы, свойственные исламу и индуизму, в определенном смысле оказывается стоящим «над» обеими религиозными системами¹³. Поэтому заподозрить сторонников «дипломатии веры», продвигающих и поддерживающих идею трансграничных контактов, в «проиндийском» или в «пропакистанском» крене крайне сложно.

Кроме того, Картарпурский коридор представляет собой проект, экономически выгодный для обеих стран. С пакистанской стороны в создание инфраструктуры вокруг огромного комплекса картарпурской гурдвары уже на начальном этапе было вовлечено значительное количество подрядчиков для строительства 4,5 км подъездных путей к комплексу, включая 900-метровый мост через пограничную реку Рави. Кроме того, Пакистан, весьма заинтересованный в развитии туристической индустрии, обретает возможность увеличить количество нацеленных на религиозный туризм иностранцев, причем не только сикхов.

Большую экономическую выгоду планирует получить и индийская сторона и, прежде всего, штат Панджаб. Ко дню открытия коридора был введен в строй 3,5-километровый участок современного четырехполосного шоссе, ведущего к огромному, часто сравниваемому с аэропортом, терминалу у пункта перехода, призванному демонстрировать величие, процветание и - по умолчанию - доминирование индийской стороны¹⁴. К 2021 г. в рамках второго этапа строительства инфраструктура коридора будет расширена на площади в 20 га за счет сооружения отелей и хостелов для паломников, организации медицинских учреждений и новых торговых объектов [31].

За последний год экономические показатели города Дера Нанак-сахеб радикально изменились: из третьестепенного населенного пункта Панджаба он быстро превращается в значимый транспортно-торговый узел [31]. С учетом планов по посещению картарпурской гурдвары 5 тыс. паломниками ежедневно, его финансовая выгода, как и всего приграничного дистрикта Гурдаспур, не подлежит сомнению.

* * *

Таким образом, Картарпурский паломнический проект во многом носит прагматический характер, что в полной мере подтверждает один из постулатов «дипломатии веры»: «мир, на достижение которого она [дипломатия веры - А.Б.] нацелена, не подразумевает только лишь отсутствие конфликтов; скорее, речь идет о восстановлении здоровых и уважительных взаимоотношений сторон. В то время как религиозные посредники, как и многие секуляристы, полагают, что дипломатия и миропорядок должны иметь в своей основе принципы морали,

¹³ В этом смысле мост через реку Рави, по которому паломники следуют в Картарпур и обратно, приобретает особый, метафорический смысл (*прим. авт.*).

¹⁴ С обустройством пунктов перехода две страны получили возможность продолжить приграничные соревнования в демонстрации степени своей «патриотичности». С обеих сторон появились флагштоки с государственными флагами, причем Пакистан оказался вынужденным решать проблему высоты флагштока: поскольку Картарпурский коридор создавался для религиозного паломничества, пакистанский государственный флаг не должен визуально доминировать над сикхским флагом-джханда, который непременно находится рядом с гурдварой и служит маркером религиозного места [30]. Индийская же сторона водрузила свой, исполинских размеров (27х18 м), триколор на 90-метровом флагштоке около паломнического терминала, особо подчеркивая, что это один из самых больших государственных флагов страны [31] (прим. авт.).

они также осознают необходимость прагматизма в стремлении к примирению» [5, р. 15].

Представляется, что переговоры и действия по выстраиванию картарпурского «коридора мира», какими бы сложными они ни были, открыва-

ют значительные потенциальные возможности для сотрудничества Индии и Пакистана. А насколько успешно они будут реализованы, покажет ближайшее и несколько более отдаленное будущее.

Список литературы / References

- 1. Jacobsen K.A., Mann G.S., Myrvold K., Nesbitt E. (eds). Brill's Encyclopedia of Sikhism. Vol. 1. Leiden Boston, Brill, 2017.
- 2. Успенская Е.Н., Котин И.Ю. Сикхизм. СПб, Петербургское востоковедение, Азбука-Классика, 2007. (Uspenskava Ye.N., Kotin I.Yu. 2007. Sikhism. Saint Petersburg) (In Russ.)
- 3. Бочковская А.В. Милосердие лангара: ритуальное служение в «трапезных гуру». Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. М., МГИМО-Университет, 2018. (Bochkovskaya A.V. 2018. The Charity of Langar. Voluntary Service in "Guru's Kitchens". Taste of the Orient: Gastronomic Traditions in History, Culture and religions of Asian and African Peoples. M.) (In Russ.)
- 4. Хохлова Л.В. Сикхский лангар символ социального равенства (страницы истории). Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. М., МГИМО-Университет, 2018. (Khokhlova L.V. 2018. The Sikh Langar: A Symbol of Social Justice (Chapters of History). Taste of the Orient: Gastronomic Traditions in History, Culture and religions of Asian and African Peoples. M.) (In Russ.)
- 5. Johnston D., Cox B. 2003. Faith-Based Diplomacy and Preventive Engagement. Johnston D. (ed.). Faith-Based Diplomacy. Trumping Realpolitik. Oxford: Oxford University Press, pp. 11-32.
 - 6. Johnston D. (ed.). Faith-Based Diplomacy. Trumping Realpolitik. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- 7. Cox B., Philpott D. 2003. Faith-Based Diplomacy: An Ancient Idea Newly Emergent. *The Brandywine Review of Faith & International Affairs*. Vol. 1, № 2, pp. 31-40.
 - 8. Blakemore S. Faith-based Diplomacy and Interfaith Dialogue, Leiden Boston: Brill, 2018.
 - 9. Troy J. 2008. Faith-Based Diplomacy under Examination. The Hague Journal of Diplomacy. Vol. 3, pp. 209-231.
- 10. Agreement between the Governments of India and Pakistan Regarding Security and Rights of Minorities (Nehru-Liaquat Agreement), 1950. http://www.commonlii.org/in/other/treaties/INTSer/1950/9.html (accessed 03.01.2020)
- 11. Protocol Constituting an Agreement Between the Government of India and the Government of the Islamic Republic of Pakistan on Visit to Religious Shrines, 1974. https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6199/Protocol+on+visits+to+Religious+Shrines (accessed 03.01.2020)
- 12. Pant-Mirza Agreement: Information of the Ministry of External Affairs. 19.07.2017. https://pib.gov.in/newsite/mbErel.aspx?relid=168666 (accessed 03.01.2020)
 - 13. The Times of India. 22.08.2018.
- $14. \ Dawn \ Wire \ Service. \ 20.02.1999. \ https://asianstudies.github.io/area-studies/SouthAsia/SAserials/Dawn/1999/20Feb99.html#vajp (accessed 03.01.2020)$
- 15. Joint Statement by the Prime Minister of Pakistan, Mr. Muhammad Nawaz Sharif, and the Prime Minister of India, Shri Atal Behari Vajpayee. February 21, 1999. Lahore. https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/peace agreements/ip lahore19990221.pdf (accessed 03.01.2020)
 - 16. Hindustan Times. 09.11.2019.
- 17. Snehi Y. 2019. Spatializing Popular Sufi Shrines in Punjab: Dreams, Memories, Territoriality. Oxon, New York: Routledge, pp. 106-138.
 - 18. The Economist. 24.07.2017.
 - 19. Hawley M. (ed.) Sikh Diaspora. Theory, Agency, and Experience. Leiden, Brill, 2013.
 - 20. India Today. 27.11.2018; Hindustan Times. 07.11.2018.
- 21. Kartarpur Peace Corridor Project Report. Institute for Multi-Track Diplomacy. 2009. http://www.imtd.org/wp?content/uploads/2009/08/Peace?Corridor?Project?Report.pdf (accessed 15.07.2019)
 - 22. The Tribune. 16.11.2000.
- 23. Sethi Ch.K. What is the Kartarpur corridor issue that made Navjot Singh Sidhu hug Pakistan army chief? *The Print*. 23.08.2018. https://theprint.in/india/governance/what-is-the-kartarpur-corridor-issue-that-made-navjot-singh-sidhu-hug-pakistan-army-chief/103257/ (accessed 05.01.2020)
 - 24. The Times of India. 09.05.2017.
- 25. Resolution Regarding Uninterrupted Passage to the Holy Shrinne of Sri Kartarpur Sahib, Now in Pakistan, From Dera Baba Nanak (Distt. Gurdaspur). Punjab Vidhan Sabha Debates. October 1, 2010. Vol. 10, № 4; Official Report. Legislative Assembly of Punjab. http://punjabassembly.gov.in/images/Debates/2010/24%20September%20to%201%20October% 202010.pdf (accessed 13.01.2020)
 - 26. The Tribune. 02.05.2015.
 - 27. India Today. 14.09.2019.
- 28. Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the Islamic Republic of Pakistan for the facilitation of Pilgrims to visit Gurdwara Darbar Sahib Kartarpur, Narowal, Pakistan. https://www.mea.gov.in/rajya-sabha.htm?dtl/32117/QUESTION+NO1166+AGREEMENT+ON+KARTARPUR+CORRIDOR (accessed 23.01.2020)
- 29. Draft of Kartarpur Corridor Agreement. https://dunyanews.tv/en/Pakistan/515517-Kartarpur-Corridor-Agreement-text-copy-Pakistan-India (accessed 23.01.2020)
 - 30. Dawn. 16.07.2019.
 - 31. Economic Times. 31.08.2019; The Times of India. City. 05.12.2018.

АЛЕВИТЫ И АЛАВИТЫ В ТУРЦИИ

(на основе полевых исследований в городе Хаджибекташ и провинции Хатай)

© 2020 Д. ЖИГУЛЬСКАЯ

DOI: 10.31857/S032150750008730-5

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна, к.и.н., доц. кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; ст.н.с. ИВ РАН (dvzhigulskaya@gmail.com)

Резюме. Статья является своеобразным продолжением кандидатского исследования автора на тему турецкого алевизма. В ходе работы было выявлено весьма примечательное и довольно распространенное заблуждение, сводящееся к ошибочному отождествлению турецких алевитов с алавитами (нусайритами) Сирии. Спустя почти 7 лет после публикации автором в 2013 г. в журнале «Азия и Африка сегодня» статьи под названием «Алевиты Турции» предпринята попытка расширить объект исследования и на основании результатов полевых исследований выявить региональные особенности алевитской и алавитской общин, проживающих в Турции.

Ключевые слова: алевиты, алавиты (нусайриты), ислам, суфизм, Турция

ALEVIS VS ALAWITES IN TURKEY (Based on field studies in Turkey)

Daria V. ZHIGULSKAYA, PhD (History), Associate Professor, Institute of Asian and African countries, Moscow State University (dvzhigulskaya@gmail.com)

Abstract. In view of its geographical location and the ethnic, religious and cultural heterogeneity of its population, modern Turkey is of special interest both to orientalists and to a wide range of people interested in global political and social affairs. In this context, the subject of Turkish Alevism and Turkish Alevis has acquired particular relevance in recent years. However, Turkey's Alevis are often confused with the 'Alawites (Nusayros) of Syria, leading to a gross distortion of the concept of Turkish Alevism. The 'Alawites (Nusayros) are concentrated mainly in Syria, where they constitute around 12% of the country's population, though there is a small community of approximately 350,000 people in Turkey. They live predominantly in the southern provinces of Hatay, Adana and Mersin, and are ethnic Arabs.

This paper is an outcome of the author's PhD dissertation on the Turkish Alevism and is based on the findings carried out in the town of Haccibektas and in Hatay province and aims to highlight the regional aspects of the Alevi and 'Alawite (Nusayro) communities in Turkey (the 'Alawites of Syria are not reviewed here). The focus is on the characteristics of the two faiths, their forms of worship and the traditions of social organization within the two communities. The similarities between the two faiths are summarized and their distinctive features are highlited.

Keywords: Alevis, 'Alawites (Nusayros), Islam, Sufism, Turkey

Турецкая Республика представляет собой светский демократический режим, при этом большинство населения исповедует ислам суннитского толка. Вместе с тем, религиозная традиция в Турции весьма богата и разнообразна, и ислам не является «монолитной», единой по форме религией в стране. Так, алевиты Турции - наиболее многочисленное несуннитское меньшинство. Точные количественные сведения об алевитах отсутствуют и варьируются в пределах 10-15 млн. Традиционно алевиты населяли территории Центральной Анатолии. По этническому составу выделяют алевитов-турков, алевитов-курдов и балканских алевитов.

В Османской империи алевиты подвергались жестоким гонениям и считались еретиками, испытывая на себе серьезную дискриминацию. В связи с этим они горячо поддерживали установление светского республиканского режима. Существенный подъем в самосознании алевитов пришелся на 1960-е - 1980-е гг., выразившийся

в формировании и консолидации самостоятельной религиозно-социальной идентичности алевитов. В 1990-х гг. алевиты стали все более заметны в общественной жизни страны и на политической арене. Примечательно, что с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. произошло существенное смещение из области религиозных в сферу политических ценностей алевизма: все чаще алевиты прибегали к таким референциям, как приверженность идеям Ататюрка, секуляризма и т.д. Сегодня алевиты формируют значительный фактор в социальном и политическом климате Турции. Примечательно, что зачастую этот термин используют как синонимичный оппозиции действующему режиму. Можно сказать, что на протяжении XX-XXI вв. это религиозно-социальное явление значительно эволюционировало и видоизменилось. В этом контексте за последние несколько лет тема турецкого алевизма и турецких алевитов приобрела особую актуальность.

Однако турецких алевитов нередко отожествляют с алавитами (нусайритами) Сирии, что приводит к существенному искажению понимания турецкого алевизма. Алавиты (нусайриты) сконцентрированы преимущественно на территории Сирии, составляя около 12% населения страны. Однако небольшая община алавитов, насчитывающая примерно 350 тыс. человек, проживает и на территории современной Турции. Они сосредоточены преимущественно на юге страны в таких местностях, как Хатай, Алана, Мерсин, и являются этническими арабами. Настоящая статья основана на результатах полевых исследований, проведенных в городе Хаджибекташ и провинции Хатай, и нацелена на осуществление сравнительного анализа и выявление региональных особенностей алевитской и алавитской (нусайритской) общин, проживающих в Турции (алавиты Сирии в данной статье не рассматриваются). Основное внимание уделяется характеристике рассматриваемых религиозных течений, формам поклонения и традициям социальной организации в рамках двух общин. В статье выявлены и обобщены сходства между двумя конфессиями, а также выделены их отличительные черты.

При этом необходимо отметить малоизученность исследуемого вопроса. В отечественном востоковедении сведения по алевитской тематике встречаются спорадически, в западном - чаще. Тематические труды турецких исследователей, безусловно, наиболее многочисленны, разнообразны и характеризуются длительной историей изучения вопроса.

Крупнейшим специалистом среди западных исследователей в области изучения алевитов и бекташи (суфийский орден) считается профессор Страсбургского университета И.Меликофф. Кроме того, значительный вклад в изучение турецкого алевизма внесли такие исследователи, как П.Эндрюс, М.Дресслер, К.Кеель-Бодроги, Г.Шулер, Д.Шенкленд, К.Ворхофф.

Научное изучение алевитов турецкими исследователями началось только в 20-х гг. XX в. с выходом в свет статей и исследований М.Ф.Кёпрюлю, З.Гёкальпа, Б.Саида. В период формирования турецкой нации сложилась традиция интерпретировать алевизм (наряду с бекташизмом) в качестве неотъемлемой части турецкой культуры, анатолийского фольклора, которая существовала вплоть до 1980-х гг. Период после 1980-х гг. изо-

билует работами по алевитской тематике - многоплановыми, но порой весьма политизированными и тенденциозными. Одним из ведущих ученых в этой области в Турции сегодня является А.Я.Оджак.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день степень изученности арабского алавизма (нусайризма) значительно ниже уровня исследованности турецкого алевизма. Отчасти это обусловлено значительным консерватизмом арабских алавитов. Большой вклад в изучение алавизма (нусайризма) внесли такие западные ученые, как Л.Массиньон и Т.Олссон, однако фундаментальное исследование по истории арабских алавитов принадлежит М.Ат-Тавилю² - представителю алавитской общины. Его книга была впервые опубликована в 1920-х гг. Ведущим турецким исследователем в области арабского алавизма является Х.Тюрк³.

ТЕОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕРОУЧЕНИЙ АЛЕВИТОВ И АЛАВИТОВ

Касаясь вопроса возникновения алевизма на территории Анатолии, стоит отметить, что зачастую указать период с точностью до столетия затруднительно. Так, необходимо учитывать две даты: XI-XII вв. - приход части тюркских (огузских и др.) племен в Малую Азию и XV-XVI вв. - апофеоз антиосманской борьбы шиитов в Малой Азии и Азербайджане.

В действительности до XVI в. восприятие ислама тюркскими племенами Восточной Анатолии было во многом обусловлено и определялось доисламскими верованиями (различного происхождения, включая элементы шаманизма, буддизма и, возможно, манихейства). Отдельно стоит выделить влияние суфизма. Это явление можно охарактеризовать как своего рода религиозный синкретизм, эклектическое смешение различных религиозных воззрений. Но в качестве самостоятельного явления кызылбашество (или алевизм, как позднее его стали называть) сформировалось лишь к XVI в. и испытало серьезное влияние со стороны династии Сефевидов. Опору сефевидских шейхов в XV в. составляли западнотуркменские (огузские) племена Ирана и Анатолии. Опальный шейх Джунайд (1447-1460 гг.) начал пропаганду шиитских идей среди названных племен. Известно, что идеи хуруфитов также оказали на шейха существенное

¹ В данной статье термины «арабские алавиты» и «нусайриты» используются взаимозаменяемо (*прим. авт.*).

² Автор данной статьи ссылается на перевод книги на турецком языке - et-Tavil M. Arap Alevîlerinin Tarihi, Nusayrîler (Çev: İsmail Özdemir). İstanbul: Çivi Yazıları. 2000 (прим. авт.).

³ Важное значение в проведении данного исследования имел его недавний труд. См.: Türk H. Anadolu'nun Gizli İnancı Nusayrîlik, İstanbul: Kaknüs Yayınları. 2013 (прим. авт.).

влияние. После смерти Джунайда его новорожденный сын Хайдар (1460-1488 гг.) почитался его сторонниками в качестве земного воплощения Бога. Воинственные мюриды Хайдара получили название «кызылбаши» («красноголовые») - по красному головному убору с двенадцатью клиньями, символизирующими двенадцать шиитских имамов. Также этот головной убор назывался тадж-и-хайдари. В 1487 г. у Хайдара родился младший сын Исмаил, ставший в дальнейшем всемогущим шахом Ирана, основателем династии Сефевидов [1, с. 67-68].

И.Меликофф также указывает на то, что полностью алевизм оформился только в XVI в. Однако еще династия Каракоюнлу в начале XV в. поддерживала гетеродоксное учение среди туркменских полукочевников. Вера в манифестацию Бога в человеческом обличье, поклонение Али и двенадцати имамам, траур по мученикам Кербелы⁴ и культ мученичества были характерны для этого крайнего шиитского вероучения, не имевшего тогда определенного наименования, и повлияли на сложение доктрины кызылбашей⁵, получившей оформление уже в XVI в. [2, р. 162].

Таким образом, под терминами «алевизм» и «кызылбашество» исторически понималось одно и то же социальное и культурно-религиозное явление. Термин «алевизм» получил распространение только в XX столетии, заменив собой, а затем и полностью вытеснив термин «кызылбашество» (т.к. последнее наименование имело оттенок презрительности).

Современный турецкий исследователь Р.Чамуроглу также приходит к аналогичному выводу относительно времени возникновения алевизма. Он утверждает, что не представляется возможным говорить о существовании такого религиозного сообщества, как алевиты, до XVI в. На территории Анатолии располагались различные гетеродоксные группы⁶, контактировавшие друг с другом. Однако с распространением власти династии Сефевидов синкретические по своей природе воззрения соседствующих групп стали приобретать более четкие правовые и понятийные очертания [3, р. 11].

Переходя к вопросу об арабских алавитах или нусайритах, следует отметить, что термин «нусайризм» не получил широкого распространения внутри самой общины, однако он активно используется в научной литературе. Члены нусайритской общины, проживающие в провинции Хатай на территории Турции, называют свою веру «нусайризм», а себя - арабскими алевитами [4; 5, pp. 17-19; 6].

Нусайризм представляет собой течение внутри шиитского ислама. По мнению С.М.Прозорова, нусайриты, равно как и друзы⁷, представляют собой региональное направление исмаилитов⁸ [7, р. 298]. Однако не все ученые согласны с ним в этом вопросе. Так, Л.Массиньон, например, считал, что нусайритов можно отнести к иснаашаритам («двунадесятникам», основному направлению в шиизме) [8, рр. 110-114]. Такой подход представляется более убедительным.

Окончательное формирование нусайризма относится к X-XI вв. Нусайризм назван по имени предполагаемого основателя - жившего во второй половине IX в. иракского богослова ибн Нусайра (Абу Шуайб ибн Нусайр ан-Нумайри ал-Басри). Он выступал защитником одиннадцатого шиитского имама Абу Мухаммеда ал-Хасана ал-Аскари (ум. в 874 г.). Позднее это течение локализовалось в северо-западной части Сирии.

Вместе с тем, существуют и другие точки зрения относительно этимологии термина «нусайризм», согласно которым «нусайризм» происходит от: 1) латинского термина *nazerino*, которым обозначались древние христиане; 2) названия деревни *Naşurâya* в Куфе; 3) арабского термина *nasrânî*, который переводится как «христиане»); 4) имени шиитского мученика по имени Нусайр; 5) горы Нусайра. Этим именем позднее была названа область, простиравшаяся от горы Ливан до Антакьи, где раньше жили алавиты [9, р. 81].

После Мухаммеда ибн Нусайра вторым видным лидером в алавизме принято считать Хусейна Хамдан Эль-Хасиба. Ему принадлежит второй по важности труд для алавитов после Корана - *Kitabu'l Mecmu'*. Он умер в 346 г. (по хиджре)

⁴ Третий шиитский имам Хусейн и его сторонники были убиты под Кербелой 10 октября 680 г. (10-е число месяца *мухаррам*, 61 г. по хиджре) (*прим. авт.*).

⁵ Кызылбаши (от тюркского «красноголовые»). На этапе формирования представляли собой объединение тюркоязычных племен, именовались по красному головному убору с двенадцатью клиньями, символизирующими двенадцать шиитских имамов. Впоследствии вероучение кызылбашей приобрело статус государственной религии в Сефевидской империи.

⁶ Гетеродоксия - мнение, считаемое ересью; инакомыслие.

⁷ Друзы - региональное ответвление исмаилитов. Обожествляли халифа ал-Хакима (умер в 1021 г.) и ожидали его возвращения.

⁸ Исмаилиты - ветвь шиитского учения, возникшая в середине VIII в. Её название происходит от имени Исмаила (умер в 762 г.) - сына шестого шиитского имама Джафара ас-Садика. В противоположность шиитам-имамитам исмаилиты являлись сторонниками сохранения имамата в потомстве Исмаила.

Таблица 1

	Турецкие алевиты	Арабские алавиты (нусайриты)
Период формирования	Около 15-16 вв.	Около 10-11 вв.
География распространения	Малая Азия	Сирия
Священные книги за исключением Корана	Отсутствуют	Kitabu'l Mecmu'
Этническое происхождение предков	Преимущественно тюркского происхождения (также стоит учитывать курдов и балканских алевитов)	Арабского происхождения

в Алеппо, а его могила является местом паломничества и высоко почитается алавитами [9, р. 154]. Здесь следует подчеркнуть отличительную особенность алавизма от анатолийского алевизма: до недавнего времени анатолийские алевиты традиционно не имели никаких священных текстов, кроме Корана. Традиция алевизма на протяжении веков передавалась из уст в уста, и только в последнее время, точнее говоря, в 20 в., алевизм стал переживать процесс скриптуализации.

М. Ат-Тавиль утверждает, что в алавитской общине существует семь течений: 1) Эль-Серран; 2) Эль-Гайбийе; 3) Эль-Килязийе; 4) Эль-Хайда-Эль-Махусийе; 6) Эн-Нейсифа рийе; 5) и 7) эз-Зухуратийе [9, рр. 232-333]. Однако между этими течениями нет существенных различий. Они преимущественно являются признаками принадлежности к племени или определенному шейху. В действительности внутри нусайризма можно выделить два течения: хайдари и килязи. Группа килязи была основана в 1011 г. (по хиджре) в деревне Килязи в Антакье шейхом Мухаммедом ибн Килязи. Группа хайдари была сформирована шейхом Али Хайдаром, проживавшим в Антакье [9, р. 333]. Даже сегодня, особенно в сельских районах, существует запрет на смешанные браки между этими двумя группами. Главной причиной разделения нусайризма на два течения стал спор между данными группами о месте имама Али. Хайдари верят, что место Али находится на Солнце, в то время килязи не соглашаются с ними и заявляют, что его место на Луне [10, р. 39].

Не вдаваясь в более детальный анализ, можно утверждать, что с точки зрения времени возникновения, географии распространения и особенностей вероучения турецкий алевизм и нусайризм (арабский алавизм) - это два отличных друг от друга явления (см. *табл.* 1).

В ходе исследования был использован сравнительно-исторический метод, основанный на пись-

менных источниках, а также метод этнографического полевого исследования. Прежде чем приступить к изучению конкретных особенностей доктрин анатолийских (турецких) алевитов и арабских алавитов (нусайритов), необходимо отметить один существенный аспект. В настоящей статье идет речь о «традиционных» формах двух верований. Роль традиции в современном турецком обществе претерпела значительные изменения. В этом контексте следует упомянуть такое явление, как «модернизация алевизма». «Идеализированные модели» этих двух верований имеют мало общего с современной действительностью, но они помогают концептуализировать научное понимание предмета и глубже проанализировать природу и особенности анатолийского (турецкого) алевизма и арабского алавитского учения, практикуемого в современной Турции.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРОУЧЕНИЙ АЛЕВИТОВ И АЛАВИТОВ

В основе алевитского вероучения лежит культ почитания имама Али и его семьи. Триединство Бог - Mухаммед - Aли (тур. Hak - Muhammed - Ali) 9 в нем главенствует. В качестве священной книги алевиты, как и сунниты, почитают Коран, однако алевиты отрицают внешнюю обрядность, которую он предписывает. Для алевизма характерна вера в последовательный переход, переселение души (реинкарнацию). В арабской традиции это явление называется танасух, в турецком произношении - *тенасюх* (тур. *tenasüh*). Кроме того, в основе алевитского вероучения заложено понятие о манифестации Бога в человеческом обличье, о т.н. воплощении. Алевиты верят в проявление божественной сущности не только в человеке, но и в животных, и в отдельных элементах окружающей неживой природы. Они называют это «единство сущего» - вахдет-и-вуджут (тур. $vahdet-i v \ddot{u} cut$).

 $^{^9}$ Все термины в статье транслитерированы в соответствии с фонетическими особенностями турецкого языка (npum.aem.).

Принцип *такийа* - скрывания веры, религиозной маскировки также присущ алевизму. Однако здесь стоит сказать, что принцип этот в большей степени обусловлен давлением со стороны властей, которому алевиты подвергались на протяжении веков, и их постоянным страхом за свою жизнь. Таким образом, соблюдение секретности позволяло общине оградить себя от внешней опасности.

Наряду с почитанием Али, алевиты поклоняются всем двенадцати шиитским имамам в качестве единой божественной сущности и верят в приход двенадцатого имама - Махди (тур. *Mehdi*). Культ мученичества и траур по мученикам Кербелы также занимает центральное место в алевитской религиозной традиции.

Еще двумя важными принципами философии алевизма являются *тавалла* и *табарра* (тур. tevella u teberra), т.е. почтения сторонников Али и двенадцати имамов и, соответственно, проклятия их врагов. Однако алевизму не присуща традиция самоистязания (перс. sinezani), которую можно наблюдать среди шиитов Ирана. Также в алевизме нет обета безбрачия, который, хотя и редко, практикуется среди последователей суфийского бекташийского ордена.

В алевизме путь к познанию Бога открывается через «четверо врат» (тур. dört kapı): шариат (тур. şeriat), тарикат (тур. tarikat), марифат (тур. marifet) и хакикат (тур. hakikat). «Первые врата» шариат - представляют собой основные предписания ислама: намаз, омовение, хадж и пост. «Вторые врата» - тарикат - представляют собой суфийское учение, которое передается только членам общины. Третья фаза - марифат - обозначает тайное знание, недоступное для непосвященных. И, наконец, «четвертые врата» - это сама истина, или хакикат. Алевиты считают, что, ввиду своего особого статуса и происхождения, они относятся к «людям тариката» и, таким образом, сразу оказываются на второй ступени духовного развития, минуя первую. Сунниты же, по их мнению, - люди шариата. Тарикат для алевитов - это исполнение предписаний их религии без необходимости внешних доказательств религиозности p. 105].

Идея самосовершенствования - главенствующая в вероучении алевитов. Человек приходит на этот свет, чтобы по окончании своей жизни стать инсан-и-камиль (тур. insan-i kamil), т.е. совершенным человеком, и в качестве такового отправиться к Богу. Говоря об основных моральных принципах, заключенных в алевитском вероучении, их можно сформулировать достаточно кратко, как делают сами алевиты: «Властвуй над своими по-

ступками, словами и страстями» (тур. «eline-diline-beline sahip ol»).

Отрицание внешней обрядности ислама - одна из примечательных черт алевизма. В частности, алевиты отрицают пятикратный ежедневный намаз. Помимо утверждения, согласно которому алевиты априори преодолели первую ступень в развитии личности - ступень шариата, есть и более простое, бытующее в народе обоснование. Так, например, по мнению алевитов, проживающих в местечке Ортаджа в турецкой провинции Мугла, имам Али был убит во время совершения намаза в мечети. Поэтому все его последователи были освобождены от совершения намаза и посещения мечетей [12, р. 63].

Еще одним проявлением отрицания канонических предписаний является тот факт, что алевиты не постятся в месяц *рамазан*, однако держат 12-дневный пост в месяц *мухаррам* в память о мучениках Кербелы. Однако в некоторых местах, хотя очень редко, можно встретить алевитов, которые держат трехдневный пост в *рамазан*, а некоторые постятся и весь месяц. Преимущественно это объясняется влиянием внешнего окружения в больших городах. Арабские алавиты (нусайриты), между тем, считают пост в месяц *рамазан* религиозным обязательством. Они также постятся в месяц *мухаррам* и празднуют десятый день месяца - Ашуру.

Согласно учению нусайритов, Бог есть нераздельное единство трех ипостасей, именуемых *Мана* (ар. «Смысл»), *Исм* (ар. «Имя») и *Баб* (ар. «Врата»). Троица периодически воплощалась в пророках. Последнее воплощение совпало с основанием ислама: троица воплотилась в Али, Мухаммеда и Сальмана ал-Фариси.

Нусайриты верят, что Али - это Бог, который воплощается во всех пророках. *Мана* - тайное знание, передающееся через *Баб*. Триединство арабских букв *'айн-мим-син* составляет основу учения нусайритов. *'Айн* - это Али, который велик, недостижим и фундаментален. *Мим* - это пророк Мухаммед. А *син* - это Сальман Фариси, спутник пророка Мухаммеда [10, р. 48]. Таким образом, анатолийские алевиты и арабские алавиты (нусайриты) по-разному трактуют понятие о Триелинстве.

Арабские алавиты (нусайриты) также иначе толкуют понятия рая и ада. Они верят, что рай и ад находятся в самом человеке. Если человек хороший, он живет хорошей жизнью. Если человек совершает плохие поступки, он проживает тяжелую жизнь. Душа переселяется из одного тела в другое, пока не завершит свой срок. Затем Бог посылает душу либо в рай, либо в ад. В данном

случае рай означает превращение в свет, а ад превращение в растение или животное.

Согласно учению арабских алавитов, когда была сформирована вселенная, они были звездами (светом). Однако Бог послал их на Землю в наказание за совершение греха. Таким образом, можно заключить, что арабские алавиты (нусайриты), в противоположность анатолийским алевитам и представителям многих других конфессий, по мнению которых рай и ад находятся в ином мире, утверждают, что земной мир - это ад. Арабские алавиты (нусайриты) полагают, что в своей следующей жизни они могут снова стать звездами [13, р. 52-54], и каждый человек возрождается по крайней мере 70 раз [14].

Другими словами, и для турецкого алевизма, и для арабского алавизма характерна вера в переселение души (реинкарнацию). Таким образом, оба учения являются детерминистскими и фаталистическими, однако в них по-разному интерпретируется понятие реинкарнации, рая и ада.

Вероятно, наиболее существенное различие между анатолийскими (турецкими) алевитами и арабскими алавитами (нусайритами) Турции связано с принятием концепции *Enelhak* - проявления Бога в человеческой форме. Данная концепция является основополагающей в учении анатолийских алевитов, однако ее не признают арабские алавиты (нусайриты) [10, р. 258].

Следует также упомянуть о роли женщин в этих двух общинах. В основе алевизма заложен принцип равенства между мужчиной и женщиной. Этим можно объяснить совместное присутствие мужчин и женщин на религиозных службах. Ключевым элементом алевитского ритуала является радение алевитов, т.н. *айин-и-джем* (тур. $ayin-i\ cem$), или просто $\partial жем$. Цель коллективной религиозной службы - поклонение Богу, духовное обновление, а также механизм общественного и индивидуального контроля. Помимо религиозной функции, *джем* традиционно заключал в себе образовательную и просветительскую функции. Джем, в особенности во времена Османской империи, выполнял также роль судебного органа алевитов. Алевиты никогда не обращались в османские суды. Личные проблемы, семейные вопросы, трения, возникающие между человеком и обществом, - все это обсуждалось во время $\partial жe$ *ма* [15, р. 281].

Алевизм отрицает многоженство. Алевиты объясняют это тем, что у имама Али была единственная жена Фатима. Ни арабские алавиты (нусайриты), ни алевиты не передают женщинам знания, связанные с религией. Однако алавитская традиция более строгая в отношении участия

женщин в религиозных обрядах. Так, например, женщинам запрещено находиться рядом с местом проведения богослужения. Некоторые источники сообщают, что они должны затыкать уши ватой, чтобы не слышать молитв [10, р. 83].

Община арабских алавитов делится на два разряда: непосвященных - *амма* и избранных, или посвященных, - *хасса*. У посвященных имеются в наличии свои священные книги, их толкуют аллегорически и не открывают непосвященным.

Механизмы социального регулирования также различаются между этими двумя группами. Одним из важнейших элементов алевитского культа можно считать институт побратимства мусахиплик (тур. musahiplik). Он заключает в себе «родство в обоих мирах», т.е. распространяется и на загробную жизнь. Этот культ связывает между собой членов общины. Условия принятия обета побратимства крайне сложны. Запрещается выдавать дочерей замуж в семью побратима, поскольку обе стороны теперь воспринимаются как молочные братья. Обет побратимства заключается исключительно среди мужчин. Дети не могут давать этот обет до достижения определенного возраста. Однако не существует четкого определения возраста, когда можно вступать в побратимство. Институт побратимства в алевизме является важным социальным механизмом. Ведь в случае смерти одного из побратимов ответственность за его семью переходит к другому побратиму. В случае же совершения греха одним из побратимов вина и ответственность за него распространяется и на другого побратима и даже на всю его семью.

Еще одним важным социальным институтом в алевизме является изгнание из общины, или дюшкюнлюк (тур. düşkünlük). Согласно алевитским обычаям, алевиты, которые отдали свою дочь замуж за суннита или, наоборот, приняли в свою семью девушку-суннитку, объявляются «падшими» (тур. düşkün). С такими людьми прекращают общение, их изгоняют из алевитской общины. Однако степень «отверженности» также можно классифицировать в зависимости от содеянного греха.

Люди, совершившие «тяжкий грех» (тур. büyük günah), не допускаются к совместным молитвам и радениям. По большей части такими грехами можно считать убийство, измену, мужеложство, воровство, развод с женой без веских на то причин. Человек, совершивший один из таких грехов, признается «нарушившим клятву» (тур. ikrarını bozmus), т.е. сбившимся с пути. Пока не истечет срок наказания, его исключают из общины, с этим человеком никто не разговаривает, и никто не подпускает его к себе. Такого рода обращение

Таблина 2

	Турецкие алевиты	Арабские алавиты (нусайриты)
Культ триединства	Бог - Мухаммед - Али	Мана - Исм - Баб (Смысл - Имя - Врата) Али - Мухаммед - Сельман Фариси
Концепция проявления Бога в человеческой форме (тур. <i>Enelhak</i>)	Признают	Не признают
Коллективное богослужение (джем)	Мужчины и женщины вместе	Женщины не допускаются
Пост в месяц рамазан	Не обязательно	Обязательно
Социальные институты	Побратимство (тур. <i>musahiplik</i>), изгнание из общины (тур. <i>düşkünlük</i>)	Амджалык (тур. amcalık)
Мухаррам и Ашура	Очень важно	Очень важно
Вера в реинкарнацию (тур. <i>tenasuh</i>)	Существует в обоих учениях, однако по-разному трактуется	
Традиция <i>тюрбе</i> (почитание могил усопших праведников)	Очень важно	Очень важно

представляет собой моральное наказание. Те, кого простили по истечении срока наказания, возвращаются к обычной жизни. То есть дюшкюнлюк представляет собой одну из форм отлучения от общества и является важным контрольным механизмом, усиливающим закрытость алевитского общества и препятствующим его общению с внешним миром [12, р. 66].

Однако ввиду интенсивной интеграции алевитов в суннитское большинство в крупных городах Турции сегодня трудно найти алевитскую семью, в которой кто-либо из ее членов не состоял бы в браке с суннитом или сунниткой. Сегодня меж-общинные границы в значительной степени стерлись и в больших городах еле заметны. Однако до интенсивного процесса миграции в города алевиты придерживались почти исключительно эндогамных браков.

В алавитском (нусайритском) вероучении также бытует традиция духовного побратимства, которую турецкие алавиты называют амджалык куруму (тур. amcalık kurumu). Этот механизм служит главным средством передачи религиозных знаний младшему поколению. Традиция предполагает передачу ребенка с целью религиозного обучения определенным мужчинам из общины («amca» означает «дядя по отцовской линии» на турецком языке). Примечательно, что хайдари и килязи эту традицию практикуют по-разному. Хайдари следуют трехступенчатому ритуалу, прежде чем ребенок отправится в дом своего религиозного наставника, в то время как килязи практикуют упрощенный одноступенчатый ри-

туал. Данное явление демонстрирует, что хайдари придерживаются более консервативных взглядов, в то время как килязи более прогрессивны и легче адаптируются в условиях современности.

Арабские алавиты (нусайриты) Турции отмечают множество праздников, наиболее известными из которых являются 'Ид аль-Фитр (тур. Ramazan Bayramı), 'Ид аль-Адха (тур. Kurban Ваугаті), день, когда пророк Мухаммед назначил Али своим преемником (тур. *Gadir Bayramı*), и день, когда пророк Мухаммед имел спор с христианами (тур. Mübahale Bayramı). Последние два из вышеперечисленных праздников не празднуются анатолийскими (турецкими) алевитами. Культура нусайритов находится под сильным влиянием христианских праздников. Так, они празднуют 19 января Крещение Господне (тур. Kıddas Bayramı), Рождество (тур. Milâd Bayramı), *Иимирта байрамы* (тур. *Yumurta Bayramı*), что переводится как «праздник яйца» и напоминает Пасху, и другие праздники [10, р. 134].

Праздник Хыдыреллез (тур. Hıdırellez), отмечающийся 6 мая, имеет важное значение как для алавитов, так и для алевитов, и связан с культом Святого Георгия. Святой Георгий часто изображается на белом коне, убивающим дракона. Он рассматривается как бессмертный праведник, помогающий людям. И анатолийские алевиты, и арабские алавиты Турции отождествляют его с исламским праведником Хызыром (также его именуют Хизр, Хидр, Хидир, Хыдыр). Кроме того, обе общины придают особое значение тради-

ции *тюрбе* (тур. *türbe*), заключающейся в посещении святых мест (см. *табл.* 2).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В заключение можно сказать, что оба религиозных течения имеют синкретическую природу¹⁰, а также основаны на культе имама Али и его семьи. Однако в них по-разному интерпретируется понятие триединства. А.Й.Оджак указывает, что в основе алевизма присутствует среднеазиатский шаманизм, древние восточные верования, такие как буддизм, зороастризм, маздеизм, манихейство. В некоторой степени христианство и иудаизм и, конечно же, мифология Древней Анатолии и Месопотамии внесли свой вклад в формирование религиозных основ алевизма. О шиитских же чертах в их мировоззрении (таких, как культ двенадцати имамов, строгое деление членов общины по степени посвящения в тайны учения, запрет на контакты с суннитами и др.) возможно говорить лишь с началом сефевидской пропаганды. А.Й.Оджак приходит к заключению, что в основе религиозных верований турок лежат, наряду с суфийскими воззрениями, верования, которые сохранились со времен, предшествующих принятию ислама [16, с. 281-282].

Арабский алавизм (нусайризм), в свою очередь, сформировался как течение внутри шиитской ветви ислама и имеет много заимствований из христианства: почитание Иисуса как воплощение Бога, апостолов Христа, также почитается ряд христианских святых и мучеников, христианские праздники (Рождество, Пасха и др.), литургия, причащение вином и т.д. [16, с. 322]. Арабские алавиты, по сравнению с турецкими алевитами, были менее подвержены влиянию шаманизма. Однако нельзя отрицать влияние буддизма и зороастризма на алавитское вероучение.

На практике алевитское и алавитское (нусайритское) население Турции отождествляет себя как турецких и арабских алевитов. Представители двух общин не акцентируют внимание на различиях между двумя вероучениями, однако подчеркивают значимость Али и его семьи в своих учениях. Приверженцы обоих религиозных течений не считают себя этническим меньшинством, а вместо этого культивируют свою гражданскую и культурную идентичность и хотят быть частью турецкой нации. Приверженцы рассматриваемых вероучений придают важное значение признанию их субидентичности как неотъемлемой части турецкой нации и предоставлению им равных гарантий свободы вероисповедания и культурных прав.

Список литературы / References

- 1. Аверьянов Ю.А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа. М., Издательский дом Марджани. 2011. (Averyanov Yu.A. 2011. Haji Bektash Veli and the Sufi Brotherhood of Bektashiya. М., Mardjani Publishing House) (In Russ.)
 - 2. Melikoff I. Hadji Bektach: un mythe et ses avatars. Genese et evolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden. 1998.
 - 3. Çamuroğlu R. Degişen kosullarda Alevlik. İstanbul. 2008; Guler I.Turkiyeli Arap Alevlieri. Kervan Dergisi. 1994, № 42.
 - 4. Sönmez S. Turkiyeli Arap Alevileri. Kervan Dergisi. 1994, № 42, s. 17-19.
 - 5. Rende C. Turkiyeli Arap Alevileri. Kervan Dergisi. 1994, № 42.
- 6. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004. (Prozorov S.M. 2004. Islam as an Ideological System. М.) (In Russ.)
 - 7. Massignon L. Les origines des nousairis, in L'Elaboration de l'islam. P. 1981.
 - 8. Et-Tavil. Arap Alevilerinin Tarihi, Nusayriler (Cev: İsmail Özdemir). İstanbul. 2000.
 - 9. Türk H. Anadolu'nun Gizli İnancı Nusayrîlik. İstanbul: Kaknus Yayınları. 2013.
 - 10. Subası N. Alevi modernlesmesi. Sırrı fas eylemek. İstanbul. 2010.
 - 11. Türkdoğan O. Alevi-Bektaşi kimligi. Istanbul: Timaş yayınları. 2006.
 - 12. Keser I. Gelenek, Aile, Etnik Koken, Tarih ve Din Acısından Nusayriler. İstanbul. 2002.
 - 13. Eskiocak N. Yaratıcının Azameti ve Kur'ân'daki Reenkarnasyon. İstanbul: Kayhan Matbaacılık. 1998.
 - 14. Zelyut R. Anadolu Aleviliginin kulturel kokeni. Turk Aleviligi. Ankara. 2011.
 - 15. Ocak A.Y. Alevi ve Bektaşi inanclarının İslam oncesi temelleri. İstanbul. 2010.
- 16. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. СПб. 2007. (Petrushevsky I.P. 2007. Islam in Iran in the 7th-15th Centuries. SPb) (In Russ.)

¹⁰ Здесь следует отметить, что, используя термин «синкретизм», я не имею в виду процесс «плавления и смешения» в рамках статичной и в конечном счете эссенциалистской концепции религии, основанной на одномерном понятии сходства и различия (*прим. авт.*).

РЫНОК ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА В КИТАЕ И ЯПОНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2020 А. ДАЛАЛ, А. ХОРОШУНОВ

DOI: 10.31857/S032150750008729-3

ДАЛАЛ Адель, аспирантка НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (adalal@hse.ru) ХОРОШУНОВ Александр Сергеевич (Украина), магистрант НИУ-ВШЭ, Санкт-Петербург (askhoroshunov@edu.hse.ru)

Резюме. Целью работы является сравнение характеристик рынка венчурного капитала в Китае и Японии. Инструменты государственных программ по поддержке инноваций отличаются в двух странах ввиду особенностей их институционального развития. В рамках исследования проведен анализ драйверов роста венчурного финансирования в КНР и Японии. Результаты исследования иллюстрируют влияние институциональных факторов на эффективность проведения реформ в сфере финансирования инноваций, что актуально для инвесторов и регулирующих органов.

Ключевые слова: венчурный капитал, институциональное развитие, Китай, Япония

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 «Аспиранты».

VENTURE CAPITAL MARKET IN CHINA AND JAPAN: COMPARATIVE STUDY

Adel DALAL, Post-graduate student, Higher School of Economics, Saint-Petersburg (adalal@hse.ru)
Oleksandr S. KHOROSHUNOV (Ukraine), Master's student, Higher School of Economics, Saint-Petersburg
(askhoroshunov@edu.hse.ru)

Abstract. The goal of this paper is to compare a state of venture capital market in China and Japan. Both countries have faced an outstanding increase in volume of venture financing in recent years. Although the emergence of VC in these countries was forced by state reforms, instruments of government innovation policies are found to be different due to the unique features of their institutional development. For the purpose of the study, we conducted a comparative analysis of drivers of venture capital growth seen in China, a closed economic system with high level of government regulation, and Japan, an example of open market economy. Among venture capital drivers observed in the countries, entrepreneurial base, financial markets development, regulation of foreign investments and support of private business sector are found to be of a high significance. Moreover, structure and heterogeneity of investors positively affect venture growth as it provides a more diversified pool of capital. The exit stage of a deal is to be of an extreme importance for venture capitalists, that is why government actions towards an opening of new exit ways, including creation of alternative stock exchanges and easing of M&A regulation, cause booms on VC market. The declarative manner of innovation programs in China makes public funds the main player on the market, which flow budget capital to large-scale projects. On the other hand, Japanese government prefers to act as an intermediary between private investors and start-ups. Our findings illustrate how institutional factors affect an efficiency of government support, which provides valuable inputs for practitioners and policymakers. Keywords: venture capital, institutional development, China, Japan

По итогам 2018 г. Китай вышел на 2-е место в мире, после США, по объему инвестиций в венчурный капитал, который достиг \$105,7 млрд [1]. Сделка китайской технологической компании *Chinese Ant Financial* в \$14 млрд стала самой крупной в истории венчурной индустрии [1]. Однако особенности институционального развития КНР, в т.ч. влияние государства на финансовые рынки, вызывают трудности в выявлении факторов подобного стремительного роста. С другой стороны, более открытый рынок венчурного капитала в Японии с высокой долей частных инвесторов, в т.ч. корпоративных венчурных фондов, также показал высокие темпы роста, увеличив объемы финансирования в 5 раз с 2012 г. [2].

Влиянию действий государства на возникновение и формирование венчурного рынка посвяще-

но большое количество публикаций. В частности, хорошо известно, что каждая венчурная система была создана благодаря поддержке правительства [3; 4]. Дженг, проф. Гарвардской школы бизнеса, и Уэллс, представитель Национального бюро экономических исследований США, выявили детерминанты венчурного капитала в 21 стране, среди которых уровень развития финансового рынка и стандарты отчетности [5]. Гро и Уоллмерот из бизнес школы *EMLYON* продемонстрировали, что драйверы рынка венчурного капитала могут варьироваться в зависимости от ступени развития страны [6]. Уровень занятости, коррупция и инновации показали большую степень влияния в развивающихся странах. Культурные различия, степень развитости рынка капитала и законодательной системы также оказывают позитивное

воздействие на эффективность венчурного капитала в глобальном контексте [7]. Однако в существующих исследованиях нет ответа на вопрос, как институциональное развитие страны влияет на эффективность государственной инновационной политики.

В представленной работе предпринята попытка сравнить роль государства на разных этапах возникновения венчурного капитала в Китае - как стране с переходной экономикой и Японии - как примера открытой рыночной системы.

Работ по венчурному капиталу в Китае мало [8; 9], нет исследований, где бы сравнивались особенности регулирования венчурного капитала в Китае с развитыми странами. В данной статье мы проведем такой сравнительный анализ.

Сравнение двух стран основано нами на структуре условий, способствующих росту рынка венчурного капитала, приведенной в работе Лингельбаха, проф. Балтиморского университета [10], и включающей в себя: 1) предпринимательскую базу; 2) капитал, доступный для инвестиций с высоким риском; 3) развитую институциональную структуру. Особое внимание уделим роли институционального контекста в процессе возникновения венчурного капитала. Исследователи в области предпринимательства и венчурного капитала подчеркивают необходимость стабильной институциональной среды для снижения неопределенности исхода венчурного предприятия [11], называют его основным фактором формирования венчурной индустрии, в т.ч. и в Китае, который имеет множество интересных особенностей, отличающих его от венчурной системы Японии [4].

По причине того, что венчурный рынок формируется благодаря национальным институтам, в разных странах можно наблюдать различия в становлении индустрии в зависимости от особенностей траекторий государственного развития [12]. Переходные экономики, в т.ч. Китай, часто не обладают развитой институциональной структурой, которая подразумевает наличие открытых рынков капитала, разнообразие доступных форм бизнеса, защиту интеллектуальной собственности [13]. Как результат, мы наблюдаем, что инструменты политики по развитию технологий в КНР отличны от тех, что представлены в Японии.

КИТАЙ

В КНР термин «венчурный капитал» впервые появился в официальных документах в 1985 г. Несмотря на то, что к 1978 г. Китай открылся для

иностранных инвестиций и разрешил частный бизнес, стимулирование экономики продолжало идти по плановой модели, что отражалось и на венчурной индустрии.

Первый венчурный фонд - New Technology Venture Capital Company - был создан приказом Министерства науки и технологий, который стал революционным в Китае, т.к. впервые после ухода от плановой экономики устанавливал роль рынка в качестве движущей силы инновационного процесса. Более того, инновационная политика не была ограничена поддержкой определенных индустрий, например, оборонной промышленности [14]. Однако при отсутствии прямого регулирования правительство КНР оказывало влияние на частных инвесторов, склоняя их финансировать госкомпании, которые отвечали интересам политического режима [15].

Предпринимательская база

По мнению экспертов аналитической платформы *Pitchbook*, расцвет венчурного капитала в Китае стал возможен благодаря программе *Torch*, инициированной Министерством науки и технологии в 1988 г. *Pitchbook* называет ее одной из самых успешных программ по созданию национальной инновационной системы в мире [16]. Главной целью *Torch* являлось продвижение предпринимательства и создание инновационной среды.

В соответствии с программой были выделены зоны наибольшего технологического потенциала, в которых сосредотачивались основные фонды и человеческие ресурсы [16]. Структура и цели зон наибольшего технологического потенциала включали: инновационные кластеры, научные и технологические индустриальные парки (STIPs), коммерциализцию технологий в процессе применения их в традиционных сферах производства, реструктуризацию промышленных производств для развития экономики регионов, и др.

К концу 2002 г. в 53 *STIPs* работали более 14 тыс. специалистов со степенью *PhD*, более 80 тыс. со степенью магистра и множество молодых предпринимателей [17]. Среди стартапов, поддержанных бизнес-инкубаторами программы *Torch*, были компании *Lenovo*, *Baidu*, *Huawei* и *Alibaba*. К 2013 г. продукция научных и технологических индустриальных парков составляла 7% ВВП Китая и практически 50% от затрат на НИ-ОКР в стране [18].

Капитал с высоким риском

Многие исследователи подчеркивают роль гетерогенности инвесторов как драйвера развития венчурной индустрии [10; 19; 20]. Ситуация, сло-

жившаяся в Китае, начиная с первого венчурного фонда и включая современное состояние рынка, где государство доминирует над другими типами инвесторов, осложняет расширение пула независимых фондов. По данным Zero2IPO Research, центра по изучению рынка венчурного капитала в Китае, к концу 2018 г. в стране насчитывалось 1600 госфондов с капиталом в 4,05 трлн юаней (\$584,8 млрд) [21]. Основными инвесторами в них выступают государственные корпорации и финансовые институты, центральное и региональные правительства.

В 2014 г. Китай анонсировал модель, согласно которой государство предоставляет финансирование без непосредственного участия в распределении средств; менеджмент одного из крупнейших гос. фондов также был передан частным организациям посредством тендера. Однако, несмотря на недавние шаги по ослаблению регулирования, исследователи сомневаются в эффективности таких фондов [8]. Деятельность подобных институтов характеризуется низким уровнем доступности информации о структуре портфеля, нерыночными механизмами отбора компаний, возможным неэффективным использованием ресурсов, в т.ч. коррупцией. Отбор портфельных компаний регулируется комиссией по национальному развитию и реформе (NDRC) и ограничен несколькими секторами, входящими в национальную стратегию КНР. У большинства фондов отсутствуют механизмы распространения информации, они не имеют веб-сайтов и не публикуют финансовую отчетность, что делает невозможным сбор аналитической информации и оценку их деятельности.

Смягчение регулирования для частных инвесторов всегда происходило после кризисных явлений, когда возникала необходимость быстрого притока финансирования. Однако вслед за периодом роста венчурного капитала источники финансирования ограничивались. Открытие рынка для зарубежных инвесторов также происходило медленно, и до сих пор политика по привлечению иностранного капитала остается противоречивой. По этой причине мы можем наблюдать две волны притока инвестиций из-за рубежа, за которыми следовали периоды бума венчурной индустрии.

Первыми зарубежными фондами в Китае стали Per Beijing D&T Law Firm, International Digital Group (IDG) и the Pacific Technology Venture Capital Fund в 1993 г. [22]. Они привлекли большой объем финансирования со стороны инвесто-

ров из развитых стран, что достигло пика в период «пузыря доткомов»¹. Последующий кризис в начале 2000-х гг. вынудил Китай смягчить контроль над притоком иностранных инвестиций, что вызвало стремительный рост венчурного капитала.

Следующий этап расцвета венчурной индустрии начался в 2011 г. несмотря на замедление роста экономики после мирового кризиса. Развитие рынка было связано с открытием новых форм организации бизнеса, которые позволили иностранным институциональным инвесторам производить капитальные инвестиции в местные компании, а также значительный рост финансирования со стороны Национального фонда социального страхования (NSSF), вызванный необходимостью поддержки населения пенсионного возраста.

Таким образом, волну притока инвестиций обеспечили новые виды игроков на рынке, что изменило структуру венчурных инвесторов в Китае. Однако в 2018 г., после значительного роста рынка капитала, источники финансирования стали более тщательно изучаться, по причине чего в скором времени ожидается снижение объемов привлечения капитала.

Институциональная база

Снижение экономической активности, связанное с коллапсом дотком пузыря в 2002 г., показало острую необходимость в реформах институционального характера. В начале 2000-х гг. китайское правительство выпустило несколько законодательных актов, направленных на создание благоприятной атмосферы для венчурных капиталистов (налоги, управление, формы бизнеса). Однако наибольшим прорывом стало введение в 2006 г. новой формы организации компании, партнерства с ограниченной ответственностью, что выдвинуло объемы венчурного капитала на новый уровень. Данная инициатива была частью 11-го пятилетнего плана (2006-2010 гг.), критическим элементом которого стало развитие независимой венчурной индустрии как драйвера устойчивого экономического роста.

Отбор портфельных компаний является одной из функций венчурного фонда. На данный процесс влияет количество стартапов на рынке, обеспеченное предпринимательской базой, как было описано выше, и эффективность оценки компаний. Правила бухгалтерской отчетности и определения стоимости нематериальных активов, основ-

 $^{^1}$ «Пузырь доткомов» - экономический пузырь, существовавший в период с 1995 по 2001 гг., после которого наблюдалось резкое падение технологического индекса NASDAQ и банкротство «доткомов» - компаний, чья бизнес-модель полностью основывается на работе в сети Интернет.

ной составляющей баланса молодых высокотехнологичных компаний, в Китае отличаются от стандартов США и Европы, что замедляет процесс отбора для иностранных венчурных капиталистов, вынуждая их пользоваться услугами консультантов из Гонконга.

В работе Лин, исследователя из университета Сингапура, было эмпирически доказано, что работа рынков капитала в Китае непосредственно связана с развитием венчурной индустрии [8]. Формирование венчурного капитала в Китае осложнялось неразвитостью рынков вплоть до 1980-х гг.

Рынок капитала в Китае был открыт только в 1990 г. в связи с созданием бирж в Шанхае и Шеньжене. До этого момента венчурные фонды не имели возможность выхода из проекта через *IPO*. Однако, несмотря на реформы, режим *IPO* в Китае остается очень затруднительным. Это не только замедляет работу венчурных капиталистов, но и вызывает вопросы о прозрачности процесса отбора.

япония

Процесс возникновения венчурного капитала в Японии происходил под влиянием опыта США. Зависимость страны от сырья и возросшие цены на нефть подтолкнули правительство к изменению экономической структуры с акцентом на высокие технологии, что вызвало активный рост венчурной индустрии в 1970-е гг.

В 1963 г. был принят закон о малых и средних предприятиях, который можно рассматривать как первую попытку создания венчурных фондов в стране. В документе были отражены меры по продвижению инноваций среди малых и средних предприятий путем всесторонней поддержки со стороны государства [23]. В значительной степени это был ответ на закон об инвестициях в малый бизнес, принятый в США в 1958 г., однако, в отличие от последнего, японский вариант финансировался исключительно правительством [24]. Более того, первый японский венчурный фонд *Kyoto Enterprise Development Co., Ltd.* стал аналогом фонда «Американская компания исследований и разработок».

Предпринимательская база

Согласно исследованию Global Entrepreneurship Monitor, процент людей, которые собираются начать предпринимательскую деятельность или уже задействованы в ней, в Японии составляет 4,7% [25; 26]. Это второй самый низкий показатель среди развитых стран, после Италии. Пред-

принимательство не является популярной практикой в Японии.

Чтобы увеличить предпринимательскую активность, с 1990 г. Япония инициировала ряд масштабных программ, направленных на поддержку исследований и их коммерциализацию посредством стартапов. Так, в 1990 г. правительство анонсировало позицию в отношении малых и средних предприятий, а именно создание и поддержание справедливых условий рыночной конкуренции, удовлетворение потребностей малого бизнеса и активная поддержка новых отраслей [27]. В 1995 г. было принято сразу два закона, в которых обозначались меры по продвижению инноваций в Японии, в т.ч. стимулирование университетских научно-исследовательских центров и поддержка частных технологических предприятий [28].

Закон о содействии созданию нового бизнеса, принятый в 1998 г., предоставил господдержку инновационным малым предприятиям, аналогично инициативам SBIR (The Small Business Innovation Research program) в США. Однако в Японии поддерживали лауреатов за счет прямого финансирования, в то время как в США программа помогает призёрам получить доступ к частным инвестициям и закупкам со стороны правительства [29]. Поправка 2000 г. дала дополнительную поддержку венчурным предприятиям, планирующим выход через IPO [30].

В 2001 г. правительство инициировало финансовую программу, направленную на поддержку стартапов. В рамках «Новой программы стартап-займов» Национальная корпорация по финансированию жизни предоставляла ссуды до 10 млн йен для стартапов без необходимости предоставления залога, поручителей или личных гарантий. Эта схема широко использовалась компаниями и в период с 2002 по 2006 гг. [31]. Также в 2001 г. правительство инициировало план *Hiranuma*, целью которого было создание 1000 стартап-компаний на базе университетов Японии [32]. В 2003 г. Министерство экономики, торговли и промышленности освободило новые компании от требований к капиталу, уменьшив его размер с 10 млн йен (\$92 тыс.) до 1 йены в течение первых 5 лет работы [33]. В следующем году на проекты по поддержке малого и среднего бизнеса (в сфере венчурного инвестирования) было выделено 3,39 млрд йен (\$31 млн). Предприятиям малого и среднего бизнеса была оказана мощная поддержка как в техническом, так и в управленческом аспектах путем предоставления комплексных консультаций, направленных на материализацию и рыночное применение бизнес-планов и т.д. [34].

В 2012-2013 гг. стартовали 3 программы, направленные на создание пула молодых предпринимателей в стране: *START*, открытая инновационная платформа Японии (*JOIP*) и *Jump Start Nippon*. Они включали коммерциализацию как фундаментальных исследований научных учреждений, так и прикладных разработок с помощью венчурных фондов и государственной поддержки. Участие частных инвесторов, в т.ч. крупного бизнеса, в подобных проектах отличает японскую модель от инициатив по созданию предпринимательской базы в Китае, где проекты финансируются из бюджетных средств [35; 36].

Капитал с высоким риском

Структура капиталистов в Японии заметно отличается от Китая, что отчасти является следствием более открытой экономической системы с меньшей степенью влияния государства. Несмотря на относительно закрытый рынок в середине XX в., к 1970-м гг. меры японского правительства по дерегулированию экономики стали активно привлекать иностранных инвесторов, что ускорило развитие венчурного капитала.

Согласно закону об инвестициях 1950 г., иностранные прямые инвестиции допускались только в тех случаях, когда они способствовали улучшению платежного баланса страны, однако пофакту большинство заявок было отклонено, поскольку правительство считало, что они несут риски для японского бизнес-сектора. В 1967 г. была принята программа по либерализации капитала, и уже к 1970 г. в 80% индустрий были разрешены иностранные вливания. В тот же период правительство Японии инициировало либерализацию процентных ставок, международной торговли и валютного законодательства.

В настоящее время структура инвесторов в японском венчурном капитале претерпела изменения. Мы наблюдаем появление государственных фондов на рынке, в то же время объем корпоративного венчурного капитала продолжает расти.

В 2009 г. Япония основала 3 государственных венчурных фонда: Фонд поддержки университетов (University Spinoff Fund), International Network Corporation и Фонд фондов. До этого момента доля государственного венчурного капитала была практически на нулевом уровне, однако благодаря данным инициативам к 2015 г. она достигла 17,4%. Несмотря на роль государства как главного провайдера капитала, все фонды создавались в кооперации с частными инвесторами [37].

Помимо таких крупных венчурных фондов, как *JAFCO* и *Globis Capital Partners*, корпорации

стали активными игроками на рынке. С помощью корпоративного венчурного капитала компании получают доступ к инновациям, в то время как сами являются эффективной платформой для развития стартапов.

Наиболее популярными отраслями для корпоративного венчурного капитала являются «Интернет вещей» (IoT) и искусственный интеллект, что соответствует тренду перехода к цифровой экономике [38; 39]. В 2017 г. Toyota Motor инвестировала более 10 млрд йен (\$91 млн) в Preferred Networks - компанию, обладающую технологиями внедрения искусственного интеллекта в производственные цепи. В августе того же года Solcom, основная платформа IoT, была приобретена KDDI - крупным оператором мобильной связи [40].

Даже в традиционных отраслях, таких как медиа и недвижимость, есть крупные предприятия, которые решили попробовать свои силы в венчурных инвестициях. Так, в августе 2017 г. национальная японская газета «Асахи Симбун», основанная в 1876 г., создала фонд венчурных инвестиций в размере 2 млрд йен (\$18 млн) - Asahi Media Lab Ventures [41]. В мае 2018 г. строительная компания Mitsui Fudosan открыла платформу для поддержки открытых инноваций для крупных компаний.

В 2018 г. правительство разработало стратегию, целью которой стала поддержка стартапов с потенциальной рыночной стоимостью более \$1 млрд. Был запущен проект *J-Startup* для развития компаний за рубежом, который включает участие правительства в иностранных миссиях и введение мер по дерегулированию экономической деятельности компаний [42; 43].

Институциональная база

В 1980-х гг. структура промышленности Японии переместилась из сектора вторичной экономики, которая сосредотачивалась на производстве и индустриализации, в сектор третичных услуг. Снижение листинговых стандартов для выхода на рынок JASDAQ создало условия для второй волны венчурного бума. В этот период появились такие известные компании, как Softbank, Capcom, Square и др.

В 1995 г. указом Министерства финансов был открыт второй внебиржевой рынок для быстрорастущих малых предприятий. Инициировались шаги по либерализации в сфере ценных бумаг, в т.ч. содействие диверсификации в структурах процентных ставок и ослабление внебиржевых листинговых требований для резидентов и нерезидентов [44]. Так, в 1996 г. 100 фирм стали публичными на внебиржевом рынке [45].

Таблипа

Рынок венчурного капитала в Китае и Японии

Китай	япония
Общие характеристики рынка венчурного капитала	
Декларативный характер управления инновационным	Госпрограммы финансирования инноваций
процессом.	с активным участием частных инвесторов.
Нерыночные механизмы финансирования инноваций.	Большой опыт корпораций в сфере венчурного
Эффективная мобилизация ресурсов на масштабные	капитала.
технологические проекты.	Низкая предпринимательская активность.
Высокая степень предпринимательской активности.	Относительно низкие объемы государственного
Значительные объемы государственного финансирования.	финансирования.
Характеристики инвесторов	
Доминирование со стороны государственных	Незначительная роль гос. фондов.
и муниципальных фондов.	Стимулирование зарубежных инвестиций.
Ограничение деятельности зарубежных инвесторов.	Рекордные объемы финансирования со стороны
Большое влияние государства на корпоративный	корпоративного венчурного капитала.
венчурный капитал.	
Предпосылки и причины	
Переходная экономика с высокой степенью	Рыночная система, сформированная с помощью
гос. регулирования.	либеральных реформ.
Низкое институциональное развитие, в т.ч. контрактных	Развитая система институтов, в т.ч. открытые
соглашений, корпоративного управления, рынков капитала.	рынки капитала, инструменты структурирования
Высокие темпы экономического роста (6,9% в 2017 г.) [48].	сделок, формы организации бизнеса.
Самая большая в мире система образования.	Развитый частный сектор экономики.
Рост среднего класса и увеличение использования	Склонность предпринимателей обращаться
смартфонов.	к банковскому финансированию, низкая
	осведомленность о венчурном капитале.

Составлено авторами по: [8].

В 1998 г. принят закон об ограниченном партнерстве для инвестиций, основной целью которого было содействие беспрепятственному предоставлению капитала предприятиям и содействие их устойчивому росту и развитию путем создания системы соглашений об ограниченном партнерстве для осуществления инвестиций в предприятия [46].

В 2014 г. проведена налоговая реформа. Так, когда компания инвестирует в венчурные предприятия в период расширения бизнеса через венчурные фонды, ей разрешается включать резерв на инвестиционные убытки в вычитаемые расходы (включая потери в размере 80% от инвестиций) [47].

СРАВНЕНИЕ ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА В КИТАЕ И ЯПОНИИ

В *табл.* приведены основные отличия венчурного капитала в Китае и Японии, которые наблюдаются ввиду институциональных особенностей развития этих стран и разной степени государственного регулирования.

Инновационный процесс в КНР осуществляется с помощью декларативных мер, которые включают 5-летние планы и масштабные национальные программы. Одно из преимуществ экономической системы Китая заключается в способности эффективно мобилизовать ресурсы на научные и технологические проекты, которые направлены на выполнение задач по трансформации инновационной среды.

Однако подобная стратегия осложняет работу независимых и иностранных инвесторов на рынке. Ограничительная политика по отношению к иностранным инвестициям замедляет темпы развития венчурного капитала в Китае. Компании, финансируемые зарубежными фондами, не могут листинговаться на внутренних биржах, поэтому проводят *IPO* на биржах в Гонконге и США.

В Японии, напротив, все госпрограммы направлены на построение каналов финансирования между частными инвесторами и предпринимателями. Однако небольшие вливания бюджетных средств в индустрию могут быть причиной более медленных, по сравнению с Китаем, темпов роста венчурного капитала.

Финансирование инноваций в КНР осуществляется преимущественно нерыночными способами. Вместо того, чтобы настраивать механизмы по привлечению частного капитала, государство само выступает инвестором. Политика, в основном, направлена на прямое субсидирование создателей инноваций, университетов и лабораторий, и на создание государственных венчурных фондов, в то время как рынки капитала стали развиваться относительно поздно, после 2000 г., и подвержены жесткому регулированию по сей день.

В отличие от Японии, где госпрограммы ориентированы на построение схемы распределения независимого капитала в наиболее привлекательные проекты, Китай может столкнуться с проблемой неоптимального использования бюджетных средств, распределяя их в компании, отобранные на основе не рыночных механизмов, а политичес-

кой целесообразности. Так, некоторые исследователи подчеркивают, что бизнес сталкивается с недобросовестной конкуренцией со стороны госкомпаний [4].

Международная конкурентоспособность инновационных продуктов также достигается нерыночными методами. Чтобы сделать свои технологии востребованными на мировом рынке, в Китае ввели программу *MLP 2020*, целью которой - создание многоуровневой системы стандартизации технологий [49]. Подобная стандартизация контролирует действия бизнес-сектора со стороны государства, что показывает командную составляющую политики по развитию инноваций. В Японии, в отличие от КНР, рыночные инструменты являются приоритетными и рассматриваются в качестве более эффективных [50].

Список литературы / References

- 1. Venture Pulse: Q4'18 Report. KPMG. 2018. https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2019/01/venture-pulse-q4-18-global-analysis-of-venture-funding.html (accessed 23.11.2019)
- 2. Inagaki K. Japan Venture Capital Investment Hits Record Levels. *Financial Times*. 01.03.2018. https://www.ft.com/content/927a9d14-1d21-11e8-aaca-4574d7dabfb6 (accessed 23.12.2019)
- 3. Lerner J., Moore D., & Shepherd S. A Study of New Zealand's Venture Capital Market and Implications for Public Policy. Report to the Ministry of Research Science and Technology. Auckland. LECG Ltd, 2005.
- 4. Ahlstrom D., Bruton K. S., Yeh G. D. 2007. Venture capital in China: Past, present, and future. *Asia Pacific Journal of Management*. February, Vol. 24, № 3, pp. 247-268.
- 5. Jeng L.A., Wells P.C. 2000. The determinants of venture capital funding: evidence across countries. *Journal of Corporate Finance*. September, Vol. 6, N 3, pp. 241-89.
- 6. Groh A., Wallmeroth J. 2016. Determinants of Venture Capital Investments in Emerging Markets. *Emerging Markets Review*. December, Vol. 29, pp. 104-132.
- 7. Nahata R, Hazarika S., Tandon K. 2014. Success in Global Venture Capital Investing: Do Institutional and Cultural Differences Matter? *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. Vol. 49, № 4, pp. 1039-1070.
- 8. Lin L. 2017. Venture Capital Exits and the Structure of Stock Markets: Lessons from China. *Asian Journal of Comparative Law.* July, Vol. 12, № 1, pp. 1-40.
- 9. Guo D., Guo Y., Jiang K. 2016. Government Subsidized R&D and Innovation Outputs: An Empirical Analysis on China's Innofund Program. *Research Policy*. July, Vol. 45, № 6, pp. 1129-1144.
- 10. Lingelbach D. 2013. Paradise postponed? Venture capital emergence in Russia. *Critical Perspectives on International Business*. March, Vol. 9, № 1/2, pp. 204-225.
- 11. Bruton G. D., Ahlstrom D., Yeh K. 2004. Understanding venture capital in East Asia: The impact of institutions on the industry today and tomorrow. *Journal of World Business*. February, Vol. 39, № 1, pp. 72-88.
 - 12. Çetindamar D. 2003. The growth of venture capital: A cross-cultural comparison. Westport. CT: Praeger.
- 13. McGregor J. One billion customers. Wall Street Journal. 25.10.2005. https://www.wsj.com/articles/SB113018288460777853 (accessed 23.11.2019)
- 14. Baark E., Suying L. 1990. Science and Technology Policy Reforms in China A Critical Assessment. *Copenhagen Journal of Asian Studies*.
- 15. Ahlstrom, D., Yeh, K.S., Bruton, G.D. 2006. Venture capital in China: High technology investing in an emerging economy. *H.Li (Ed.), Growth of new technology ventures in China's emerging market*. Northampton, MA, and Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 261-286.
 - 16. Venture Capital in China An overview and analysis of trends shaping Chinese VC activity. Pitchbook. 18.03.2019.
 - 17. Torch Program in the Past 15 Years. China.org.cn. 17.09.2003.
- 18. Blank S. China's Torch Program The Glow That Can Light the World. UC Berkeley Blog. 11.04.2013. https://blogs.berkeley.edu/2013/04/11/chinas-torch-program-the-glow-that-can-light-the-world-part-2-of-5/ (accessed 23.11.2019)
- 19. Lingelbach D. 2009. Neither pirates nor politicos: the emergence of venture capital in weak institutional environments, unpublished Ph.D. thesis, University of Exeter.
- 20. Bertoni C., Colombo M., Grill, L. 2011. Venture Capital Investor Type and the Growth Mode of New Technology-Based Firms. *Small Business Economics*. April, Vol. 40, № 3, pp. 527-552.
- 21. Huang T. Government-Guided Funds in China: Financing Vehicles for State Industrial Policy. *Peterson Institute for International Economics*. 17.06.2019. https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/government-guided-funds-china-financing-vehicles-state-industrial-policy (accessed 15.11.2019)

- 22. Lin L. Venture Capital, Angel Capital & Other Finance, IPOs and Acquisitions. Chapter 4.4. Fu Xiaolan, Bruce Mckern & Chen Jin eds., Oxford Handbook of China Innovation (Oxford University Press, Forthcoming).
- 23. Small and Medium Enterprise Agency. Small and Medium-sized Enterprise Basic Act. https://www.chusho.meti.go.jp/sme_english/outline/08/01_02.html#01 (accessed 09.10.2019)
- 24. Peng L., Guoshun W. 2010. Venture Capital in Japan. Working Paper, School of Management Central South University, Changsha, P.R.China. Pp. 307-311.
 - 25. Global Entrepreneurship Monitor Report. GREM. 2013.
 - 26. Global Entrepreneurship Monitor Report. GREM. 2017.
- 27. Mukoyama H. 1998. Small Business in the United States, Taiwan, and Japan, and Their Small Business Policy. *RIM*. June, Vol. 40.
- 28. Cabinet Office, Government of Japan. The Science and Technology Basic Law. https://www8.cao.go.jp/cstp/english/law/law.html (accessed 06.11.2019)
- 29. Hiroyasu I., Eiichi Y. 2014. Evaluation of Small Business Innovation Research Programs in Japan. MPRA Paper No. 53898.
- 30. Rowen H., Toyoda A. M. 2002. From Keiretsu to Startups: Japan's Push for High Tech Entrepreneurship. Working Paper, Stanford University.
- 31. Takehiko Y. 2009. Programs to Stimulate Startups and Entrepreneurship in Japan: Experiences and Lessons. *The National Academies Press.* Washington, DC. Pp. 95-106.
- 32. Hasegawa K., Sugawara T. 2017. Characteristics of University startups in Japan. Analysis of startup companies at The University of Tokyo. IEEE Technology & Engineering Management Conference (TEMSCON). Santa Clara, CA, USA.
- 33. Rowen H., Toyoda A. M. 2002. From Keiretsu to Startups: Japan's Push for High Tech Entrepreneurship. Working Paper, Stanford University.
- 34. Understanding The Japanese Budget. Ministry of Finance, Japan. https://www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2004/brief/2004e_04.htm (accessed 06.11.2019)
- 35. Hirai M. Introducing a Global Ecosystem for Japanese Technology Entrepreneurs: The University of Tokyo Edge Capital (UTEC). https://www.kauffmanfellows.org/journal_posts/introducing-a-global-ecosystem-for-japanese-technology-entrepreneurs (accessed 08.11.2019)
- 36. START Program for Creating Start-ups from Advanced Research and Technology. https://www.jst.go.jp/start/en/jigyo/index.html (accessed 08.11.2019)
- 37. Kirihata, T. 2018. Japanese Government Venture Capital: What Should We Know? Asia Pacific Journal of Innovation and Entrepreneurship. April, Vol. 12, pp. 14-31.
- 38. Котляров И.Д. Формы ведения предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве: попытка классификации. Экономическая наука современной России. 2011, № 2, с. 89-100. (Kotlyarov I.D. 2011. Business in virtual space: an attempt of classification. *Economics of Contemporary Russia*. № 2) (In Russ.)
- 39. Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шеин Р.А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития. Экономический анализ: теория и практика. 2017, т. 16, № 12, с. 2238-2253. (Ustyuzhanina E.V., Sigarev A.V., Shein R.A. 2017. Digital economy as a new paradigm of economic development. Economic Analysis: Theory and Practice. Vol. 16. № 12) (In Russ.)
- 40. Tsuji T. Drowning in Venture. The Barrier, which Japanese are not aware of (In Japan.). https://toyokeizai.net/articles/-/228556 (accessed 08.11.2019)
- 41. Yamada T. Asahi Shimbun is going to venture. 2018 (In Japan.). https://premium.toyokeizai.net/articles/-/18428 (accessed 10.11.2019)
- 42. Creating a Japanese role model to be effective on a global scale. *METI Journal in the Japan Times*. 15.02.2019. https://meti-journal.japantimes.co.jp/2019-02-15/ (accessed 10.11.2019)
- 43. Sakurai R. Creating More Japanese Unicorns. NHK World. 20.09.2018. https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/246/ (accessed 12.11.2019)
- 44. Geithner T. 1995. Japan-United States: Measures Regarding Financial Services. *International Legal Materials*. May, Vol. 34, № 3, pp. 617-660. https://tcc.export.gov/Trade_Agreements/All_Trade_Agreements/exp_005569.asp (accessed 17.11.2019)
 - 45. Robert C. Hsu. 1999. The MIT Encyclopedia of the Japanese Economy. Second edition, Cambridge: The MIT Press.
- 46. Limited Partnership Act for Investment. Ministry of Justice, Japan. http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?id=96&vm=2&re= (accessed 12.11.2019)
- 47. FY2014 Tax Reform (Main Points). Ministry of Finance, Japan. https://www.mof.go.jp/english/tax_policy/tax_reform/fy2014/tax2014a.pdf (accessed 14.11.2019)
 - 48. China: Growth Rate of Real Gross Domestic Product (GDP) from 2011 to 2023. Statista. January 2019.
- 49. Suttmeier R.P., Yao X. 2008. Standards and the state: Chinese technology policy in an age of globalization. E.Thomson and J.Sigurdson (Eds.). *China's science and technology sector and the forces of globalization*. Singapore: World Scientific Publishing. Pp. 79-118.
- 50. Breznitz D., Murphree M. 2011. Run of the red queen: Government, innovation, globalization and economic growth in China. New Haven and London: Yale University Press.

ТРОТУАР В ИНДИЙСКОМ ГОРОДЕ: ПРОСТРАНСТВО МАРГИНАЛИЗАЦИИ ПЕШЕХОДА

© 2020 С. СИДОРОВА

DOI: 10.31857/S032150750008725-9

СИДОРОВА Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра индийских исследований Института востоковедения РАН (veta.sidorova@mail.ru)

Резюме. Статья посвящена индийскому тротуару, который рассматривается через призму его взаимоотношений с «соседями»: проезжей частью и фасадами домов. Пространство между ними, предназначенное для транзита пешеходов, является объектом агрессивных притязаний с обеих сторон. В результате, тротуар в современной Индии превращается в место амобильности, а пешеход - в наиболее бесправную и маргинализированную фигуру на городских улицах. Рассматриваются особенности устройства индийского урбанистического пространства в контексте современных градостроительных тендениий.

Ключевые слова: Индия, новый урбанизм, тротуар, пешеходность, проезжая часть, фасад

SIDEWALK IN INDIAN CITY AS A SPACE OF MARGINALIZATION OF A PEDESTRIAN

Svetlana E. SIDOROVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of Russian Academy (veta.sidorova@mail.ru)

Abstract. The paper focuses on the problems of sidewalks in Indian urban space considered through the lens of their relations with the "neighbors" - highways and facades of the buildings. The stripe of pave between them intended for the transit of pedestrians is aggressively claimed by both sides. Thin footpaths (if any) and lack of dividers between pedestrians and fast moving cars visually demonstrate priority given to highways in Indian cities. Spatial discrimination of the pedestrians makes it totally uncomfortable and unsafe for those using sidewalks. At the same time Indian sidewalks are under strong pressure from commercial activity, which instead of being located behind the facades of the buildings occupy transit zones intended for walking. These zones are completely blocked by parked cars and motorbikes, road signs, constructions, trees, small temples, statues, sleeping people, slums, cows, dogs, as well as innumerable vendors and stalls selling everything that somebody can imagine. Neglecting the interests of the moving people could be ascribed to specific perception of urban environment in India characterized by intolerance to the idea of emptiness when every empty space tends to be seen as available for either transport, business purposes or other stationary activity. As a result sidewalk turns into the place of amobility and the pedestrian - into a cast-off and marginalized figure in the street. Based on Jeff Speck's theory of walkability and other modern urban concepts the article analyses the specifics of Indian urban space planning that mostly runs contrary to the instincts of developed-world urbanists.

Keywords: India, new urbanism, sidewalk, walkability, driveway, facades

В 2016 г. писатель индийского происхождения Дипак Сингх делился своими эмоциями: «С 2003 г. я живу в США с их просторными тротуарами. Когда я возвращаюсь в Индию, у меня возникает ощущение, будто я участвую в гонках с препятствиями. Ни на минуту я не должен терять бдительность относительно того, куда я наступаю - на человека или спящую собаку, я постоянно начеку из-за того, что кто-то может налететь на меня сзади. Некоторые люди ездят на мотоциклах по тротуарам. В атаку может пойти и разъяренная корова».

В этом же тексте, посвященном опасностям, с которыми сталкиваются индийские пешеходы, писатель привел слова своей матери, несколько лет назад сбитой моторикшей в г. Лакхнау: «Если вы хотите покончить жизнь самоубийством, просто пройдитесь по индийской оживленной улице» [1].

В статье ниже речь и пойдет о тротуаре в индийском городе, который носит собирательный

образ, вобравший характерные черты едва ли не каждого населенного пункта южноазиатского субконтинента.

Предлагаемый материал является результатом моих полевых наблюдений, собранных во время блужданий по улицам индийских городов в поисках архитектурных и ландшафтных «отметин» колониального прошлого. Текст не содержит готовых выводов, но имеет целью привлечь внимание к своеобразным способам освоения уличного пространства и пешеходной мобильности в Индии, что, возможно, предполагает выработку специальных/региональных урбанистических подходов и решений.

Тротуар - конструктивный элемент городского ландшафта, призванный исполнять функцию транзитного пространства для пешеходов. Обеспечение безопасности и удобства локомоций последних - важная функция любого города.

Городской тротуар не существует сам по себе; как правило, он ограничивается и находится в со-

четании с проезжей частью и фасадами домов. Именно «взаимоотношения» тротуаров с этими «соседями», которые машинами, витринами, ступенями, подъездами, летними верандами, парковками пытаются заступить на территорию пешеходов, свидетельствуют о преференциях, отдаваемых тем или иным участникам дорожного движения, превалирующих представлениях об организации уличного пространства, предпочтительных моделях мобильности и, в целом, об уровне пешеходности города.

Вокруг категории пешеходности в последние десятилетия сложился целый корпус текстов и концепций, сформировавших отдельное направление - Walkability Studies, гармонично вписывающееся как в исследования урбанистических пространств, так и проблемы мобильности. Один из основоположников этого направления, американский градостроитель и писатель Джеф Спек, итог своих многолетних изысканий свел к «общей теопешеходности» (General рии Theory Walkability), в соответствии с которой «ходьба, доставляющая удовольствие, должна отвечать 4-м условиям: быть полезной, безопасной, удобной и интересной» [2, р. 11].

Существующие на сегодняшний день многочисленные определения пешеходности так или иначе отражают обозначенные Спеком принципы. Изучение этого феномена и связанных с ним инфраструктурных элементов пространственного обустройства было вызвано современными градостроительными тенденциями, в частности концепцией «нового урбанизма» (new urbanism), продвигающей идею небольших, компактных городов, где необходимые для жизни объекты находятся на пешем расстоянии, ратующей за снижение плотности транспортных потоков, развитие общественного, велосипедного и другого малого индивидуального транспорта и пешего передвижения.

В результате такого подхода на практике тротуар не только значительно расширяется, но и уравнивается в правах с дорогой, начинает с ней активно конкурировать, отвоевывая у нее пространство и защищаясь от вторжения. Учитывая все эти аспекты, Майкл Саутворт, профессор школы городского и регионального планирования Калифорнийского университета, предлагает еще одно определение пешеходности: «Это степень, до которой созданная окружающая обстановка поддерживает и поощряет хождение за счет обеспечения безопасности и удобства, соединения людей с точками назначения за разумный отрезок времени и при приложении умеренных усилий, создания визуального интереса во время продвижения» [3, pp. 246-247].

В этой парадигме в настоящее время стараются развиваться города условно западной цивилизации, «уставшей» от автомобильного засилья.

В унисон с новым урбанизмом концепция новой мобильности предполагает не торжество хайвеев и эстакад, а качество и пропускную способность тротуаров и велосипедных дорожек.

В стороне от этих трендов остаются города Индии, о чем свидетельствуют показатели уровня их пешеходности. Определение степени благорасположенности пространства к пешеходу подразумевает возможность ее количественного измерения. Существует т.н. *индекс пешеходности*, который позволяет совокупно перевести в цифровые значения все 4 принципа Джефа Спека.

В 2011 г. организация *Clear Air Initiative*, занимавшаяся подсчетом этого индекса в Азии, провела исследования в 30 индийских городах. Их показатели разместились на шкале в пределах от 22 до 91 условной единицы, а среднее значение составило 52. Для расшифровки полученных данных предлагался следующий ключ: 0-25 - нет возможности для пешей ходьбы, передвижение только на транспорте; 25-50 - местность не предназначена для пешей ходьбы, только до незначительного числа мест можно добраться пешком; 50-70 - есть некоторые места, доступные для пешего хода, но для каждодневной жизнедеятельности требуется наличие транспорта [4, р. 2958].

В настоящей статье индийские тротуары рассматриваются в пространственной системе координат через призму их взаимоотношений с «соседями»: проезжей частью и фасадами домов.

ПРОЕЗЖАЯ ЧАСТЬ

«Конституция Индии гарантирует каждому гражданину фундаментальное право на свободу передвижения по стране. Сегодня это право нарушается во многих городах, т.к. пешеходная инфраструктура занимает самое незавидное положение при планировании индийских урбанистических пространств. Традиционные индийские города компактной застройки с многофункциональными зонами, пешеходными улицами были переформатированы, чтобы уступить место расползающимся городам и бесконечным дорогам, что потворствует частному автотранспорту. Дизайнерские рекомендации, заимствованные у развитых, зависимых от автомобильного движения стран, меняют форму, структуру и контекст современных индийских городов. Пешеходы теряют место на дорогах, парковках, которые берут верх над пешеходной инфраструктурой» [5].

Так звучит одно из типичных описаний положения дел в урбанистическом пространстве Индии.

Индийский тротуар испытывает жесточайшее давление со стороны проезжей части. Ее тотальное господство в уличном пространстве визуально заметно или в полном отсутствии полос для пешеходов, которые заменяют им обочины, или их узости,

или размытости границы между ними. Жизнь индийских городов вопреки новейшим тенденциям продолжает подчиняться движению машин. Об этом свидетельствует доминирующее в индийском градостроительстве понимание дороги.

Как пишут авторы доклада «Ходьба и велосипедная езда в индийских городах: борьба за улучшение обочин»: «Взятое за основу определение дороги в Индии сводится к тому, что она является пространством для моторизованного транспорта, и ее предназначение считается реализованным, если машины равномерно движутся по ней. И это главная причина, из-за чего пешеходные зоны, если они вообще имеются, во многих городах Индии сведены к простым обочинам с препятствиями» [6, р. 3].

С каждым годом по мере роста потока автотранспорта проблема становится все острее, что заставляет индийские СМИ все чаще и критичнее высказываться на эту тему. Анализ публикаций свидетельствует, что такая ситуация носит для страны повсеместный характер и высвечивает несколько основных причин такого положения дел.

Одна из них, по мнению представителей экспертного сообщества, кроется в несистемном подходе к городской застройке, решении проблем по мере их поступления. Дивья Коттадиэл, представитель международной компании *EMBARQ*, предлагающей решения в области городской мобильности, объяснила такую незатейливую философию индийского урбанистического планирования следующим образом: «Когда парковка машин превращается в проблему, они строят парковочную площадку. Когда движение в городе стопорится, они расширяют улицу». Ей вторит Риши Агарвал, директор Центра по развитию Мумбаи (*Mumbai Sustainability Center*): «Все делается не по плану, а от случая к случаю» [7].

Другие исследования, напротив, отмечают намеренный характер активного дорожного строительства, т.к. именно хайвэи и эстакады придают городам облик мировых центров и делают их инвестиционно привлекательными площадками.

В упомянутом докладе «Ходьба и велосипедная езда ...» говорится, что города сами себя брендируют как места реализации дорогих проектов. «Такие проекты формируют урбанистический вид, и этот вид привлекает большие деньги, крупных игроков и большие контракты, которые повышают стоимость земли... Таким образом, концепция города, основанная на превосходстве моторизованного транспорта, подпитывает финансовые интересы, которые в свою очередь поддерживают проекты, направленные на превращение индийских городов в "центры мирового класса". Из этого следует, что проблема не только в господстве старой парадигмы, но и в существовании лоббистских групп, связанных с политическим и бюрократическим классом. И в этом состоит суть политэкономии городов Индии, равно как и других развивающихся стран» [6, р. 1].

В качестве фактора, усугубляющего ситуацию, авторы обозначили и государственную политику, которая в последние два десятилетия стимулировала граждан к приобретению автомобилей, напирая на то, что это вклад в развитие экономики страны. При этом стоит отметить, что автомобиль в Индии все еще является признаком состоятельности и важным статусным символом. Это особенно заметно по тому, как выстраивается иерархия транспортных средств на дорогах, когда при прочих равных условиях негласным преимуществом пользуется четырехколесный частный транспорт, затем, по нисходящей линии, - трехколесные (моторикши), двухколесные моторизованные средства передвижения и, наконец, замыкают «табель о рангах» велосипедисты и пешеходы.

Результатом пространственной дискриминации пешеходов и велосипедистов является не только эмоциональный и двигательный дискомфорт, но и прямая угроза их жизни и здоровью.

Данные по числу аварий - неизменный элемент или даже зачин большинства публикаций на тему мобильности в индийских городах. Официальная статистика сообщает, что в 2016 г. на дорогах Индии погибло 150,7 тыс. человек и пострадало 494,6 тыс. Однако эти сведения считаются заниженными, т.к. далеко не все случаи фиксируются полицией. Авторы аналитического отчета по безопасности дорог в Индии полагают, что реальная цифра пострадавших может быть от 2-х до 3-х млн человек.

На пешеходов, велосипедистов и мотоциклистов, по официальным сведениям, приходится от 84 до 93% погибших, из них на пешеходов отдельно - от 8 до 25%. Однако независимые исследования считают, что более реалистично выглядят доли в 37% и 20% на пешеходов и мотоциклистов, соответственно [8, рр. 2, 4, 9]. Некоторые опросы свидетельствуют, что в наибольшей безопасности люди чувствуют себя на улицах, находясь внутри транспортного средства (машины, автобуса, моторикши), а не вне его, что дополнительно стимулирует горожан к приобретению моторизованных средств передвижения [9].

Рост транспортной загруженности объясняется не только интересами финансовых групп, статусными факторами, но и недостаточно развитым общественным транспортом. Огромное народонаселение страны и городов в сочетании с внушительными расстояниями, которые необходимо преодолевать ежедневно, являются причинами высокой насыщенности улиц личными средствами передвижения, которыми вынуждены обзаводиться даже относительно небогатые люди. Поэтому едва ли не основную массу потока составляет двухколесный транспорт: мотоциклы, скутеры, мопеды, велосипеды.

По данным на 2015 г., на дорогах в Индии было 26,4 млн автомашин и 154,2 млн двухколесных моторизованных средств передвижения [8, рр. 2; 10, рр. 7-9]. Помимо того, что они составляют основной поток на проезжей части, именно они днями и ночами плотно и хаотично заполоняют городские тротуары, используя их в качестве парковок, делая эти зоны непроходимыми, как вдоль, так и поперек.

ФАСАДЫ

Фасады наряду с проезжей частью также имеют обыкновение покушаться на пространство тротуаров, выплескивая наружу часть жизни, обычно локализованную внутри домов.

С концепцией нового урбанизма связано переосмысление роли фасадов в обустройстве тротуаров. Именно они, в первую очередь, призваны реализовывать принцип нескучного передвижения. Новый тренд заключается в том, чтобы городские пространства не выглядели сплошь транзитными, этакими коридорами для преодоления расстояний. Смещение внимания в сторону пешехода и прогуливающегося, в отличие от спешащего и мчащегося, горожанина на практике выливается в изменение структуры тротуара.

Если со стороны дороги все чаще выделяется специальная буферная зона с парковками, газонами, столбами, дорожными знаками и т.д., ограждающая тротуар от проезжей части, то со стороны фасадов на тротуарах организуются придомовые зоны, которые должны сделать локомоции вдольних интересными. Они призваны намеренно задерживать движение, вызывать желание остановиться, и наделяют тротуар новой функцией удобной рекреации, места комфортного времяпрепровождения. Между этими зонами по-прежнему существует транзитная полоса, фиксирующая главное предназначение тротуара. Такое деление жестко регламентирует отношения между «соседями».

В индийских же городах фасад напрямую «схлестнулся» с проезжей частью, и битва разыгрывается именно в зоне предполагаемой мобильности пешеходов. С плотной стеной припаркованного на тротуаре транспорта успешно конкурируют такие препятствия, как многочисленные пункты быстрого питания, лотки с овощами, фруктами и прочей снедью, прилавки с одеждой, обувью, галантереей, свежей прессой, скобяными и хозяйственными товарами.

По подсчетам, около 10 млн людей в Индии живут за счет уличной торговли [11; 12]. Здесь же располагаются уличные парикмахерские, тумбы для чистки обуви, мастерские по пошиву, ремонту, производству самых разнообразных вещей. На тротуаре человек может обеспечить себя всем необходимым.

Хотя эти точки могут быть формально не связаны с фасадами зданий, т.к. не имеют отношения к сервисным предприятиям, расположенным на нижних этажах, но, по сути, они предоставляют аналогичный набор услуг и, в отличие от последних, лишь частично заступающих на тротуары, полностью «выходят» за линию фасада, организуя на пешеходных полосах обширные зоны стационарной деятельности и группируя вокруг людей, не нуждающихся в движении.

Несомненно, это объясняется жарким климатом Индийского субконтинента, огромным количеством населения, обслужить которое за фасадами затруднительно, легкостью и дешевизной организации мобильного бизнеса, который, в свою очередь, предлагает доступные по цене услуги большому числу бедных людей. Более состоятельные потребители подъезжают к торговым точкам на машинах, хаотично паркуясь у обочин. В последние годы в стране проводится политика, направленная на защиту прав уличных торговцев, которая основывается на признании того, что такого рода деятельность является «позитивной и неизменной чертой городской жизни Индии» [11, р. 12].

Как пишет американский специалист в области городской мобильности Джерратт Уокер, «есть один примечательный факт из жизни индийских городов: необыкновенную трудность для них представляет сохранять общественное пространство пустым. Так же как любой незаполненный кусок городской земли немедленно становится объектом чьих-нибудь притязаний для постройки дома, так и незанятое уличное пространство сразу же рассматривается как подходящее место для транспорта или коммерческих целей» [13].

Помимо коммерческих предприятий, проход по пешеходным зонам преграждают стихийно возникающие многочисленные мелкие храмы, памятники и бюсты. Сюда выползают трущобные постройки, здесь укладываются спать и испражняются. То есть в уличном пространстве расположено все то, что обычно относится к зафасадной части домов, на тротуарах представлен практически весь суточный цикл жизнедеятельности человека, никак не связанный с мобильностью. Стоит добавить, что здесь же вольготно проводят время коровы, собаки, крысы и прочая живность.

Пешеход же на улице своими попытками двигаться лишь создает помехи другим видам активности. Непешеходная жизнедеятельность на тротуарах бывает столь насыщенной, что порой не умещается в узком пространстве уличных обочин, и уже сама выплескивается на проезжую часть.

Механизм противостояния между «соседями» описал тот же Джерратт Уокер: «Число и ширина полос для автотранспорта на индийских улицах постепенно сокращаются, и это естественный и никем не регулируемый процесс. Он протекает

примерно так: 1) на обочинах скапливается так много пешеходов и велосипедистов, что водители моторизованного транспорта начинают тесниться, чтобы избежать столкновения с ними; 2) люди обустраивают торговые лотки на обочинах и продают вещи идущим мимо, машины тоже начинают останавливаться, т.к. водители и пассажиры включаются в процесс покупок; 3) в конечном итоге, вся улица заполняется пешеходами, торговыми точками, беспорядочными парковками... В Визагопатаме я однажды с трудом продирался по бывшей некогда четырехполосной улице, но со временем превратившейся в двухполосную благодаря процессу, называемому индийскими градостроителями "вторжением"» [13].

Можно сказать, что в Индии исторически и стихийно реализуется то, что в западноевропейском мире считается новой концепцией организации дорожного движения, которая называется «общее пространство» (shared space) [14] и нередко подвергается критике за радикализм и небезопасность. В соответствии с ней автомобили, велосипедисты и пешеходы сообща используют одну и ту же мощеную поверхность, лишенную традиционной разметки и атрибутов зонирования, включая тротуары. В границах этого пространства нет приоритета пешеходов и машин, и действуют не столько правила дорожного движения, сколько система добровольных и неписаных соглашений и договоренностей между участниками лвижения

Однако в индийских городах, как представляется, участники уличной активности демонстрируют отношение к занимаемому в конкретный момент времени участку общественного пространства как к «своему» с присущим, хотя и вполне мирным по форме выражения, игнорированием потребностей других возможных и столь же правомочных претендентов на эту же территорию.

Надо сказать, что в то время как дефицит места, удачные или неудачные градостроительные концепции и практики их реализации, рост транспортного потока, народонаселения и т.д. активно обсуждаются в качестве причин неорганизованности индийских тротуаров, такие факторы, как особенности уличных поведенческих моделей или менталитета местных жителей, редко становятся предметом осмысления. Лишь кинетические практики пешеходов, физически уязвимых, в отличие как от несущихся и защищенных броней автотранспорта водителей и пассажиров, так и от малоподвижных продавцов и покупателей тротуарных услуг, изредка попадают в поле зрения исследователей [15; 16].

Проигрывая в скорости первым и будучи неинтересными в своем желании двигаться вторым, индийские пешеходы в парадигме «общего пространства» имеют самые слабые аргументы для достижения согласия с окружающими и вынужден-

но демонстрируют наибольшую степень уступчивости в притязаниях на общественное пространство. Именно в силу исторической привычности к такому обустройству улицы и, соответственно, отсутствия вкладываемой в него на современном этапе в Западной Европе философии взаимоуступок, для Индии в качестве решения проблемы видится прямо противоположный подход, связанный с жестким сегрегированием разных видов уличной активности. Правда, пока такая перспектива оценивается как утопическая [17].

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Впрочем, если тротуар ничем не занят, он все равно зачастую представляет источник дискомфорта для пешехода, т.к. опасность подстерегает его снизу. Мощеные поверхности, скрывшие под собой землю, глину, неровности, системы коммуникаций, придавшие благообразие и чистоту улицам, считаются признаком цивилизационного прогресса человека и нередко сравниваются с защитной мембраной или кожей города [18]. Состояние индийских тротуаров свидетельствует о серьезных нарушениях в функционировании кожных покровов городов. Они поражены «язвами» в виде ям, разломов, открытых люков, трещин, растрескавшегося и разрушенного покрытия. И все эти разверзнувшиеся перед шагающим человеком преддверия подземного мира заполнены мусором и нечистотами. К этому же «классу» проблем относятся выросшие на пути деревья, врытые по ходу движения столбы, иногда непомерная высота тротуаров, с которых приходится спрыгивать, и т.п.

В стремлении привлечь внимание к проблеме обочин индийские СМИ апеллируют к тому, что Индия, несмотря на рост транспортного потока и попытку позиционировать ее как «страну на колесах» (*Nation on Wheels*» [9]), по-прежнему является страной пешеходов.

Журналисты Х.Дас и С.Госвами, специализирующиеся по проблемам экологии и урбанизма, располагают сведениями, что 28% перемещений в городах совершаются пешком, и «это самый высокий показатель среди других видов передвижений» [5]. Эколог Ручита Бансал оперирует цифрами в 30-40%, которые, по ее сведениям, приходятся на немоторизованные способы передвижения (NMT - non-motorized transportation) [19]. Архитектор и дизайнер из Нью-Дели Раджеш Адвани ссылается на данные переписи 2015 г., свидетельствовавшие о том, что более 100 млн из тех, кто трудился на некотором расстоянии от дома, добирался на работу пешком.

Эти данные также содержат информацию по протяженности пешего пути, в среднем преодолеваемом ежедневно разными категориями городского населения [20]. Кроме того, встречаются призы-

вы к выработке кодекса прав пешеходов и других документов, регулирующих их статус и права, которые должны стать обязательными для исполнения [21]. Некоторые авторы используют категории эмпатии, которой лишены индийские города по отношению к своим пешеходам [22].

Результатом непрекращающихся дискуссий стали несколько проектов по зонированию уличной активности, которые, в целом, почти не затронули индийский городской пейзаж и не повлияли на типичную для восточного города атмосферу хаоса, толчеи, пестроты и гвалта, что, порой, превращает путешествие на Восток в опасное приключение и разновидность экстремального туризма.

Пока идут дебаты в защиту прав пешехода на тротуаре в Индии, он, зажатый между Сциллой-проезжей частью и Харибдой - фасадами, рискуя провалиться в тартарары, часто оказывается фигурой неуместной и маргинальной. В поисках реализации своей мобильности он нередко обнаруживает себя вытолкнутым или выдавленным на проезжую часть. Тротуар же остается пространством конкурентной борьбы между различными видами препятствий и помех, что превращает его из «места для шагания» (букв. перевод с французского trottoire) в место преодоления и амобильности.

* * *

Список литературы / References

- 1. Singh D. Study: Why Pedestrians in India Need to Be Very, Very Cautious. 2016. https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2016/07/31/487666565/study-why-pedestrians-in-india-need-to-be-very-very-cautious?t=1535539541594&t=1554192193997 (accessed 05.10.2018)
 - 2. Speck J. Walkable City: How Downtown Can Save America, One Step at a Time. New York: North Point Press, 2012.
 - 3. Southworth M. Designing the Walkable City. Journal of Urban Planning and Development. December, 2005. Pp. 246-257.
- 4. Minhas P., Poddar A. Walkability Index by Global Walkability Index Method. *International Research Journal of Engineering and Technology (IRJET)*. Vol. 4, Iss. 7, 2017.
- 5. Das H., Goswami S. Where are the footpaths? A case for protecting pedestrian rights in India. 2014. https://thecityfix.com/blog/where-are-footpaths-case-protecting-pedestrian-rights-india-himadri-das-sahana-goswami/(accessed 15.02.2019)
- 6. Datey A., Darji V., Patel T., Mahadevia D. Walking and Cycling in Indian Cities: A Struggle for Reclaiming Road Edges. Ahmedabad: CEPT University, 2012.
- 7. Bergen M. Mumbai's Walkability Problem: Plenty of Pedestrians, Not Enough Sidewalks. 2013. https://www.citylab.com/transportation/2013/01/mumbais-walkability-problem-plenty-pedestrians-not-enough-sidewalks/4297/ (accessed 05.10.2018)
- 8. Mohan D., Tiwari G., Bhalla K. Road Safety in India: Status Report 2016. *Transportation Research & Injury Prevention Programme*. Indian Institute of Technology. 2017. Delhihttp://tripp.iitd.ernet.in/assets/publication/2016_India_Safety_status1.pdf (accessed 14.03.2019)
- 9. Rajghatta C. Walk-ative not talkative nation: Gridlocked urban India needs to clear up its footpaths and start walking. *The Times of India.* 29 January 2018. https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/ruminations/walk-ative-not-talkative-nation-gridlocked-urban-india-needs-to-clear-up-its-footpaths-and-start-walking/ (accessed 15.02.2019)
- 10. Walkability in Indian Cities. Clean Air Initiative for Asian Cities (CAI-Asia) Center. 2011. https://shakti-foundation.in/wp-content/uploads/2014/02/cai%20walkability%20final.pdf (accessed 15.03.2019)
- 11. Sinha Sh., Roever S. India's National Policy on Urban Street Vendors. 2012. http://www.wiego.org/sites/wiego.org/files/publications/files/Sinha_WIEGO_PB2.pdf (accessed 15.02.2019)
- 12. Mander H. Reclaiming the city for street vendors. *The Hindu*. November 03, 2012. https://www.thehindu.com/opinion/columns/Harsh Mander/reclaiming-the-city-for-street-vendors/article4058121.ece (accessed 15.04.2019)
- 13. Walker J. Is Walkability a Right? How would this work in India? July 08, 2013. https://humantransit.org/2013/07/is-walkability-a-right-how-would-this-work-in-india.html (accessed 15.04.2019)
- 14. Clarke E. Shared Space the alternative approach to calming traffic. 2006. https://www.webcitation.org/6B2TSZsyU?url=http://www.hamilton-baillie.co.uk/_files/_publications/18-1.pdf (accessed 28.03.2019)
- 15. Jain A., Gupta A., Rastogi R. Pedestrian crossing behaviour analysis at intersections. *International Journal for Traffic and Transport Engineering*. 2014. Vol. 4, № 1. Pp. 103-116.
- 16. Dass S., Singhal D., Aggarval P. Study of Pedestrian Flow/ Behavior on Indian Roads. *Journal of Mechanical and Civil Engineering*; e-ISSN: 2278-1684, p-ISSN: 2320-334X. Pp. 38-42. http://www.iosrjournals.org/iosr-jmce/papers/AETM% 2715 CE/1/7-CE-163.pdf (accessed 29.03.2019)
- 17. Raipat V. Smart pedestrian movement: Improving walkability for Smart Cities. 2017. http://theindiancities.com/articles/smart-pedestrian-movement-improving-walkability-for-smart-cities/ (accessed 15.04.2019)
 - 18. Heathcote E. Secrets of the sidewalk what pavements say about a city. The Financial Times. September 9, 2016.
- 19. Bansal R. Road Design: Why do Indian cities never get it right? 2015. https://www.downtoearth.org.in/blog/road-design-why-do-indian-cities-never-get-it-right-47466 (accessed 29.03.2019)
- 20. Advani R. Why 'Walkability' in India miserably fails. 2016. https://medium.com/@advanirajesh/why-walkability-in-india-miserably-fails-127943948c46 (accessed 16.03.2019)
- 21. Raja V. Do Pedestrians Have Any Rights? Here's What Every Indian Must Know! 2017. https://www.thebetterindia.com/100305/pedestrians-right-road-safety-law-traffic/ (accessed 25.02.2019)
- 22. Choudhury R. Urban Journal: Indian Cities Lack Empathy. *The World Street Journal*. 25 September, 2012. https://blogs.wsj.com/indiarealtime/2012/09/25/urban-journal-indian-cities-lack-empathy/ (accessed 15.02.2019)

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ КОТ-Д'ИВУАРА И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

© 2020 Л. САДОВСКАЯ

DOI: 10.31857/S032150750008724-8

САДОВСКАЯ Любовь Михайловна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН (lubowsadowskaya@yandex.ru)

Резюме: В статье анализируется роль вооруженных сил в социально-политическом развитии Кот-д'Ивуара. В фокусе внимания автора - вопросы правового положения армии и ее участия в политических процессах, касающихся взаимоотношений с гражданским обществом.

Представлены вариативные модели поведения ивуарийских вооруженных сил в ситуации политического противостояния и сохраняющегося до настоящего времени отсутствия их консолидации. Автор приходит к выводу, что влияние военных на социально-политические процессы в стране в силу сохраняющейся высокой конфликтогенности ивуарийского общества будет по-прежнему сохраняться. Вместе с тем, повышение уровня профессионализма военнослужащих, уменьшение влияния этнических и конфессиональных факторов, ослабление позиций комзонов и укрепление армейской дисциплины значительно снизят риск вмешательства армии в политическую жизнь страны.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар, вооруженные силы, мятежи, гражданская война, комзоны, военная реформа

THE ARMED FORCES OF COTE D'IVOIRE AND THEIR ROLE IN THE SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Lubov M. SADOVSKAYA, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (lubowsadowskaya@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the role of the armed forces in the socio-political development of Cote d'Ivoire. The research focuses on the legal status of the army, political processes concerning the relationship between the army and society, as well as pertinent issues of military reform. Particular attention is paid to the reasons for the continuing trend of lack of consolidation in its ranks

The author believes that the periods of the increasing role of the military in the political processes of Cote d'Ivoire, on the one hand, were marked by attempted coups, civil war and numerous rebellions, and, on the other, by the preservation of statehood by the national armed forces during the crisis situations that escalated at the beginning of the 21st century into a civil war, which almost led to the collapse of the country.

The article analyzes the processes of reintegration of former rebel combatants and the restoration of the Ivorian army after the military-political crisis and the coming to power of A.Ouattara. The main feature of the reform of the army, conducted by A.Ouattara, was, on the one hand, the appointment of zone commanders of the North to command posts, on the other - the dismissal from these positions of all officers from the South, supporters of L.Gbagbo, in contrast to the zone commanders, who had good military training.

The article draws attention to the fact that the absence to date of national reconciliation in the country at the political level has led to the Ivorian army becoming very politicized. And, as a consequence, military rebellions take place in the political life of the country.

The author concludes that the influence of the military on the socio-political processes in the country due to the continuing high risks of conflicts in Ivorian society will continue.

Keywords: Côte d'Ivoire, armed forces, insurgencies, civil war, zone commanders, reforms

Проведение очередных президентских выборов в Кот-д'Ивуаре намечено на октябрь 2020 г., хотя атмосфера в стране начала накаляться уже три года назад.

Алассан Уаттара, два срока (2010-2015; 2015-2020) занимающий пост президента, пока не сообщает о своем участии в них, но и не отрицает этой возможности. Поскольку неопровержимым остается факт, что ни один ивуарийский президент после Ф.Уфуэ-Буаньи (глава государства в 1960-1993 гг.) не приходил к власти без поддержки армии, вопрос о роли вооруженных сил в трансформации современного ивуарийского общества, особенно в электоральный и постэ-

лекторальный периоды, является важным и актуальным.

Вооруженные силы Кот-д'Ивуара оказывают большое влияние на внутриполитические процессы, хотя вмешательство в дела государственного управления не входит в компетенцию армии. По мнению российского ученого Г.И.Мирского, «превращение армии в силу, активно влияющую на внутреннюю жизнь, показывает, что в системах этих стран есть какой-то органический дефект, препятствующий их нормальному функционированию» [1, с. 12].

Ивуарийский исследователь Эсма Бен Саид убежден, что в основе политизированности ивуа-

рийской армии лежит «отсутствие национального примирения на политическом уровне» [2].

За 10 лет после военно-политического кризиса 2000-2010 гг. и смены Лорана Гбагбо Алассаном Уаттарой в стране была достигнута относительная политическая стабильность, нарушавшаяся, однако, военными мятежами в 2014 и 2017 гг.

Ивуарийское общество, как и армия, осталось расколотым на сторонников нынешнего президента и тех, кто сохраняет верность экс-главе государства Л.Гбагбо, который после семилетнего заключения в Гаагской тюрьме сейчас живет в Бельгии. После оправдательного приговора Международного уголовного суда (МУС), вынесенного ему в начале 2019 г., он ждет апелляционного решения, которое должно быть принято летом 2020 г., т.е. за несколько месяцев до президентских выборов. Сторонники Л.Гбагбо в Кот-д'Ивуаре надеются на его окончательное освобождение и на то, что он будет баллотироваться на пост президента.

Однако прокурор МУС Фату Бенсуда обжаловала решение, принятое в первой инстанции и касавшееся оправдательного приговора, и, если апелляционная палата встанет на ее сторону, процесс над Л.Гбагбо и его сподвижником Ш.Бле Гуде может быть продлен.

Январский и майский военные мятежи 2017 г. заметно дискредитировали ивуарийские вооруженные силы. Хилэр Мазу, доктор социологии университета г. Буаке, пишет, что «в Кот-д'Ивуаре нет национальной армии. Мы сегодня сидим на пороховой бочке с комзонами¹. Эта армия стала для нас опасной. Существуют даже латентные конфликты между армией и населением. Иногда люди боятся говорить, что кто-либо из их ближайших родственников служит в армии» [3].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ АРМИИ

После обретения независимости в 1960 г. в стране наблюдались многочисленные политические выступления ивуарийской армии. Так, 1 января 1963 г. был раскрыт заговор, направленный против президента Ф.Уфуэ-Буаньи. Среди арестованных оказалось 5 офицеров, в т.ч. капитан жандармерии; их обвинили в подготовке государственного переворота [1, с. 231].

События 1990-х гг. (смерть Ф.Уфуэ-Буаньи, экономические реформы, связанные со структурной перестройкой экономики, демократизация политической жизни) втянули в свою «орбиту» армию, постепенно разрушая ранее установленный в стране порядок. Внутри воинских частей начался процесс маргинализации отдельных племенных групп, усилилась напряженность из-за

доминирования в армии представителей народности бауле (этнической общности акан).

Ивуарийская армия разделилась на фракции; появились группы, члены которых объединялись на основе политической или этнической близости. Возникли теневые группировки («Комора», «Коза Ностра», «Красная бригада», «Камаджор» и др.), состоявшие, в основном, из унтер-офицеров. Самой одиозной фигурой среди них был Ибрагим Кулибали (по прозвищу ИБ), возглавлявший группировку «Коза Ностра» (убит в апреле 2011 г.). Он был одним из инициаторов военного переворота 1999 г. и попытки переворота 2002 г. [4].

Следует отметить, что теневые армейские группировки были самыми активными участниками государственного переворота 1999 г., осуществленного отставным генералом Роббером Геи, который появился на политической арене в самый разгар событий 23 декабря 1999 г. В тот день солдаты подняли бунт в военном лагере под Абиджаном, требуя выплаты вознаграждения за участие в миротворческой операции ООН в Центральноафриканской Республике, а также улучшения бытовых условий в казармах [5, с. 162].

Воспользовавшись бунтом, Р.Геи, представлявший, как и Ибрагим Кулибали, племя манде, объявил себя президентом страны вместо действовавшего главы государства Анри Конана Бедье (1993-1999). Геи распустил правительство, Национальное собрание, Конституционный и Верховный суды, приостановил действие Конституции². Военная верхушка, совершившая переворот, сразу же столкнулась со сложными внутриполитическими и экономическими проблемами.

Когда в 2000 г. Р.Геи проиграл инициированные им же самим президентские выборы одному из своих конкурентов - Л.Гбагбо, он попытался захватить власть, опираясь на полицию и клановую клиентелу. Но после того, как подразделение сил безопасности, подконтрольное Р.Геи, расстреляло демонстрантов, выступивших в защиту законно избранного президента Л.Гбагбо, массовые протесты приняли столь масштабный характер, что генерал вынужден был бежать в Бенин.

Приход к власти Л.Гбагбо не стабилизировал внутриполитическую обстановку. Концепция «ивуаризма», законодательно закрепленная в 1994 г. при непосредственной поддержке находившегося тогда у власти президента А.К.Бедье, использовалась и в политике, проводимой режимом Гбагбо. Как и его предшественники, он провел «чистку» в армии: из офицерского корпуса вытеснялись манде, доминировавшие во время правления Р.Геи. Одновременно он рекрутировал бете в полицию и жандармерию.

¹ Комзоны - бывшие командиры повстанцев в вооруженном движении «Новые силы», стремившемся свергнуть режим Л.Гбагбо во время гражданской войны 2002-2007 гг. (прим. авт.).

² Власть перешла к Национальному комитету общественного спасения, состоявшему из 9 членов - представителей всех родов вооруженных сил (*прим. авт.*).

В результате, в силовых структурах назрело недовольство, которое президент не был в состоянии погасить, т.к. не пользовался большой популярностью, монополизируя власть в интересах своего клана. Все это спровоцировало жесткое противостояние сторонников Ивуарийского народного фронта (ИНФ) во главе с Л.Гбагбо, опиравшегося на жандармерию, и Объединения республиканцев (ОР) под руководством А.Уаттары, которого поддерживали мятежники-северяне, в основном мусульмане, не пожелавшие, в отличие от южан-христиан, видеть Л.Гбагбо на посту президента.

По мнению ивуарийского исследователя Франсиса Акиндэ, «... приход к власти Л.Гбагбо означал новый этап в историческом развитии государства: переход от разрозненных мятежей к открытым вооруженным конфликтам» [6, р. 25], переросшим в гражданскую войну.

Спустя месяц после избрания Л.Гбагбо ивуарийская газета «Патриот» опубликовала карту Кот-д'Ивуара, разделенную надвое. Это отражало действительное положение дел: северная часть страны встала на путь отделения; оттуда начали изгонять государственных чиновников, главным образом христиан, под тем предлогом, что если А.Уаттара не считается по Конституции ивуарийцем, то и северные провинции больше не принадлежат Кот-д'Ивуару, они - независимы [7].

ОДНА СТРАНА, ДВЕ АРМИИ

Используя недовольство «северян», Р.Геи предпринял попытку нового военного переворота, который был подавлен 19 сентября 2002 г.; сам генерал был убит. Одновременно вооруженные выступления против Л.Гбагбо произошли и на севере страны: в Буаке и Корого.

Восставшим, которые позже назовут себя «Новыми силами», удалось захватить оба города, а затем и всю северную часть Кот-д'Ивуара, таким образом «разрезав» страну на две географические зоны: юг, удерживавшийся Национальными вооруженными силами Кот-д'Ивуара (FANCI), получившими во время гражданской войны название «Силы обороны и безопасности» - FDS (Forces de défense et de sécutité), и север, находившийся под контролем «Новых сил» (Forces Nouvelles, FAFN) под руководством Гийома Соро.

После неудавшегося военного переворота многие сторонники генерала Р.Геи переправились в Буркина Фасо. Среди укрывшихся там были такие известные фигуры, как Гассау Коне (он же Ян Гао) и близкий Р.Геи Коне Мессамба (Мору Уаттара).

Буркинийский президент Блэз Компаоре позволил им и их сторонникам тренироваться в лагере Фаракого, где они готовились к свержению Л.Гбагбо. В 2002 г. члены этой группы вместе с Г.Соро сформировали основу вооруженного движения «Новые силы», которое, не без помощи жителей северных районов, в основном мусуль-

ман, завладело 60% территории страны. Они поделили ее на зоны, руководить которыми стали комзоны - Шериф Усман (по прозвищу «Папа Гепард»), Уаттара Иссиака («Ваттао»), Лоссени Фофана («Потерей»), Абудраман Траоре («Драман Туба») и др. [8, рр. 33-34]. На подконтрольной им территории они поощряли своих подчиненных заниматься рэкетом, грабежами, поборами с населения.

На стороне «Новых сил» воевали еще и члены братства традиционных охотников - «Дозо» (*Dozo*), возникшее еще в XIII в. на территории Мали.

Еще задолго до обретения страной независимости дозосы проникли в северные районы Кот-д'Ивуара со своим «моральным кодексом» и обрядами инициации, проводившимися перед обучением новых членов искусству охоты. С давних времен им как охотникам было разрешено иметь при себе оружие [9].

В 1980-е - 1990-е гг. *дозосы* постепенно проникли и в южные районы страны; с 1995 г. они выполняли обязанности по обеспечению безопасности мест своего проживания. Во время гражданской войны вместе с мятежниками из «Новых сил» они сражались против режима Гбагбо. Это привело к милитаризации братства «Дозо». К 2012 г. их насчитывалось около 50 тыс.

Дозосы внушали страх местному населению из-за их, как предполагалось, мистической способности безнаказанно совершать разного рода злоупотребления и даже преступления. А их участие в разрешении земельных споров довольно часто приводило к эскалации насилия. Лишь в 2012 г. дозосам было запрещено выполнять функции по обеспечению безопасности [10].

Хотя большинство членов братства согласились вернуться «к мирной жизни», они остаются «закрытой» структурой. Не исключено, что ∂ озосы могут взяться за оружие в случае всплеска насилия [10].

РЕФОРМЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Окончание гражданской войны, длившейся 5 лет, до момента подписания в 2007 г. при поддержке мирового сообщества Уагадугского соглашения, положило начало интеграции армий Севера и Юга страны: Сил обороны и безопасности, лояльных Л.Гбагбо, и «Новых сил», выступавших за его свержение.

В апреле 2008 г. была принята Национальная программа реинтеграции и социальной реабилитации бывших боевиков. По условиям соглашения, для комбатантов-северян, насчитывавших в то время почти 33 тыс., предусматривалась квота при их интеграции в регулярную армию. Она составляла 8,4 тыс., из которых 5 тыс. должны были влиться в национальную армию, остальные в жандармерию, полицию, таможню и другие связанные с ними структуры [11, р. 161].

В ожидании президентских выборов, которые неоднократно откладывались, этот процесс затягивался. Фактически ивуарийская армия была восстановлена лишь в 2011 г. после завершения военно-политического кризиса и прихода к власти А.Уаттары. Следует отметить, что на службе в регулярной армии бывшие комбатанты числились с 2008 г., но из-за неразберихи в вооруженных силах в период с 2008 по 2011 гг. многим из них не выплачивалось жалование. Все это время они жили за счет рэкета и грабежа.

В 2011 г. ивуарийская армия представляла собой «пеструю» коалицию. Она насчитывала 60 тыс. военнослужащих: 50 тыс. - из «Сил обороны и безопасности» (включая 15 тыс. военных трех видов войск: сухопутных, воздушных и морских, а также 18 тыс. жандармов и 17 тыс. полицейских) и 10 тыс. - из «Новых сил» (включая 500 бывших дезертиров из Национальных сил и 9,5 тыс. комбатантов, воевавших на Севере страны) [14]. По распоряжению А.Уаттары было изменено название вооруженных сил, которые стали Республиканскими силами Кот-д'Ивуара (Les forces républicaines de Côte d'Ivoire, FRCI). В их состав вошли бывшие «Силы обороны и безопасности» и «Новые силы».

Главной особенностью реформирования армии, проводимого А.Уаттарой с первых дней его пребывания на высшем государственном посту, было, с одной стороны, назначение комзонов-северян на командные должности, с другой - увольнение всех офицеров-южан - сторонников Л.Гбагбо, имевших хорошую, в отличие от комзонов, военную подготовку и обучавшихся в Европе и Америке [13]. При А.Уаттаре комзоны стали опорой ивуарийской армии.

В связи с этим ивуарийский исследователь Мусса Фофана обращает внимание на то, что внутри армии³ не было примирения, ибо приоритет отдавался бывшим повстанцам из «Новых сил». В результате, пропасть между ними и бывшими лоялистами с Юга постоянно расширялась. Солдаты, делавшие карьеру при режиме Л.Гбагбо, находились в невыгодном положении по сравнению с бывшими повстанцами, присягнувшими А.Уаттаре [13].

Реформа 2011 г. коснулась не только полной смены прежнего командного состава ивуарийских вооруженных сил, но и сокращения общего количества военнослужащих: 60-тысячная армия могла стать непосильным финансовым бременем для государства.

8 мая 2011 г. стартовала операция по идентификации всех военнослужащих Республиканских сил. Ее целью была оценка количества военных, которые должны будут находиться в казармах, и тех, кто попадает под действие программы реинтеграции и социальной реабилитации. К концу

2012 г. Республиканская армия должна была насчитывать 40 тыс. военных и 15 тыс. жандармов. Согласно программе, при сокращении должны были соблюдаться этническое «равновесие», а также квота как для военнослужащих из экс-«Сил обороны и безопасности», так и для экс-«Новых сил» [12].

Процесс разоружения, демобилизации и реинтеграции проводился с 2012 по 2015 гг. на добровольной основе. Согласившиеся покинуть ивуарийскую армию должны были сдать оружие. Для них были созданы лагеря ресоциализации для будущей интеграции в гражданскую жизнь. Бывшие солдаты получали небольшую финансовую помощь.

В начале 2015 г. этот процесс застопорился, главным образом из-за действий бывших комзонов, которые еще в 2013 г. благодаря А.Уаттаре получили звания подполковников. Чтобы обезопасить себя, они старались контролировать большую часть бывших мятежников, составляющих одну треть солдат ивуарийской армии. Но военно-политический кризис, охвативший страну в январе и в мае 2017 г., главными участниками которого стали прежние комбатанты, недовольные своим положением, заставил А.Уаттару пересмотреть отношение к некоторым бывшим комзонам, считавшимся «неприкасаемыми».

В настоящее время дела четверых из них находятся на рассмотрении ивуарийской юстиции. Они подозреваются в убийствах, совершенных в 2010-2011 гг. В частности, у правоохранительных органов Кот-д'Ивуара имеются сведения о роли комзона Лоссени Фофана в убийстве, по меньшей мере, 800 человек в марте 2011 г. в г. Дюекуе, на западе страны. Вместе с ним подозреваются его бывшие помощники Эдди Мэнди и Абудраман Траоре. У ивуарийских юристов есть основания предполагать, что подполковник Ваттао повинен в совершении преступлений в Кумасси, а Усман Шериф и Закария Коне - в Йопугоне [8].

Несмотря на данное А.Уаттарой обещание не начинать судебный процесс против тех, кто в 2016 г. начал препятствовать его приходу к власти, угроза судебного процесса висит над каждым из бывших комзонов. Некоторые из них занимают высокие посты в современной ивуарийской армии⁴. Если власти нужно будет от них избавиться, их сразу же попытаются изолировать. А.Уаттара не упускает случая им об этом напомнить.

Многие бывшие комзоны - состоятельные люди. Например, Мартин Фофье - владелец нескольких отелей («Belambra», «Thimbola», «Biato») - подозревается в «отмывании» денег, полученных от продажи золота, добытого в северных районах страны. Часть командиров из «Новых сил» обогатилась за счет разграбления природных ресурсов.

³ С июня 2016 г. - Вооруженные силы Кот-д'Ивуара (*прим. авт.*).

⁴ Это - Шериф Усман, Иссиана Уаттару, Лоссений Фофана, Гассау Коне и др. (*прим. авт.*).

После прихода к власти А.Уаттары они поспешили инвестировать свои капиталы в недвижимость, а иногда и в более, с их точки зрения, «привлекательное» дело. Так, Шериф Усман вложил деньги в хлопковую мануфактуру, которая, кстати, спустя некоторое время обанкротилась. Мору Уаттара инвестировал свои капиталы в скотоводство и владеет сотнями волов в регионе Буна [8].

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ ПЕРЕД ПРЕЗИДЕНТСКИМИ ВЫБОРАМИ 2020 г.

После военно-политического кризиса 2017 г., который отчетливо показал отсутствие консолидации и незавершенность процесса реформирования ивуарийской армии, президент А.Уаттара начал усиливать контроль над вооруженными силами.

К этому подталкивают и действия его бывшего сподвижника, в свое время лидера «Новых сил» Г.Соро, занимавшего до 2018 г. пост спикера Национальной ассамблеи (парламента) и открыто заявлявшего о своем намерении вступить в борьбу за президентское кресло.

Отметим, что Г.Соро по-прежнему пользуется большим авторитетом среди военных. Для многих в Кот-д'Ивуаре возникал резонный вопрос: не стоит ли за военными мятежами 2017 г. «тень» Г.Соро [14]? Не подтолкнет ли он военных восстать против режима А.Уаттары, если тот будет выдвигать свою кандидатуру на третий срок? Не спровоцирует ли он, имея президентские амбиции, военно-политический кризис в период и после окончания избирательной кампании 2020 г.?

Предостережением развития такого рода сценария является высказывание одного из бывших ивуарийских повстанцев, опубликованное абиджанской газетой «Libération» после январского мятежа 2017 г. По его мнению, большая часть бывших мятежников из «Новых сил», сражавшихся за А.Уаттару в 2000-х гг., чувствуют себя отстраненными от «новой» жизни, в которой меньшинство воспользовалось победой нынешнего президента над Л.Гбагбо, и это в то время, когда основная масса тех, кто рисковал своей жизнью, доведена до нищеты [15].

Учитывая влияние, которое оказывали ивуарийские военные на ход политических событий на протяжении всей истории независимого Кот-д'Ивуара, в марте 2019 г., т.е. менее чем за год до начала избирательной кампании, А.Уаттара осуществил значительные перестановки в руководстве вооруженных сил.

Бывшие *комзоны*, ранее считавшиеся «неприкасаемыми», такие как Шериф Усман и Иссиака Уаттара (он же Ваттао)⁵, были переведены на должности заместителей начальника штаба армии и назначены командирами подразделений, прикрепленных к Генеральному штабу вооружен-

ных сил. До этого Шериф Усман командовал 1-м батальоном десантников (элитой вооруженных сил); Иссиака Уаттара возглавлял Республиканскую гвардию, состоявшую из 3 тыс. бойцов, отвечавших за безопасность учреждений и высокопоставленных чиновников. Полковник Лоссени Фофана, более 15 лет командовавший Западным фронтом, назначен командующим батальоном в Буаке [16].

По мнению ивуарийского специалиста по военным вопросам Артура Банга, «должности, которые получили в руководящем составе армии бывшие комзоны, - менее влиятельные, чем те, которые они имели ранее. Результат: существенное ослабление их позиций в вооруженных силах» [17].

Тем не менее, президент, отстраняя одних бывших комзонов, в то же время приближает к себе других. В декабре 2018 г. бывший командующий спецназом Лассина Думбия сменил генерала Секу Туре, отправленного на пенсию, на посту начальника Генерального штаба вооруженных сил [18]. Считалось, что С.Туре тормозил реформу армии. В марте 2019 г. командующим спецназом по охране президента назначен брат премьер-министра страны Ибрагим Гон Кулибали. Произошла смена руководства и в Национальной жандармерии. Вместо генерала Николаса Куаку, замеченного в поддержке оппозиционного президенту лагеря А.К.Бедье, главнокомандующим был поставлен генерал Александр Апало Туре. Назначение Вагондо Диаманде, преданного А.Уаттаре более 30 лет, на пост министра безопасности рассматривается как желание президента ослабить влияние министра внутренних дел Х.Бакайоко на силовые структуры [19, р. 32].

Эксперты полагают, что президент хочет иметь в командовании вооруженными силами преданных ему людей, которым он доверяет и которые, «получив высокие должности, будут обязаны нынешнему режиму» [17].

В то же время новая реформа армии, начатая в 2017 г. и предусматривавшая сокращение к 2020 г. 4 тыс. военнослужащих, может повлиять на ослабление позиций бывших комзонов. Сегодня каждый из них располагает 150-ю солдатами бывшими комбатантами, готовыми умереть за своего командира [4]. Но с 2019 г. военная карьера может выстраиваться лишь по контракту, который заключается с каждым солдатом на 5 лет и возобновляется лишь три раза [12].

Новые требования, предъявляемые к набору в вооруженные силы с середины 2019 г., должны привести к сокращению бывших комбатантов, имеющих плохую военную подготовку. Набор в армию 1 тыс. человек, объявленный 16 июля 2019 г., осуществляется на тех же условиях, что и набор в спецназ. В частности, все новобранцы должны быть ивуарийской национальности в возрасте от 18 до 23 лет, иметь рост не ниже 170 см,

⁵ В январе 2020 г. скончался в Нью-Йорке.

обладать физическим здоровьем. В отличие от бывших ополченцев, они должны иметь образование в объеме 4 классов. И что еще не менее важно - не иметь судимости.

В преддверии президентских выборов 2020 г. в Кот-д'Ивуаре происходят не только перестановки в командном составе, связанные с усилением контроля над армией, но и ее перевооружение: закупки военной техники, новейшего оружия и обмундирования для личного состава. Производится капитальный ремонт казарм [20].

18 октября 2019 г. в столице Ямусукро открылась военная школа. Цель ее создания - подготовка для ивуарийской армии офицеров, способных выполнять свой долг на высоком уровне [21].

Укреплению позиций ивуарийской армии способствует расширение давнего партнерства Кот-д'Ивуара с Францией. В Порт-Буэт (Абиджан) располагается вторая (после Джибути) по масштабам французская военная база в Африке. Она представляет собой логистический центр в рамках операции «Баркан» по борьбе с джихадистскими группировками в зоне Сахеля. Кон-

тингент из 900 военнослужащих, которые там размещены с 2015 г., называется Французскими силами в Кот-д'Ивуаре.

В рамках сотрудничества по борьбе с терроризмом и по обеспечению стабильности в регионе во время визита в Кот-д'Ивуар в конце 2019 г. президента Франции главы двух стран договорились об ускорении сроков открытия в Жаквилле (в 50 км от Абиджана) Международной антитеррористической академии [22].

* * *

Главной угрозой политической стабильности Кот-д'Ивуара, как это ни парадоксально, остается проведение президентских выборов, из-за которых страна неоднократно оказывалась в зоне турбулентности. Отсутствие национального примирения на политическом уровне приводило к вмешательству армии во внутренние дела. Между тем, реформа вооруженных сил, которую осуществляет правительство страны, должна ослабить влияние армии на политическое развитие Кот-д'Ивуара.

Список литературы / References

- 1. Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., Наука, 1970. (Mirskiy G. 1970. Army and policy in Asian and African countries) (In Russ.)
- 2. Esma Ben Saïd. Côte d'Ivoire: De quoi souffre l'armée ivoirienne? http://aa.com.tr/fr/afrique/côte-d-ivoire-de-quoi-souffre-l-armée-ivoirienne-/1035513 (accessed 01.09.2019)
- 3. Pierre Pinto. Côte d'Ivoire: une armee hétéroclite qui suscite la défiance dans le pays. https://www.rfi.fr/afrique/20170520-cote-ivoire-une-armee-heteroclite-suscite-defiance-le-pays (accessed 07.10.2019)
- 4. Fofana M. Informalité et hybridité au sein des forces de défense de Côte d'Ivoire. https://idi-bnc-idrc.dspacedirect.org/bitstream/handie/10625/56893.pdf (accessed 19.09.2019)
 - 5. Токарева З.И. Кот-д'Ивуар. Справочник. М., 2006. (Tokareva Z.I. 2006. Côte d'Ivoire. Reference Book. М.) (In Russ.)
 - 6. Frontière de la citoyennété et violence politique en Côte d'Ivoire. Dakar, 2008.
 - 7. Le Patriote. Abidjan. 4 décembre 2000.
 - 8. Anna-Sylvestre Treiner. Rebelles un jour... Jeune Afrique. № 3002 du 22 au 28 juillet 2018.
 - 9. Jean-Pierre Dozon. Les clef de la crise ivoirienne. Paris, 2011.
- 10. Seybah Dagoma. Rapport d'information déposé par la Commission des affaires étrangères en conclusion des travaux d'une mission d'information constituée le 27 avril 2016 sur la Côte d'Ivoire. https://www.assemblee-nationale.fr/documents/notice/14/rap-info/(index)/rapports-information (accessed 10.10.2019)
- 11. Fofana M. Des Forces Nouvelles aux Forces Républicaines de Côte d'Ivoire. Comment une rébellion devient républicaine? Politique Africaine. Abidjan. № 122, juin 2011.
- 12. L'armé ivoirienne depuis 2017. https://ofpra.gouv.fr/sites/default/files/atoms/files/18_civ_structure_armee.pdf (accessed 11.11.2019)
- 13. Manifestations des militaries en Côte d'Ivoire. https://www.le-monde.fr/afrique/article/2014/11/18//tensions-en-cote-d-ivoire-la-suite-de-manifestations-de-militaires 45255... (accessed 01.12.2019)
- 14. Подробнее см.: Садовская Л.М. Кот-д'Ивуар: кризис власти или проблема политического лидерства. Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 33. (Sadovskaya L.M. 2017. The Power crisis or the problem of political Leadership in Côte d'Ivoire. Asia and Africa today. № 9) (In Russ.)
 - 15. Libération. Abidjan. 19 janvier 2017.
- 16. Baudelaire Mieu. Côte d'Ivoir: des ex-chefs de la rébellion nommés au sein des forces armées. https://www.jeuneafrique.com/746213/politique/cote-divoire-des-ex-chefs-de-la-rebellion-nommes-au-sein-des-forces-armee/ (accessed 10.10.2019)
- 17. Macdougall J. Côte d'Ivoire: remaniement à la tîte des forces de défense et de sécurité. https://rfi.fr/afrique/20181228-cote-ivoire-remaniement-forces-defense-securite-sekou-toure-doumbia (accessed 02.10.2019)
- 18. Duhem V. Côte d'Ivoire: Lassina Dumbia, le général qui met l'armée au pas. https://jeuneafrique.com/mag/755883/politique/cote-divoir-lassina-doumbia-le-general-qui-met-larmee-au-pas (accessed 04.11.2019)
 - 19. Anna-Sylvestre Treiner. Sékou Toure peut-il réformer l'armée? Jeune Afrique. № 2978 du 4 au 10 février 2018.
- 20. Zimin N. Côte d'Ivoire: Alassane Ouattare réorganise l'armée. Après l'achat d'armes. https://afrique-sur7.fr/418553-cote-divoire-alassane-ouattara-armee-achat-darm (accessed 02.11.2019)
- 21. Jamoussoukro: La Côte d'Ivoire a ouvert sa première école de guerre à Zambakro. https://news.abidjan.net/h|664844 (accessed 02.11.2019)
- 22. Bensimon C., Faye O. Emmanuel Macron en visite en Côte d'Ivoire, "partenaire fondamental" pour stabilité au Sahel. Le Monde. P. 20.12.2019.

ЭКОВАС И ВВЕДЕНИЕ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2020 A. ЖАМБИКОВ

DOI: 10.31857/S032150750008721-5

ЖАМБИКОВ Александр Мунирович, соискатель Института Африки PAH (alexanderzhambikov@gmail.com)

Резюме. В статье рассматривается проект создания общей валюты ЭКОВАС, его предпосылки, текущее состояние, проблемы и перспективы. Отмечается, что идея валютной интеграции обсуждается в Сообществе на протяжении более чем 30 лет, однако так и не была реализована. При этом внутри ЭКОВАС уже имеется экономический и валютный союз -ЮЭМОА со своей собственной валютой - франком КФА. Анализируется ситуация с реформой франка КФА, его переименованием в эко и позиций различных стран ЭКОВАС по этому вопросу. Особое внимание уделяется влиянию политической составляющей на валютную интеграцию.

Ключевые слова: ЭКОВАС, ЮЭМОА, франк КФА, эко, валютный союз

ECOWAS AND INTRODUCTION OF SINGLE CURRENCY IN WEST AFRICA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Alexander M. ZHAMBIKOV, External Fellow of Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (alexanderzhambikov@gmail.com)

Abstract. The article describes the project of introducing single currency in the ECOWAS, its reasons, current situation, problems and prospects. The description outlines that although the idea of monetary integration has been discussed by the Community for more than 30 years, it has not yet been put in practice. Within the ECOWAS, there is already one common currency (franc CFA) created by France in 1945 and used by eight member states of West African Economic and Monetary Union (UEMOA) until now. The analysis includes various aspects of monetary reform of franc CFA, changing its name to eco and positions of different ECOWAS countries towards the ongoing transformation. Supported by France, the UEMOA has announced its intention to replace the unpopular "franc CFA" by "eco" that is already designed for a future ECOWAS single currency. As a guarantor, France waived some of its old requirements for common currency users, but is still ready to assist the UEMOA in case of crisis. The fixation of eco rate to euro is planned to be maintained. The most outstanding contradiction of ECOWAS and UEMOA projects is whether the rate of eco should be flexible and independent from any currency or fixed to euro (as franc CFA at the moment). Special attention is paid to political component of the transformation and possible scenarios for future. The conclusion is that adoption of ECOWAS single currency in the near future is unlikely. Moreover, even in case of success the project will not be a panacea for socio-economic problems of the Community.

Keywords: ECOWAS, UEMOA, franc CFA, eco, monetary union

Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС) - интеграционное объединение, созданное в 1975 г., в состав которого входят 15 стран (Бенин, Буркина Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того). На территории государств-членов ЭКОВАС в настоящее время проживает более 385 млн человек, а совокупный номинальный ВВП объединения составляет \$616,7 млрд [1].

На сегодняшний день Сообщество достигло определенных успехов в вопросах экономической интеграции. В январе 2006 г. был принят общий таможенный тариф, а в декабре 2017 г. - таможенный кодекс ЭКОВАС, что означает превращение организации в полноценный таможенный союз [2]. Уже более 40 лет на основании Протокола о свободном перемещении лиц функционирует безвизовый режим для граждан государств-членов ЭКОВАС [3]. В рамках Сообщества осуществляются трансграничные проекты по модернизации транспортной инфраструктуры для облег-

чения перевозки товаров. С учетом достигнутых результатов главы государств объединения неизменно заявляют о необходимости продолжения интеграционных процессов в различных отраслях.

ЗАЧЕМ ЭКОВАС ЕДИНАЯ ВАЛЮТА?

С точки зрения углубления интеграции целесообразным шагом представляется введение единой валюты Сообщества, что могло бы обеспечить ряд преимуществ для государств-членов.

Во-первых, наличие единого валютного пространства позволило бы существенно сократить транзакционные издержки и способствовать развитию торговли между странами-членами (по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), доля внутрирегиональной торговли ЭКОВАС составляет всего 10,7%) [4, р. 5].

Во-вторых, общая валюта могла бы обеспечить большую стабильность курса и быть менее подверженной конъюнктурным колебаниям, чем отдельные национальные валюты, что способство-

вало бы снижению инфляции в ряде западноафриканских стран.

В-третьих, единое валютное пространство могло бы существенно повысить инвестиционную привлекательность всех государств-членов ЭКО-ВАС, т.к. облегчит предпринимательскую и торговую деятельность на территории всего региона.

Однако введение общей региональной валюты предполагает отказ от национальных денежных единиц и таким образом лишает правительства важного рычага экономического регулирования. Более того, польза от создания единой валюты, скорее всего, будет распределяться неравномерно. Если одни страны выиграют от установления общей региональной валюты, то другие проиграют. Как отмечают эксперты института Брукингса (США), наибольшую выгоду от единой валюты получила бы Нигерия, умеренную - Кот-д'Ивуар, а Гамбия понесла бы потери [5]. Таким образом, наиболее заинтересованы в общей валюте крупные и сильные в экономическом отношении государства в отличие от малых, менее благополучных стран, которые могут серьезно пострадать от подобных нововведений.

ФРАНК КФА И ДРУГИЕ ВАЛЮТЫ ЭКОВАС

На территории Сообщества уже имеется единая валюта - франк КФА. Она была создана в 1945 г. в рамках бреттон-вудских соглашений и получила название «франк французских колоний Африки» (franc des Colonies Françaises d'Afrique). После **обретения** независимости франкоязычными африканскими странами франк КФА был разделен на две разные валюты с одинаковой аббревиатурой - «франк Африканского финансового сообщества» (franc de la Communauté Financière Africaine) как единая валюта Западноафриканского экономического и валютного союза (IO3MOA - Union Economique et Monétaire Ouest Africaine, в состав которого входят Бенин, Буркина Фасо, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал и Того), и «франк финансового сотрудничества в Центральной Африке» (franc de la Coopération Financière en Afrique Centrale) - для Экономического и валютного союза государств Центральной Африки (CEMAK - Communauté *Economique et Monétaire de l'Afrique Centrale* (Габон, Камерун, Конго (Браззавиль), Чад, ЦАР, Экваториальная Гвинея).

Курс обеих упомянутых валют был жестко «привязан» к французскому франку, затем - к евро [6]. Эмиссию западноафриканского франка КФА и координацию валютной политики стран-членов осуществляет Центральный банк государств Западной Африки (штаб-квартира в Дакаре, столице Сенегала). Для использования франка КФА государства обязаны хранить одну половину своих внешних валютных резервов в Казначействе Франции, а другую - в Центральном банке государств Западной Африки (или Центральной Африки - в зависимости от принад-

лежности страны) в качестве гарантии обеспечения стабильности курса.

По мнению некоторых экспертов, таким образом обеспечивалась политическая зависимость стран зоны франка КФА от Парижа. Инфляция в странах, использующих эту валюту, остается на довольно низком уровне и не превышает 3% (по данным Всемирного банка, в Бенине - 1%, в Буркина Фасо - 1,9%, в Гвинее-Бисау - 1,4%, в Котд'Ивуаре - 0,4%, в Мали - 1,8%, в Нигере - 3%, в Сенегале - 0,5%, в Того - 0,9%) [7]. Подобная ситуация объясняется как наличием единого валютного пространства, так и привязкой региональной валюты к более сильной мировой валюте - евро.

Кроме франка КФА, в Западной Африке используются 7 национальных валют: гамбийский даласи, ганский седи, гвинейский франк, кабовердианский эшкуду, либерийский доллар, нигерийская найра и съерралеонский леоне.

Характерно, что уровень инфляции в государствах, эмитирующих собственные валюты, существенно выше, чем в странах «зоны франка КФА» (Гамбия - 6,5%, Гана - 9,8%, Гвинея - 9,8%, Кабо-Верде - 1,3%, Либерия - 23,6%, Нигерия - 12,1%, Сьерра-Леоне - 16,0%) [7]. Высокая инфляция (более 10%) негативно сказывается на благосостоянии населения и на инвестиционной привлекательности стран. Именно поэтому идея введения обшей валюты Сообшества получает поддержку. в т.ч. и на государственном уровне в англоязычных странах ЭКОВАС, прежде всего в Нигерии, на долю которой приходится более половины населения Сообщества. Проект по введению единой региональной валюты не только соответствовал бы политическим амбициям Абуджи, но и способствовал бы проникновению нигерийского бизнеса в соседние страны.

ЭКО КАК ПРОЕКТ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ ЭКОВАС

Переговоры о создании единой валюты Сообщества ведутся уже более 30 лет [8], однако на государственном уровне этот проект впервые нашел отражение в декабре 1999 г. в итоговом коммюнике встречи глав государств и правительств Сообщества в Ломе (Того). На том же саммите ЭКОВАС были установлены единые критерии конвергенции, которым должны были соответствовать страны-члены. В частности, речь идет о целевом уровне инфляции в 5% и валютных запасах, совокупная стоимость которых должна превышать объем импорта за 6 месяцев [9, р. 7].

В качестве целевого срока для достижения критериев конвергенции был первоначально утвержден 2003 г., а введение единой валюты было запланировано на 2004 г. Для достижения этой цели в январе 2001 г. под эгидой ЭКОВАС был создан Западноафриканский валютный институт/ЗВС (штаб-квартира в Аккре, столице Ганы) [10]. Было объявлено о создании Западноафриканской валютной зоны, в состав которой вошли Гамбия, Гана, Гвинея, Нигерия и Сьерра-Леоне (в 2010 г.

к «пятерке» присоединилась Либерия) [11]. В формате ЗВС осуществляется координация монетарной политики стран-членов, в частности, соблюдение ими критериев конвергенции для введения единой валюты. В конечном итоге, предусматривались слияние ЗВС с ЮЭМОА и формирование единой валютной зоны ЭКОВАС.

Однако создание единой валюты неоднократно откладывалось (в 2005, в 2010 и в 2014 гг.) в связи со срывом в достижении государствами-членами Сообщества установленных плановых показателей (которые впоследствии несколько раз менялись и дополнялись) и разногласиями между ними. Страны зоны франка КФА, обладающие собственной стабильной общей валютой, в целом, не были заинтересованы в изменении текущего положения дел. Франк КФА сохранял устойчивость на протяжении нескольких десятилетий и даже смог расширить зону своего обращения (в 1997 г. валюту начала использовать бывшая португальская колония Гвинея-Бисау [12], отказавшись от своей национальной валюты - neco).

ОТ ФРАНКА КФА К *ЭКО*: ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ИЛИ СОЗДАНИЕ НОВОЙ ВАЛЮТЫ?

В 2019 г. вопрос введения общерегиональной валюты ЭКОВАС вновь оказался в фокусе внимания. На заседании глав государств и правительств Сообщества в июне 2019 г. в Абудже было официально утверждено название единой валюты - эко как производное от первых трех букв аббревиатуры «ЭКОВАС». Ранее данное наименование широко тиражировалось в научно-публицистической сфере и прочно укоренилось в сознании жителей западноафриканского региона. Кроме того, на саммите также было зафиксировано, что эко будет иметь плавающий валютный курс [13, р. 3].

В ноябре 2019 г. президент Бенина Патрис Талон в интервью *Radio France Internationale* сообщил о намерении вывести валютные резервы страны из Франции, тем самым нарушив условия использования франка КФА и сделав шаг к выходу страны из зоны упомянутой общей валюты [14].

Это заявление прозвучало на фоне готовящейся реформы франка КФА, о которой было объявлено министром финансов Франции Брюно Ле Мэром в октябре 2019 г. [15]. Стоит отметить, что идея отказа от франка КФА имеет многочисленных сторонников в Западной Африке, которые считают эту валюту «пережитком колониализма», инструментом влияния Парижа и тормозом в развитии экономики в использующих ее странах. В сентябре 2017 г. демонстрации противников франка КФА проходили в Бамако, Дакаре и Котону [16].

Важной вехой в судьбе франка КФА стало 21 декабря 2019 г., когда президент Франции Эммануэль Макрон и президент Кот-д'Ивуара Алассан Уаттара в Абиджане сделали совместное заявление о готовящейся замене франка КФА на эко.

В Париже готовы отказаться от прежнего требования о хранении 50% резервов в Казначействе Франции, однако при этом соглашаются сохранить «привязку» курса франка КФА к евро и продолжать выступать в роли «гаранта» в случае валютного кризиса эко [17]. Осуществление реформы франка КФА запланировано на июль 2020 г. [18].

Фактически, изменения сводятся к переименованию франка КФА в эко и отмене ряда устаревших требований, накладывающих определенные ограничения на суверенитет стран-членов ЮЭ-МОА. Таким политическим маневром франкофонные страны во главе с Кот-д'Ивуаром (при поддержке Франции) перехватили инициативу по валютной интеграции в ЭКОВАС у Нигерии и других стран ЗВС. Со всей очевидностью проявилось противоречие в концепциях единой валюты, т.к. на саммите ЭКОВАС в Абудже в июне 2019 г. было принято решение о плавающем курсе эко, в то время как при переименовании франка КФА «привязку» курса к евро планируется сохранить.

Первой о своей позиции по замене франка КФА на эко заявила Гана - вторая по населению и ВВП страна западноафриканского региона. В Аккре горячо приветствовали идею и заявили о готовности к переходу на новую валюту, поскольку это позволит устранить торговые и валютные барьеры, уменьшить транзакционные издержки, стимулировать экономическую активность и повысить уровень жизни населения [19]. Впрочем, правительство Ганы в своем коммюнике сделало важную оговорку, что придерживается общей позиции ЭКОВАС, в т.ч. по гибкому обменному курсу новой валюты (т.е. против «привязки» к евро) [20].

В начале января 2020 г. правительство Нигерии выразило свое мнение, изложив 5 обязательных условий для принятия эко, включая полный отказ от размещения какой-либо части своих валютных резервов в Казначействе Франции и от «привязки» курса эко к евро или доллару США [21].

Как представляется, отношение к проекту франкоговорящих государств в Нигерии варьируется от недоверия и скепсиса до полного неприятия. Нигерийский политик Джихин Ибрахим отмечает, что на 8 стран зоны франка КФА приходятся только 21% ВВП и 32% населения ЭКОВАС, в то время как доля Нигерии в ВВП и в населении Сообщества составляет 66% и 55%, соответственно. Поэтому Нигерия в одиночку могла бы играть роль лидера в создании эко [22]. Совершенно очевидно, что переговоры по данному вопросу будут продолжены.

ЭКО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СООБЩЕСТВЕ

На практике это означает, что Нигерия отказывается от присоединения к эко при нынешних об-

стоятельствах. Вместе с тем, Абуджа вряд ли способна воспрепятствовать запуску проекта «эко» на базе ЮЭМОА.

С учетом текущей ситуации можно прийти к заключению, что на данный момент страны зоны франка КФА «берут верх» в деле интеграции, «перехватив» название планируемой единой валюты Сообщества. Теперь многое зависит от готовности других стран Сообщества присоединиться к «зоне эко» с сохранением существующих правил игры, в первую очередь, «привязки» к евро. Если на подобный шаг пойдет Гана - вторая экономика ЭКОВАС, то позиции «франкофонов» существенно усилятся.

Характерно, что позиции англоговорящих Ганы и Нигерии по вопросу перехода на эко разошлись. Вполне возможно, что определенную роль в этом сыграл субъективный фактор. Нынешний президент Ганы Нана Акуфо-Аддо провел несколько лет своей молодости во Франции и свободно владеет французским языком. В июле 2019 г. он посетил Францию и встретился с президентом Эммануэлем Макроном [23]. Не стоило бы исключать варианта, что в Аккре планируют диверсифицировать свои связи, в т.ч. и в сфере экономики, и рассчитывают получить весомые выгоды от сотрудничества с Парижем, который традиционно ведет активную политику в Африке южнее Сахары и готов к существенным инвестициям в страны региона и расширению сфер влияния

В конце концов, Гана с населением в 30 млн человек не обладает таким емким внутренним рынком, как Нигерия (более 200 млн), и более зависима от связей с соседними странами. Рассматривая свою страну как «витрину демократии» в Западной Африке, ганцы рассчитывают на привлечение иностранных инвестиций за счет ее превращения в «плацдарм» для зарубежных компаний, который те могут использовать для проникновения в страны региона. Введение в Гане эко могло бы способствовать достижению этой цели.

Тем не менее, ситуация не настолько однозначна. Действия Парижа и Абиджана могут, напротив, подстегнуть «англофонов» к ускорению работы над созданием собственного «эко» со своими правилами, что, в свою очередь, привело бы к существованию на территории одного Сообщества двух конкурирующих валют. Впрочем, подобный сценарий развития событий кажется маловероятным, ведь идея создания эко на базе англофонных государств Западной Африки так и не была реализована в течение 20 лет.

Пока же наблюдается «перетягивание каната» внутри ЭКОВАС между англоговорящими и франкоговорящими государствами (исключение в этом раскладе - франкофонная Гвинея, которая исторически поддерживает англофонов и дистанцируется от политики Парижа) и в сфере введения общей региональной валюты. Причины этого кроются не столько в сфере экономики, сколько в сфере политики: в Сообществе дав-

но наблюдаются существенные разногласия между группой англофонных стран во главе с Нигерией и объединением франкофонных государств во главе с Кот-д'Ивуаром, оформленным в ЮЭМОА. Основные споры по этому вопросу еще впереди.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ ЭКОВАС

Впрочем, даже в случае успеха проекта и введения общей валюты во всех 15 государствах-членах эко едва ли станет панацеей от всех социально-экономических проблем Западной Африки.

Причиной слабого развития внутрирегиональной торговли в ЭКОВАС является не отсутствие единой валюты, а структура экономики стран-членов, поставляющих на мировой рынок лишь товары одного или нескольких наименований, причем, как правило, речь идет о сырье. В экспорте Нигерии, наиболее сильной в экономическом отношении страны региона, 76% приходятся на сырую нефть и еще 14% - на природный газ [24]. В экспорте Ганы 49% составляет золото, 17% - сырая нефть и 16% - какао (и производные) [25], Кот-д'Ивуара - 56% какао (и производные), 11% - каучук, 10% - нефть и нефтепродукты [26]. При этом обрабатывающая промышленность, обеспечивающая производство потребительских товаров, в Западной Африке развита слабо, а сельское хозяйство не способно обеспечить население продовольствием.

При таком раскладе страны ЭКОВАС еще долгое время будут сохранять зависимость от импорта из промышленно развитых стран. Введение общей валюты вряд ли способно кардинально изменить ситуацию. Вместе с тем, успех эко не только имел бы большое политическое значение как достижение в области интеграции, но и мог бы существенно облегчить расчеты при трансграничных сделках и жизнь простых людей, многие из которых вынуждены регулярно пересекать границы, направляясь в соседние страны на отработки или навестить родственников. Это особенно важно для Западной Африки, на долю которой приходится 70% миграции в Африке южнее Сахары [27].

Если рассуждать о перспективах эко, было бы полезно отметить, что положительных примеров введения общей валюты в мире не так уж много. Единственным успешным на сегодняшний день проектом является евро, единая валюта Европейского Союза, одного из наиболее развитых и интегрированных объединений. В Африке имеется зона южноафриканского ранда, в состав которой входят ЮАР, Лесото, Намибия и Эсватини. Здесь роль ведущей страны - эмитента валюты - играет ЮАР, наиболее экономически развитая страна Африки южнее Сахары, потенциал которой несоизмеримо больше входящих в валютное объединение стран. Сможет ли Нигерия играть такую же роль в Западной Африке, как ЮАР в Южной, большой вопрос.

Поэтому, скорее всего, введение новой валюты, которая охватит все страны ЭКОВАС, в ближайшие годы маловероятно. Расширение зоны франка КФА/эко в принципе возможно,

однако это вряд ли устроит Нигерию - наиболее сильное в экономическом отношении государство региона. Неопределенность пока сохраняется.

Список литературы / References

- 1. GDP (current US\$) World Bank national accounts data, and OECD. National Accounts data files. World Bank. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?year_high_desc=true (accessed 14.01.2020)
- 2. ECOWAS Commission restates commitment to strengthening regional customs union and infrastructure upgrade. ECOWAS 02.11.2018. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?year_high_desc=true (accessed 14.01.2020)
- 3.40 Years of Free Movement in ECOWAS. ECOWAS 29.05.2019. https://www.ecowas.int/40-years-of-free-movement-in-ecowas/ (accessed 14.01.2020)
- 4. Key Statistics and Trends in Regional Trade in Africa. UNCTAD Division on International Trade and Commodities, United Nations. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctab2019d3 en.pdf (accessed 14.01.2020)
- 5. Ordu A.U. An evaluation of the single currency agenda in the ECOWAS region. Brookings Institution 24.09.2019. https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2019/09/24/an-evaluation-of-the-single-currency-agenda-in-the-ecowas-region/(accessed 14.01.2020)
- 6. Histoire du franc CFA. Banque Centrale des Etats de l'Afrique de l'Ouest. https://www.bceao.int/fr/content/histoire-du-franc-cfa (accessed 14.01.2020)
- 7. Inflation, consumer prices (annual %). World Bank. https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG (accessed 14.01.2020)
- 8. Dewast L. L'éco d'Afrique de l'Ouest: Quelle différence ferait une monnaie unique? BBC. https://www.bbc.com/afrique/region-48911056 (accessed 14.01.2020)
- 9. Final Communiqué of 22nd Session of the Authority of Heads of State and Government. ECOWAS. 10.12.1999. https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/02/22nd-ECOWAS-Summit-Lome-9-10-Dec-1999.pdf (accessed 14.01.2020)
- 10. West African Monetary Institute (WAMI). ECOWAS. https://www.ecowas.int/specialized-agencies/west-african-monetary-institute-wami/(accessed 14.01.2020)
- 11. West African Monetary Zone. West African Monetary Institute 14.01.2020. http://www.wami-imao.org/ (accessed 14.01.2020)
- 12. Africa-Finance: CFA Franc Spreads its Wings to Guinea Bissau. *Inter Press Service News Agency* 30.07.1997. http://www.ipsnews.net/1997/07/africa-finance-cfa-franc-spreads-its-wings-to-guinea-bissau/ (accessed 14.01.2020)
- 13. Final Communiqué of the 55th Ordinary Section of the Authority of ECOWAS Heads of State and Government. ECOWAS 29.06.2019. https://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2019/07/Final-Communiqu%c3%a9_55th-Summit_Abuja_29-June-2019-1.pdf (accessed 14.01.2020)
- 14. Le président du Bénin fait un pas de plus vers la disparition du franc CFA. *RFI Afrique* 08.11.2019. http://www.rfi.fr/afrique/20191108-le-president-benin-fait-pas-plus-vers-disparition-franc-cfa (accessed 14.01.2020)
- 15. Le débat est relancé autour d'une réforme du franc CFA. Le Monde 15.11.2019. https://www.lemonde. fr/afrique/article/2019/11/15/le-debat-est-relance-autour-d-une-reforme-du-franc-cfa 6019355 3212.html (accessed 14.01.2020)
- 16. Manifestations d'opposants au franc CFA en Afrique et en région parisienne. Le Monde 18.09.2017. https://www.lemonde.fr/afrique/article/2017/09/18/manifestations-d-opposants-au-franc-cfa-en-afrique-et-en-region-parisienne_5187205_3212.html (accessed 14.01.2020)
- 17. Ouattara annonce le remplacement du franc CFA par l'éco en Afrique de l'Ouest. *RFI Afrique* 21.12.2019 http://www.rfi.fr/afrique/20191221-macron-ouattara-annonce-remplacement-franc-cfa-afrique-ouest-eco (accessed 14.01.2020)
- 18. Alassane Ouattara annonce l'adoption de l'eco par les pays de l'Umoa à partir de juillet 2020. Jeune Afrique 21.12.2019. https://www.jeuneafrique.com/873002/economie/alassane-ouattara-annonce-ladoption-de-leco-par-les-pays-de-lumoa-a-part ir-de-juillet-2020/ (accessed 14.01.2020)
- 19. Franc CFA: le Ghana approuve l'abandon de la monnaie. Le Monde 30.12.2019. https://www.lepoint.fr/afrique/franc-cfa-le-ghana-approuve-l-abandon-de-la-monnaie-30-12-2019-2355146 3826.php (accessed 14.01.2020)
- 20. ECOWAS Common Currency: Diplomats interpret positions of Ghana, Nigeria. The News Nigeria 04.01.2020. https://www.thenewsnigeria.com.ng/2020/01/04/ecowas-common-currency-diplomats-interpret-positions-of-ghana-nigeria/(accessed 14.01.2020)
- 21. What is Nigeria's position on the Eco currency? *Agence de Presse Africaine* 30.12.2019. http://apanews.net/en/pays/nigeria/news/nigeria-studying-planned-regional-currency-eco-official (accessed 14.01.2020)
- 22. Franc CFA: le Nigeria affiche sa prudence. Le Monde Afrique 02.01.2020. https://www.lepoint.fr/afrique/franc-cfa-le-nigeria-affiche-sa-prudence-02-01-2020-2355735 3826.php (accessed 14.01.2020)
- 23. Ghana's Akufo-Addo joins Macron to pitch new role for African diaspora. *Radio France Internationale* 12.07.2019. http://www.rfi.fr/en/africa/20190712-Ghana-Akufo-Addo-joins-Macron-pitch-new-role-African-diaspora (accessed 14.01.2020)
 - 24. Nigeria. Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/profile/country/nga/ (accessed 14.01.2020)
 - 25. Ghana. Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/profile/country/gha/ (accessed 14.01.2020)
 - 26. Cote d'Ivoire. Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/profile/country/civ/ (accessed 14.01.2020)
- 27. West and Central Africa. International Organisation for Migration. https://www.iom.int/west-and-central-africa (accessed 14.01.2020)

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ ИРАКУ: ОБЕЩАНИЯ ДОНОРОВ И КОМПРОМИСС ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

© 2020 Р. МАМЕДОВ

DOI: 10.31857/S032150750008722-6

MAMEДOB Руслан Шакирович, аспирант кафедры востоковедения МГИМО-университета МИД России (rmamedov@russiancouncil.ru)

Резюме. Вопросы постконфликтного восстановления и создания благоприятных условий для привлечения помощи извне обрели особую актуальность в Ираке после объявленной правительством страны победы над «Исламским государством» (ИГ). Однако системные проблемы иракской государственности продолжали негативно влиять на этот процесс. В статье представлен анализ специфики взаимовлияния развития внутриполитической обстановки, зависящей от поведения политической элиты, и оказания международной помощи Ираку.

Ключевые слова: ИГ, Ирак, внешняя помощь, политические элиты, восстановление

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-37-01018-ОГН.

FOREIGN AID TO IRAQ: DONORS PROMISES AND POLITICAL ELITES COMPROMISE

Ruslan Sh. MAMEDOV, Post-graduate student, Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia (MGIMO-University) (rmamedov@russiancouncil.ru)

Abstract. Post-conflict reconstruction and creation of favorable conditions for attracting foreign aid have gained particular relevance in Iraq following the defeat of the "Islamic State" (IS). The results of the International Conference for Reconstruction of Iraq, which was held in Kuwait in February 2018, were contradictory. Most foreign aid projects and sums were pledged in a form of investments and loans. Foreign aid, on the one hand, has a positive effect on the situation in the country in terms of population support, but on the other hand has a number of negative effects. So, in conditions of external assistance, the ruling elite becomes dependent on it and preserves the situation. Elites do not solve problems and stop pushing for real development of institutions. At the same time, the elite itself is fighting for the distribution and management of this external assistance, which gives rise to the tensions within the Iraqi ruling class. Nevertheless, in the absence of external assistance and the need to receive it and get those funds coming to the country, in general, other processes take place. Despite deep differences, the factor of the need to obtain external funds also contributed to the finding a compromise among the Iraqi ruling elites, as it happened, for example, in the context of the formation of a new government in 2018.

Nevertheless, the problems of ensuring security, political instability, corruption and inefficiency of state institutions negatively affect the attraction of international assistance. Recognizing the existence of complex interdependencies between the development of the domestic political situation, which depends on the behavior of the political elite, and foreign aid to states weakened by armed conflict, this study aims to analyze the specifics of the mutual influence of these factors in Iraq after the victory over IS.

Keywords: IS, Iraq, foreign aid, political elites, reconstruction

На проходившей в феврале 2018 г. в Кувейте Международной конференции по восстановлению Ирака международными донорами были обещаны средства, которые в основном не были выделены и освоены по настоящий момент ввиду имевшихся рисков и зависимости этого процесса от нового избирательного цикла 2018 г. Доноры ожидали формирования правительства в условиях отсутствия уверенности в сохранении своей премьер-министром Х. аль-Абади. Для решения задачи по привлечению внешних средств на начальном этапе постконфликтного восстановления Ирака существовала необходимость в достижении договоренностей иракской элитой о распределении властных полномочий

и запуске реформ, а также оправдании ожиданий доноров, традиционно обеспокоенных структурной и функциональной слабостью государства.

На процесс выделения внешней помощи Ираку в рассматриваемый период негативно повлияли три ключевых фактора. Во-первых, традиционным фактором, препятствующим поступлениям в Ирак средств доноров и инвесторов, можно назвать коррупцию и неэффективность реформ. Во-вторых, сохранялись проблемы в сфере безопасности - в первую очередь, высокий уровень угрозы со стороны сохранившихся спящих ячеек ИГ. В-третьих, иракские элиты вступали в трудозатратный и долговременный процесс достижения компромисса по вопросу формирования

функционирующего правительства, которое могло бы эффективно взаимодействовать с донорами. Это тесно связано с нерешенностью вопросов национального примирения и распределением властных полномочий (проблемой интеграции представителей суннитских интересов во властные структуры, обострение «курдского вопроса» после проведения референдума о независимости Иракского Курдистана и др.).

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КУВЕЙТЕ

Сопредседателями Международной конференции по восстановлению Ирака выступили Миссия ООН по оказанию содействия в Ираке (МООНСИ), Европейский Союз и Всемирный банк.

В поствоенный период иракское правительство - при поддержке Всемирного банка - подготовило оценку постконфликтных потребностей страны, которая была опубликована в преддверии этой конференции, собравшей представителей 76 стран и международных организаций. Составители оценили потребности Ирака в \$88 млрд [1, р. 4], но на самой конференции удалось мобилизовать лишь \$30 млрд. При этом наибольшие суммы были обещаны соседями Ирака - Турцией и монархиями Персидского залива, значительная часть - в виде кредитов и инвестиций. Тем не менее, отнюдь не все обещания на данный момент выполнены. Как отмечалось иракским министром жилищного строительства и восстановления Бангеном Рекани в феврале 2019 г., обязательства доноров так и не материализовались, а правительство не смогло в достаточной мере устранить свои структурные и функциональные недостатки. Таким образом, власти провалили задачу по привлечению внешних средств на начальном этапе.

В рамках кувейтских встреч Турция заявила о готовности вложить \$5 млрд, не уточняя самих условий. Кувейт пообещал \$2 млрд, из которых по миллиарду предназначены на займы Багдаду и прямые инвестиции. Королевство Саудовская Аравия выделила \$1 млрд на инвестиционные проекты и \$500 млн на поддержку экспортных товаров. Катар пообещал \$1 млрд в форме кредитов и инвестиций, тогда как ОАЭ были готовы содействовать в размере \$500 млн инвестиций. Британия объявила о кредитных льготах, достигающих \$1 млрд в год в течение 10 лет, в то время как США предоставили своим компаниям для работы в Ираке кредитную линию на \$3 млрд [2].

Одним из ключевых доноров для Ирака стал Всемирный банк. Еще в кризисный 2014 г. ВБ обещал Ираку \$600 млн. Уже к 2018 г. он увеличил помощь Ираку до \$4,7 млрд [2], из которых \$300 млн планировалось направить на улучшение условий 1,5 млн семей из беднейших слоев Ирака. Однако стоит упомянуть, что в рамках самой конференции Всемирный банк добавил только 2 проекта стоимостью \$510 млн. Во многом сама при-

верженность ВБ в 2014-2015 гг. выделению Ираку помощи в таких размерах влияла и на других акторов, поскольку этот фактор стал мощным сигналом для внешнего мира и внутрииракских игроков. Он ознаменовал, помимо прочего, стремление внешних сил и доноров сохранить и поддержать иракскую государственность в кризисный период потери Багдадом контроля над большой частью своей территории.

Европейский Союз, будучи, как и Всемирный банк, сопредседателем конференции по восстановлению Ирака, в основном ссылается на имеющуюся договорно-правовую базу. В этом плане стоит указать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Ираком от 2012 г., которое вступило в силу только в августе 2018 г., и Стратегию ЕС для Ирака от 22 января 2018 г. ЕС объявил о том, что внешняя помощь Ираку с 2014 г. составляет 1 млрд евро. Тем не менее, стоит обратить внимание на цифры и получателей этих средств. По документам ЕС, общая гуманитарная помощь Ираку составляет 420 млн евро, а сотрудничество в области развития (development cooperation) - 309 млн евро с начала кризиса в 2014 г. Кроме того, 150,9 млн евро передано в региональный трастовый фонд ЕС по ответу на сирийский кризис (EUTF), 42,6 млн евро - Инструменту стабильности и мира (IcSP) и 6,5 млн евро -Европейскому инструменту содействия демократии и правам человека (EIDHR) и неправительственным организациям [3].

Однако зачастую у обозревателей существуют сомнения в отношении эффективности выделения этих средств и их использования на благо Ирака (особенно в контексте политизации помощи). Исследователями отмечалось, что декларируемые публично цели по выделению внешней помощи не обязательно совпадают с реальными целями доноров [4, р. 394]. Так, согласно Стратегии EC для Ирака, предполагается «укрепление иракской политической системы путем поддержки усилий Ирака по установлению сбалансированной, инклюзивной, ответственной и демократической управленческой системы» [5]. Далее в документе подчеркивается, что ЕС должен осуществлять эти планы во взаимодействии с МООНСИ и Консультативной миссией ЕС в Ираке (EU Advisory Mission to Iraq / EUAMI) [5]. Однако EUAMI, будучи инструментом брюссельской бюрократии, уже сама предполагает политизацию выделения внешней помощи Ираку.

Другая упомянутая выше организация - EUTF имеет в числе своих стран-основателей не только европейские государства, но и Турцию. Изначально EUTF призвана решать миграционные проблемы и осуществлять программы поддержки беженцев. Однако существуют мнения о неэффективности данной организации. Одним из примеров неэффективности этой структуры можно назвать отсутствие продвижения и реализации проектов

«на земле». Так, публичным провалом можно назвать ситуацию с Инициативой по поддержке иракских езидов¹, которые особенно пострадали в результате нападения ИГ на севере страны [6]. Данная инициатива была предложена иракской правозащитницей езидского происхождения, лауреатом Нобелевской премии мира Надией Мурад. EUTF решил выделить около 1 млн евро на Инициативу и в Фонд действия Синджара 2 (напомним, что это из 150,9 млн евро, выделенных ЕС). Однако неправительственная организация, названная именем Надии Мурад, позднее сообщила, что совсем небольшие суммы оказываются использованы для оказания помощи дискриминируемому сообществу в Синджаре. Реальной работы не ведется ввиду отсутствия необходимых условий (до сих пор в этой зоне не разминированы мины) и интереса властей на локальном уровне [7].

Представители Китая хотя и приняли участие в Конференции, но не называли сумм, которые КНР готова вложить в восстановление Ирака. Посол Китая в Кувейте Ван Ди на конференции заявил: «Китай будет и впредь оказывать Ираку помощь в рамках своих возможностей путем двусторонних соглашений и участвовать в экономическом восстановлении разрушенной войной страны» [8]. Китайские прямые инвестиции в Ирак составляют \$20 млрд. В основном они направлены в энергетический сектор через консорциум с международными фирмами или отдельно в случае реализации проектов строительства электростанций (только в Багдаде около 60 % электричества произведено китайскими компаниями). Более того, годовой товарооборот между двумя странами превышает \$30 млрд, включая оцениваемые в \$15 млрд объемы экспорта иракской нефти [9]. Очевидно стремление китайцев работать с Ираком на двусторонней основе.

Российские представители также приняли участие в Конференции. Несмотря на отсутствие заявлений о конкретных суммах, была отмечена роль и инвестиции российского бизнеса, энергетических компаний в восстановление Ирака. Вице-премьер Аркадий Дворкович прокомментировал, что «эти инвестиции уже приносят Ираку многомиллиардные доходы, кроме того, наши компании развивают социальную инфраструктуру, строят школы, больницы, физкультурные комплексы, осуществляют разминирование территорий» [10]. Позднее в январе 2019 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о том, что общий объем российских инвестиций в неф-

тегазовую отрасль Ирака уже превысил \$10 млрд [11], в то время как, по словам вице-премьера и сопредседателя межправительственной комиссии с российской стороны Юрия Борисова, только компания ЛУКОЙЛ планирует инвестировать до \$45 млрд в Ирак до 2035 г. [12, р. 5].

Таким образом, очевидно, что Ирак смог мобилизовать на конференции лишь часть необходимой суммы для восстановления инфраструктуры страны после войны с ИГ. К тому же основной формой внешней помощи стали не дотации Ираку, а инвестиции и кредиты для их использования в находящихся далеко за пределами освобожденных от ИГ зонах [13]. При этом обозреватели отмечали, что «иностранные фирмы присматриваются к контрактам и тендерам, которые - как стало неофициальной нормой - опечатаны колоссальными откатами и взятками» [14]. Многие доноры на кувейтской конференции заявили в основном о тех проектах, которые ранее ими уже были анонсированы в рамках других форматов, что во многом обесценивает «новизну» и качество этих заявлений. Но даже само привлечение уже выделенных средств стало труднореализуемой задачей ввиду необходимости создания иракцами условий для их вливания со стороны доноров и инвесторов.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОМОЩИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИРАКСКИХ ЭЛИТ

Выборы в Ираке прошли в мае 2018 г., однако почти сразу начались обвинения в подтасовках, что привело к пересчету голосов и дальнейшему оттягиванию процесса формирования правительства. Весь этот период характеризовался отсутствием ясности для доноров и инвесторов. Политические элиты Ирака так и не смогли договориться в поствыборный период о правительстве на протяжении следующих трех месяцев, а первое заседание парламента страны прошло только в начале сентября 2018 г.

Согласно иракской системе квотирования мест в органах государственной власти по этноконфессиональному признаку («мухасаса таифийя» с араб.), спикером парламента был назначен суннит Мухаммад аль-Хальбуси. Президент обычно избирается парламентом из числа курдской общины страны, которая в этот раз до последнего момента не могла определиться. Две крупнейшие политические силы Иракского Курдистана - Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК) - имели своих канди-

² Синджар - город на севере-западе Ирака, населенный преимущественно езидами (*прим. авт.*).

¹ Езиды - приверженцы езидской религии, езидизма. В мире насчитывается около 1 млн езидов, более половины которых проживает в северо-западном Ираке - в провинциях Найнава (Мосул) и Дохук (Регион Курдистан). Наиболее крупные общины езидов имеются в странах Евросоюза (в первую очередь, в Германии), а также на территории бывшего СССР (в России, Армении и Грузии). Езиды традиционно классифицировались как субэтнос курдов - «курды-езиды». Однако в настоящее время значительная часть езидского сообщества отделяет себя от курдов. В России, Армении и Грузии езиды в переписях населения учитываются в качестве отдельной национальности [6].

датов в президенты. Традиционно позицию президента Ирака занимал представитель ПСК, а президента Курдского Автономного Района (КАР) представитель ДПК. В этот же раз ДПК выдвинула своего представителя на пост президента, соратника президента КАР Масуда Барзани и опытнейшего главу его администрации Фуада Хусейна. Такое развитие событий вскрыло разобщенность курдов, однако арабские шиитские и суннитские политические силы выжидали, стремясь создать атмосферу для достижения договоренностей между курдами. В итоге договоренность была достигнута, и парламент избрал президентом одного из лидеров ПСК Бархама Салеха. Тем не менее, процесс формирования правительства оказался тяжелым испытанием для иракцев и соответственно доноров иракской реконструкции.

Проблемы организации выборного процесса в 2018 г. и долговременное отсутствие нового правительства в Ираке лишь усилили неопределенность и желание доноров дистанцироваться от участия в процессе восстановления страны. Явным стало и то, что находившийся в кресле премьера Хайдар аль-Абади был не способен сохранить свой пост ввиду внутриэлитных разногласий. Это делало туманными перспективы формирования нового правительства под его руководством, что в теории могло бы обеспечить стабильное развитие внутриполитической обстановки и виделось желательным со стороны ряда доноров. Необходимость получения внешней помощи, однако, в итоге способствовала тому, что иракские элиты активизировали процесс стабилизации и добились распределения властных полномочий к концу 2018 г. Правительство возглавил опытный и компромиссный между различными силами политик, бывший министр нефти Ирака Адель Абдель Махди.

Однако даже в феврале 2019 г., спустя год после Кувейтской конференции, спецпредставитель генерального секретаря ООН в Ираке и глава Миссии ООН по содействию Ираку (МООНСИ) Жанин Хеннис-Пласшерт заявила о том, что «четыре министерские должности остаются вакантными, причем три из них подвержены жестким разногласиям среди политических блоков...Медленный темп формирования иракского правительства, несомненно, вызывает серьезную обеспокоенность». Только в июне 2019 г. иракский парламент утвердил назначения трех ключевых министров - внутренних дел, обороны и юстиции [15]. Во многом эти посты оказались спорными между двумя крупнейшими политическими блоками Ирака в поствыборный период - движением Муктады ас-Садра «Ас-Саирун» (садристы шли на выборы вместе с Иракской коммунистической партией) и коалицией «Фатх» во главе с Хади аль-Амири. Тем не менее, довершение формирования правительства не привело к стабилизации обстановки в стране. Несмотря на ощущение намечавшихся компромиссов, иракские элиты так и не пришли к единому знаменателю и не смогли добиться эффективности действий правительства в условиях нараставшего давления иракской улицы и ожиданий доноров.

В этих условиях еще до формирования правительства в июле 2018 г. в нефтеносной Басре разразились демонстрации против засилья коррупции и бездействия властей в контексте предоставления простейших услуг населению (водоснабжение и электроэнергия). Эти протесты тогда во многом привели к невозможности Хайдером аль-Абади занять пост премьера во второй раз [16]. Но несмотря на то, что сформированное впоследствии правительство проработало только год, люди снова вышли на улицы. На этот раз протесты октября-ноября 2019 г. оказались гораздо масштабнее организационно и географически [17]. За последние годы люди научились организованно выходить на улицы и требовать своих прав. В этом случае социально-экономические причины протестов привели к вполне политическим лозунгам, включавшим - и это самое главное - уход от системы «мухасаса» и борьбу с коррупцией. Подобные процессы могут обозначать даже не тренд на коренные изменения, а настойчивое желание отдельных групп интересов в элите получить доступ к распределяемым благам.

С самого начала протестов не было ясно, стояли ли за ними какие-либо политические силы и лидеры. Однако стоит упомянуть, что ряд из них принял попытку «оседлать волну». Так, Муктада ас-Садр призвал правительство уйти в отставку и провести досрочные выборы под эгидой ООН. Несмотря на колебания премьер-министра, Адель Абдель Махди решил отказаться от предложения ас-Садра, заявив о возможности своего ухода с поста только после согласия по этому поводу крупнейших парламентских блоков и соблюдения конституционных процедур. Для этого необходимо было согласие сомневавшегося лидера второго крупнейшего блока в парламенте Хади аль-Амири. Согласно сообщениям, благодаря поддержке Хади аль-Амири и участию главы подразделения Кодс Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Ирана Касема Сулеймани Аделю Абдель Махди удалось сохранить свой пост в течение октября и ноября 2019 г. [18].

В этих условиях снова возрастала противоречивая роль МООНСИ, поскольку протестующие в социальных сетях всячески выражали свое неудовлетворение работой МООНСИ с правительством Ирака. Тем не менее, МООНСИ выступила со своим планом по урегулированию ситуации в Ираке и провела ряд встреч. Среди ключевых из них стоит назвать встречу главы Миссии Жанин Хеннис-Пласшерт с верховным духовным лидером Ирака великим аятоллой Али ас-Систани. Последний ранее уже поддержал протестантов и даже высказался о недопустимости влияния на

иракский политический процесс каких-либо внешних сил, что многие исследователи и журналисты восприняли как ответ на последнюю речь иранского рахбара, аятоллы Хаменеи. Приняв Жанин Хеннис-Пласшерт, ас-Систани выразил поддержку ООН и ей лично. Тем не менее, аятолла ас-Систани выразил обеспокоенность тем, что политическая элита Ирака недостаточно серьезно относится к проведению реформ [19]. Позднее очередное публичное обращение ас-Систани подвело премьер-министра Аделя Абдель Махди направить прошение об отставке в парламент страны, который ее принял 1 декабря 2019 г.

ЭЛИТЫ И ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОМОЩИ

Эффективность внешней помощи во многом определяется изменением ситуации в стране в различных сферах социально-политической жизни общества [20]. Согласно результатам эмпирических исследований, считается, что внешняя помощь "работает" позитивно исключительно в государствах с эффективными политическими институтами [21]. В случае Ирака, после вторжения США в 2003 г. эффективных политических институтов создано не было. В условиях их отсутствия происходило два процесса, которые противоречиво влияли на укрепление государственности, но помогали предоставлять часть необходимых базовых социальных услуг населению. С одной стороны, имевшиеся слабые политические институты в условиях хаоса уступали свои позиции и оставляли простор для расширения деятельности традиционных институтов - племенных и религиозных. С другой стороны, различным международным и иракским неправительственным организациям с привлечением внешнего финансирования и грантов удалось закрепиться в стране. Внешнее финансирование на программы, создаваемые для Ирака извне, зачастую не находило своего воплощения в реальные и осязаемые результаты, если их реальной целью было содействовать восстановлению и развитию Ирака.

Последствия внешней помощи могут быть негативными в контексте укрепления институтов государственности. «Как и "ресурсное проклятие", зависимость от помощи порождает конфликты между группами интересов в странах-реципиентах, втягивая их в борьбу за ее распределение» [21, с. 72]. По одной из версий именно фактор привлечения помощи и ее распределения можно назвать в качестве одной из ключевых проблем взаимодействия элит в Ираке в постигиловский период. Масштабные и крупнейшие с 2003 г. протесты в Ираке октября 2019 г. стоит рассматривать, в т.ч., и с этих позиций [22].

Массовые социальные движения в Ираке 2018-2019 гг. связаны с социально-экономической ситуацией в стране, отсутствием надлежаще-

го уровня предоставления правительством социальных услуг населению, проблемами в сфере здравоохранения, водо- и электроснабжения, высоким уровнем безработицы, особенно, у молодежи. Выходившие по всей стране протестанты видели истоки этих проблем в неэффективности всех правительств постсаддамовского Ирака и сложившейся после 2003 г. системе квотирования государственных должностей по этноконфессиональному признаку («мухасаса таифийя» с араб.). Кроме того, накопилась критическая масса и психологическая усталость от существующего в стране хаоса политических сил. Важно то, что именно государство - главный работодатель в стране [23]. Это говорит об отсутствии развития частного сектора в условиях рентной экономики. Согласно данным МВФ, с продажи углеводородов Ирак получает до 90% своих доходов [24].

Государственное устройство с перераспределением между кланами элиты ресурсов и благ, приходящих в страну в виде доходов от нефти, продолжает определять существо системы. В этом плане крупные внешние финансовые вливания также обладают серьезным влиянием на внутриэлитный расклад. Протестные акции 2018-2019 гг. вскрыли недовольство масс схемами перераспределения получения представителями кланов доступа к ресурсам. В целом в обществе созрел запрос на проведение реформ в пользу коренных изменений системы, развития институтов и поддержки частного сектора. Сложившаяся после 2003 г. элита сохраняет свои позиции, но ей будет необходимо скорректировать технику ведения политического процесса.

* * *

Во многом обещавшие в феврале 2018 г. на Международной конференции по восстановлению Ирака вложить средства доноры находились в зависимости от внутриполитических процессов в стране, поскольку знали о грядущем новом избирательном цикле. Большинство проектов внешней помощи Ираку предполагали помощь не в виде грантов, а инвестиций и кредитных линий. Отдельные государства предпочли действовать на двусторонней основе, что официально не учитывается в рамках внешней помощи Ираку, но де-факто влияет на ситуацию «на земле». Последнее представляется эффективным, поскольку иракские элиты более подготовлены к работе с такими партнерами. Несмотря на глубокие расхождения, фактор необходимости получения внешних средств повлиял и на поиск правящими элитами компромиссов, как, например, это случилось в контексте формирования правительства по итогам выборов 2018 г. Тем не менее, проблемы обеспечения безопасности, политическая нестабильность, коррупция и неэффективность государственных институтов негативно влияют на привлечение внешней помощи.

Внешняя помощь, с одной стороны, позитивно влияет на ситуацию в стране с точки зрения поддержки населения, но, с другой стороны, имеет ряд негативных эффектов. Так, в условиях внешней помощи правящая элита впадает в зависимость от нее и консервирует ситуацию. Кланы в элите проходят через борьбу за распределение и управление этой внешней помощью, что рождает напряженность между внутрииракскими ак-

торами. Изначальное отсутствие внешней помощи и необходимости ее получения в целом подводит элиты к компромиссному взаимодействию. Тем не менее, в иракских условиях на этот процесс влияют и другие факторы, в т.ч. и вопрос перераспределения средств. Все это приводит к незавершенности поиска компромисса между элитами и необходимости дополнительного согласования.

Список литературы / References

- 1. Iraq. Reconstruction and investment. Part 2. Assessing the damage and needs of the affected governorates. World Bank. (In Arab.). http://documents.worldbank.org/curated/en/160691520000589687/pdf/123631-v2-ARABIC-OUO-9-Part-2-Arabic.pdf (accessed 05.02.2019)
- 2. Donors pledge \$30 bn for Iraq reconstruction at Kuwait conference. France 24. https://www.france24.com/en/20180214-donors-pledge-30-bn-iraq-reconstruction-kuwait-conference (accessed 09.07.2019)
- 3. The EU and Iraq Factsheet. European External Action Service. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_and_iraq_factsheet_updated_.pdf (accessed 09.08.2019)
 - 4. Woods N. 2005. The shifting politics of foreign aid. *International Affairs*. Vol. 81, № 2, pp. 393-409.
- 5. Council of the EU conclusions on Iraq. Foreign Affairs Council. https://www.consilium.europa.eu/media/32406/st05285en18.pdf (accessed 10.08.2019)
- 6. Мосаки Н.З., Пирбари Д.В. Кончина эмира езидов и будущее езидской общины. *Азия и Африка сегодня*. М., 2019, № 11, с. 49-54. (Mosaki N.Z., Pirbari D.V. 2019. The Death of Mir Tahsin Beg and the Future of the Yezidi Community. *Asia and Africa today*. Moscow) (In Russ.)
- 7. EU aid not reaching Yazidi in northern Iraq, says NGO. *EUobserver*. https://euobserver.com/migration/142272 (accessed 20.07.2019)
- 8. Envoy: China to participate in Iraq reconstruction. *China Daily*. https://www.chinadailyhk.com/articles/192/238/105/1518671884430.html (accessed 20.07.2019)
- 9. Iraq, China launch 'oil for reconstruction' agreement. *Al-Monitor*. https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/10/iraq-china-india-oil-construction.html (accessed 24.06.2019)
- 10. Дворкович отметил вклад российского бизнеса в восстановление Ирака. *PИА Новости*. 14.02.2019. (Dvorkovich noted the contribution of Russian business in the reconstruction of Iraq. *RIA Novosti*. 14.02.2019) (In Russ.). https://ria.ru/20180214/1514607439.html (accessed 20.03.2019)
- 11. «Полное совпадение взглядов». Главы МИД России и Ирака обсудили ближневосточную тематику. *ИТАР-ТАСС*. 30.01.2019. ("Full Coincidence of Views". Russian and Iraqi Foreign Ministers discuss the Middle East issues. *ITAR-TASS*. 30.01.2019) (In Russ.). https://tass.ru/politika/6061016 (accessed 26.08.2019)
- 12. Katona V., Mamedov R. 2019. Russia's Interests in the Arab Mashreq: Analyzing the Future of Oil and Gas in Iraq and Syria. *Russian International Affairs Council*. Moscow.
- 13. Conference for Iraq draws investors instead of donors. *Al-Monitor*. https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/02/kuwait-iraq-reconstruction-investment.html (accessed 23.07.2019)
- 14. A year after Kuwait conference, Iraq is no closer to reconstruction. *ArabWeekly*. https://thearabweekly.com/year-after-kuwait-conference-iraq-no-closer-reconstruction (accessed 23.07.2019)
- 15. Парламент Ирака утвердил министров внутренних дел, обороны и юстиции. *PИА Новости*. 24.06.2019. (The Parliament of Iraq approved the Ministers of the Interior, Defense and Justice. *RIA Novosti*. 24.06.2019) (In Russ.). https://ria.ru/20190624/1555856140.html (accessed 25.08.2019)
- 16. Ирак решил вопрос о власти. *Коммерсант*. (Iraq resolves the issue of power. *Kommersant*) (In Russ.). https://www.kommersant.ru/doc/3759641 (accessed 29.08.2019)
- 17. Багдад встретил безработицу в штыки. *PБК*. (Baghdad met unemployment with hostility. *RBC*) (In Russ.). https://www.rbc.ru/newspaper/2019/10/08/5d9afca49a79471a42725093 (accessed 29.08.2019)
- 18. Iraqi PM Abdul-Mahdi refuses to resign over deadly protests. *Arab News*. https://www.arabnews.com/node/1575161/middle-east (accessed 30.08.2019)
- 19. UN: Sistani Concerned Politicians Not Serious Enough on Reforms. *Al-Awsat*. https://aawsat.com/english/home/article/1986566/un-sistani-concerned-politicians-not-serious-enough-reforms (accessed 13.11.2019)
- 20. Yiew T.H., Lau E. 2018. Does Foreign Aid Contributes to or Impeded Economic Growth. *Journal of International Studies*. Vol. 11, \mathbb{N}_2 3, pp. 21-30.
- 21. Бартенев В.И. Внешняя помощь и качество государственного управления: освобождение от иллюзий. *Полис. Политические исследования*. М., 2018, № 6, с. 79. (Bartenev V.I. 2018. Foreign Aid and the Quality of Governance: Liberation from Illusions. *Polis. Political Science*. Moscow) (In Russ.)
- 22. В Ираке за неделю протестов погибли более 100 человек. Как экономика страны спровоцировала «революцию голода». *PБК*. (In Iraq, more than 100 people died in a week of protests. How the country's economy provoked a «revolution of hunger». *RBC*) (In Russ.). https://www.rbc.ru/politics/07/10/2019/5d9afca49a79471a42725093 (accessed 23.10.2019)
- 23. Iraq Economic Monitor: From War to Reconstruction and Economic Recovery. *World Bank Group*. http://documents.worldbank.org/curated/en/771451524124058858/pdf/125406-WP-PUBLIC-P163016-Iraq-Economic-Monitor-text-Spring-2018-4-18-18web.pdf (accessed 23.10.2019)
- 24. Как сирийская война повлияла на экономику Ирака? *Becmu. Экономика*. (How has the Syrian war affected the Iraqi economy? *Vesti. Economics*) (In Russ.). https://www.vestifinance.ru/articles/113888 (accessed 25.10.2019)

ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА: «ИОРДАНСКИЙ ВАРИАНТ» КАК АЛЬТЕРНАТИВА

© 2020 А. ГОФМАН

DOI: 10.31857/S032150750008728-2

ГОФМАН Артем Владимирович, аспирант, лаборант-исследователь Отдела изучения Израиля Института востоковедения РАН (gofmanar@yandex.ru)

Резюме. Статья посвящена урегулированию палестино-израильского конфликта на современном этапе. Анализируются проблемы реализации принципа «два государства для двух народов» в контексте американской «сделки века» и перспективы «иорданского варианта» как альтернативы двухгосударственному решению конфликта. Отдельно представлена оценка возможностей России как посредника в деле сближения позиций израильтян и палестинцев.

В результате автор приходит к выводу, что сохранение статуса-кво в ближайшей перспективе представляется наиболее вероятным.

Ключевые слова: Израиль, Иордания, Палестина, Россия, США

PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT SETTLEMENT PROBLEMS: THE «JORDANIAN OPTION» AS THE ALTERNATIVE

Artyom V. GOFMAN, Post-graduate student, Research Assistant, Israel Studies Department, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science (gofmanar@yandex.ru)

Abstract. This article is dedicated to the modern Palestinian-Israel settlement problems. Research carried out in the field of implementation of the two-state solution in terms of American Deal of the Century. It is known that Trump's administration proclaimed Palestinian problem resolution as matter of utmost importance. But the two-state formula faces obstacles thus putting on the table alternatives such as the Jordanian option.

However the history of its realization was fruitless. During 1970-80's Israelis and Jordanians tried to build different types of confederations which aim was to prevent the establishment of an independent Palestinian state. But all of them brought to nothing.

There were several unsuccessful attempts to resume peace process up to 2017 when Trump became a president. In the new course of the U.S. approach towards Palestinian-Israeli conflict resolution Americans pledged to be an impartial mediator, but in real acted in favor of Israel.

At this moment, the confederation option emerged. Palestinian leader approved to join the triple Jordanian-Palestinian-Israeli state but Israelis and Jordanians rebuffed. Both of them regard such an association as violating their national interests. Neither Israel withdraws from occupied territories nor Jordan gives up the two-state solution formula.

Furthermore, Russia cannot replace the USA as a main mediator nowadays. Russians offered Moscow as a place for negotiations but little has changed. Taking this into consideration, it is crucial to enhance our ties with Israelis and Palestinians in order to occupy more important role in negotiations.

 $As for outlook \ for \ close \ future, status-quo \ seems \ to \ be \ the \ most \ possible \ due \ to \ lack \ of \ trust \ between \ Americans \ and \ Israelis \ with \ Palestinians.$

Keywords: Israel, Jordan, Palestine, Russia, USA

Ситуация вокруг палестино-израильского конфликта по-прежнему дает повод для беспокойства. Обычно в этом противостоянии наблюдается маятникообразное развитие событий: от состояния относительной стабильности к резкому обострению и обратно. Особенность современного периода в том, что урегулирование палестинской проблемы декларируется как одно из главных внешнеполитических приоритетов американской администрации президента Д.Трампа. За последние несколько лет Соединенные Штаты осуществили целый ряд односторонних действий, носивший ярко выраженный произраильский характер. В свою очередь, это привело к ответной реакции

палестинской стороны, фактически прервавшей контакты с американцами и израильтянами.

В очередной раз переговоры зашли в тупик, подвергнув сомнению реализуемость урегулирования по формуле «два государства для двух народов». Снова заговорили о возможности возврата к идее создания объединенной иордано-палестино-израильской конфедерации, как альтернативной площадки для возобновления мирного процесса. Однако, как показывает его история, последний «иорданский вариант» разрешения палестино-израильского конфликта, как и предыдущая формула, не менее сложен в своей реализации.

НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ КОНФЕДЕРАЦИИ

Условно идею *объединенного государства* можно выразить в трех видах: иордано-палестинском, иордано-израильском и иордано-палестино-израильском. Общей их особенностью было то, что они не подразумевали создание полноценного и независимого палестинского государства.

Идея иордано-палестинского объединения впервые была озвучена иорданским монархом. 15 марта 1972 г. король Хусейн объявил, что Иордания станет Объединенным Арабским Королевством по обоим берегам р. Иордан, со столицей в Иерусалиме для палестинского региона и в Аммане для иорданского [1, рр. 461-463]. Однако уже на следующий день глава израильского правительства Г.Меир заявила свое несогласие с предложением Хусейна [2].

В следующий раз тема иордано-палестинского государства будет поднята на переговорах между Иорданией и Организацией освобождения Палестины (ООП). 11 февраля 1985 г. в Аммане король Хусейн и глава ООП Я.Арафат заключили соглашение, в п. 2 которого сказано, что право на самоопределение палестинского народа возможно в рамках формирования конфедерации двух арабских государств Иордании и Палестины [1, рр. 488-489].

Но вскоре иордано-палестинские переговоры оказались в кризисном состоянии. ООП стремилась добиться создания палестинского государства до вхождения в конфедерацию, Амман же рассчитывал на обратную последовательность. 19 апреля 1987 г. исполнительный комитет ООП сообщил о выходе из Амманского соглашения ввиду появившихся разногласий по вопросам понимания и осуществления пунктов данного документа [1, pp. 384-385].

Параллельно иордано-палестинским переговорам шли иордано-израильские. Вначале об объединенном государстве речи не шло. В соответствии с «планом Рейгана» [1, рр. 72-78], базировавшегося на Кэмп-Дэвидских соглашениях [3, р. 810], предполагалось активное участие иорданцев в палестинском самоуправлении. Израильская позиция заключалась в том, что члены ООП смогут принять участие в переговорах только после того, как признают право Израиля на существование. В частности, она была отражена в заявлении премьер-министра Ш.Переса по итогам встречи с иорданской делегацией 10 июня 1985 г. [1, рр. 205-210].

После ротации с И.Шамиром, уже в статусе главы МИДа Израиля, Ш.Перес провел тайную встречу с королем Хусейном (как предполагает-

ся, состоявшуюся 11 апреля 1987 г.), по итогам которой был заключен, т.н. Лондонский договор [4, с. 225-226]. Сам текст договора неизвестен, но подразумевается, что в нем речь шла об установлении совместного иордано-израильского контроля над палестинскими территориями [5, с. 78-79].

Договор был отклонен премьер-министром И.Шамиром, а позже и иорданской стороной [6, pp. 940-941]. Ш.Перес попытался еще раз в марте 1990 г. выдвинуть предложение о создании уже трехсторонней израильско-иордано-палестинской конфедерации, но тогда оно не нашло понимания даже в его собственной партии [7, с. 63].

В 1994 г. Израиль и Иордания подписали мирный договор и установили официальные дипломатические отношения. В связи с этим, как писал отечественный востоковед Р.Ланда, Палестина окончательно «перестала быть юридически частью Иордании, которая тем самым признала национально-политическую самостоятельность палестинцев вне границ королевства и образованную ими Палестинскую автономию» [8, с. 203].

ПРЕЗИДЕНТ ТРАМП И БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Действующая американская администрация активно использует неудачи прошлых лет, повторяя, что т.н. «сделка века» президента Д.Трампа нацелена на комплексное урегулирование палестинской проблемы. Вашингтон даже высказал идею о том, что разрешение конфликта не обязательно должно подразумевать реализацию принципа «два государства для двух народов» [9].

Однако план вызывает немало нареканий: от обвинений в произраильском уклоне до замыкания переговоров исключительно на Соединенных Штатах [10; 11]. Практически ничем закончилась проходившая в конце июня 2018 г. конференция в Бахрейне, где обсуждалась экономическая часть мирного плана [12]. Отказ палестинцев принять экономическую помощь под установленные Вашингтоном и его союзниками требования еще больше уменьшает возможность реализации американского предложения. Масло в огонь подливает постоянное откладывание обнародования «сделки века» в связи с политическим кризисом в Израиле и внутриполитическими процессами в самих США.

Примерно в таких условиях внезапно появляется новость о том, что базой мирного урегулирования будет создание конфедерации Палестины с Иорданией. Об этом сказал лидер Палестинской национальной администрации (ПНА) М.Аббас на встрече с левыми израильскими активистами

2 сентября 2018 г., добавив, что предложение поступило от американской стороны [13]. «Я ответил: да, я хочу трехстороннюю конфедерацию с Иорданией и Палестиной. Я спросил их, согласятся ли израильтяне на данное предложение» [14], - цитируют М.Аббаса присутствовавшие на встрече члены движения «Шалом Ахшав».

Не заставила себя долго ждать ответная реакция израильтян и иорданцев. «Мой ответ: конфедерация с кем?», - заявил иорданский король Абдалла II, поясняя, что Иордания твердо привержена созданию палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме [15]. К тому же, современные израильско-иорданские отношения находятся в состоянии, близком к стагнации, отрицательно сказываясь на перспективе дальнейшего сотрудничества. Так, 21 октября 2018 г. король Иордании Абдалла II объявил об отказе продлить одно из дополнений иордано-израильского мирного договора 1994 г., касающееся сдачи в аренду Израилю ряда приграничных территорий, логично приведя к негативной реакции израильской стороны [16].

Отвергли идею объединения и в Израиле, подчеркнув, что путь к соглашению лежит через прямые переговоры, демилитаризацию палестинского государства и сохранение за Израилем контроля над западным берегом р. Иордан. Спустя примерно месяц спецпредставитель президента США на Ближнем Востоке Дж.Гринблатт сообщил, что разрабатываемый мирный план не будет основываться на модели конфедерации [17].

«IS FECIT CUI PRODEST»

В результате идея иордано-палестино-израильской конфедерации угасла также быстро, как и возникла. Никто, кроме лидера Палестины, не согласился даже на обсуждение этого предложения, что говорит о наличии целого узла противоречий по этой опции. В связи с этим необходимо установить причину ее неожиданного появления.

Очевидно, что ключевыми сторонами являются Израиль, Палестина и Иордания. Соединенные Штаты, несмотря на свое стремление быть медиатором в мирном процессе, ввиду ряда односторонних действий администрации Д.Трампа, фактически также приравниваются к одной из главных сторон с четкой произраильской позицией. Опосредованными участниками процесса являются Саудовская Аравия, Египет и ряд других государств ближневосточного региона. ООН, ЕС, РФ и другие страны, как и в 1990-е гг., по сути, снова оказались на обочине мирного процесса, заняв место второстепенных участников.

Как говорили древние римляне: «Is Fecit Cui Prodest» - «Ищите, кому выгодно». Следует учитывать, что выгода относительна и изменчива, находясь в русле того или иного политического курса. На первый взгляд, самым большим победителем от возможного объединения могла бы стать Рамалла. В первую очередь, это позволило бы «разделить» между тремя сторонами бремя плачевного состояния палестинской экономики. Как отмечают отечественные исследователи МГИМО А.В.Федорченко, А.В.Крылов и В.М.Морозов, за период с 2009 по 2015 гг.: «...бюджет ПНА был хронически дефицитен, а сумма превышения расходов над доходами колебалась в пределах \$1,3-1,5 млрд (около 20% ВВП)» [18, с. 333]. Также нахождение в составе объединенного государства связывало бы израильскому правительству руки в деле расширения строительства поселений за «зеленой чертой», усиливая арабские позиции в пределах их массового проживания.

Как ни странно, но в выигрыше от конфедерации могли остаться и Соединенные Штаты. Вашингтон неоднократно повторял, что главной целью «сделки века» является полноценное урегулирование и обеспечение безопасности Израиля и интересов самих США. Любой план, гарантирующий эти положения, с точки зрения американцев, является приемлемым, и не так важно, будет ли в их основе реализация формулы «два государства для двух народов», конфедерация или что-то другое.

Для Израиля и Иордании, соответственно, объединение видится невыгодным предприятием. Во-первых, давит неудачный опыт предыдущих лет, когда Ш.Перес и король Хусейн пытались договориться о создании конфедерации; во-вторых, это нежелание заниматься палестинскими проблемами, а точнее, решать их вместо палестинцев; в-третьих, и это особенно касается израильтян, страдает образ палестинцев как ответственной стороны для переговоров. Тотальная коррупция и фрагментированность, клановость палестинского общества заметно ослабляют позиции палестинских властей, делая их положение довольно неустойчивым, в связи с чем согласие на вхождение в трехстороннее государственное объединение представляется вполне логичным.

Стоит сказать, что позиции израильского, палестинского и иорданского правительств, в целом, отражают мнение собственного населения. Опросы показывают, что подавляющее большинство иорданцев против создания конфедеративного государства Иордании и Палестины [19]. Также против ее создания высказалось около 2/3 палестинцев, а против создания иордано-палестино-израильской конфедерации высказалось почти 3/4

из числа опрошенных палестинцев. Касательно формулы «двух государств» на 2018 г. среди израильтян ее поддерживают 46,8% респондентов, а среди палестинцев 47% [21; 20, р. 5].

Взгляды научно-экспертного сообщества также многогранны. Здесь есть как понимание трудности имплементации двух государственных вариантов, так и осознание сложности поиска и адаптации альтернатив. Один из организаторов «процесса Осло»¹, государственный деятель Израиля Й.Бейлин считает трехстороннюю конфедерацию неизбежным вариантом, к которому, рано или поздно, придут стороны. Он утверждает, что вне рамок объединения достичь решения палестино-израильского конфликта невозможно, что и показывает нынешняя ситуация [21].

Его точка зрения близка проф. Г.Фриш и И.Соколову из Центра стратегических исследований им. Бегина и Садата при Бар-Иланском университете в Рамат-Гане, полагающих, что израильские уступки не отвечают минимальным палестинским требованиям, необходимым для достижения мира, а значит, именно Иордания «могла бы предоставить альтернативу модели двухгосударственного решения, зависящего от палестинской автономии» [22, р. 2]. Им возражает ст.н.с. израильского Института исследований национальной безопасности в Тель-Авиве О.Эран, утверждая, что вера в возможности Аммана ответить на чаяния палестинцев является «сплошной иллюзией», однако, это не означает полного отстранения, т.к. Иордания может сыграть положительную роль в решении ряда проблем палестино-израильского конфликта [23, pp. 3, 5].

Д-р М.М.Салех при ливанском Центре исследований и консультаций Аль-Зайтуна в Бейруте выделяет три возможных сценария развития ситуации: провал «сделки века», ее дальнейшее обсуждение арабскими и палестинскими представителями с целью ее принятия, или же ее принятие в соответствии с действующими критериями и американскими требованиями [24]. Наиболее вероятным он считает первый сценарий, а третий наименее осуществимым. Судьба второй опции, которая не исключает создания палестино-иорданской конфедерации, выглядит туманной, ввиду отсутствия единой позиции в ПНА и ООП.

Политический аналитик новостного агентства «Аль-Арабия» III.Аль-Макахлех пишет о том, что идея трехсторонней конфедерации разрабатывалась еще в 1970-е гг. Г.Киссинджером как форма урегулирования и, одновременно, сдерживания советской угрозы. «Любое будущее решение по

израильской теме недалеко уйдет от того, что Киссинджер предложил и над чем работал в течение многих лет», - подытоживает автор [25].

Используя данные из открытых источников, на данный момент трудно сказать, была ли идея конфедерации «вбросом» или же реальным предложением, высказанным кулуарно. Исследователи ближневосточного центра Карнеги справедливо полагают, что «...уступки, координация и сотрудничество в политике, необходимые между израильтянами и палестинцами для достижения решения в рамках «одного государства», не представляются политически приемлемыми для каждой из сторон» [26, р. 4].

Стагнация в мирном процессе, глубокий антагонизм в палестино-израильских отношениях, неоднозначные результаты ходов Израиля в ходе «процесса Осло» и одностороннего размежевания с Сектором Газа, неэффективность мирных инициатив - все это создает специфичную и туманную среду, в которой переплетаются официальная и закулисная дипломатия, взаимные обиды и ощущение каждой из сторон своей правоты.

Такая среда нестабильна и может иметь склонность как к улучшению ситуации, так и к ее ухудшению. Внутри нее может происходить все, что угодно, могут выдвигаться любые предложения и формулы урегулирования. Для стабилизации ситуации, в идеале, необходим поиск точек соприкосновения, работа по тем направлениям, где есть схожие или даже общие позиции. Реализация этого требует наличие беспристрастного и авторитетного посредника, которого на данный момент пока не видно.

США с этой ролью справляются плохо, они уже оттолкнули от себя одну из главных сторон конфликта - ПНА.

28 января 2020 г. Д.Трамп представил политическую часть своего мирного плана, который уже вызвал осуждение в арабском мире [27]. Он носит откровенно произраильский характер, заранее выставляя палестинцам невыполнимые условия, что делает его имплементацию практически неосуществимой. Дело не только в том, что палестинскую проблему в который раз решили без активного участия самих палестинцев, сама суть американского предложения направлена на признание израильского суверенитета над Иорданской долиной, Восточным Иерусалимом и еврейскими поселениями, не говоря уже о «снятии» с повестки дня проблемы палестинских беженцев. Фактически можно говорить о попытке юридического закрепления результатов политики «свершившихся

¹ «Процесс Осло» - двусторонние переговоры в Осло между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП) с целью урегулирования израильско-палестинского конфликта, проходившие под эгидой Норвегии (*прим. ред.*).

фактов», абсолютно неприемлемых для палестинской стороны, во всяком случае, согласно их нынешней позиции. На этом фоне обещания отдать под палестинский контроль территории в западной части пустыни Негев и предоставить значительную финансовую помощь выглядят довольно слабыми и неубедительными².

Тем не менее, американский план может сыграть некоторую положительную роль в будущем. Как верно подметил руководитель Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН Д.Марьясис: «...документ может лечь в основу каких-то новых процессов между палестинцами и израильтянами, которые позволят как-то сдвинуть с мертвой точки этот болезненный и сильно затянувшийся конфликт» [28].

Достаточно вспомнить, что переговоры в рамках «мадридской формулы» в 1991-1992 гг. сами по себе не дали результата, но заложили базу для «процесса Осло», длившегося на протяжении всех 1990-х гг. Однако, на данный момент, имплементация плана почти неосуществима, что делает вполне логичным поиски решения иных вариантов урегулирования палестино-израильского конфликта.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Москва, не обладающая по сравнению с Вашингтоном значительным экономическим потенциалом, тем не менее, занимает особое положение как сторона, имеющая рабочие контакты со всеми ведущими акторами региона. Официальная точка зрения Российской Федерации в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта основывается на резолюциях ООН и двухгосударственном урегулировании. Дополнение к ней было сделано 6 апреля 2017 г., когда МИД России выпустил Заявление, согласно которому Восточный Иерусалим рассматривается как столица будущего палестинского государства, а Западный Иерусалим в качестве столицы Государства Израиль [29].

Такой шаг был сделан Россией в курсе общих усилий по возобновлению мирного процесса, предлагая, в т.ч., свою площадку для ведения переговоров. Однако эти предложения по-прежнему остаются нереализованными, Б.Нетаньяху и М.Аббас частые гости в российской столице, только посещают они ее порознь. Российские эксперты отмечают, что стремление играть роль посредника таит в себе опасность достижения

противоположных результатов. «Риск для Москвы состоит в том, - пишет российский исследователь Ю.Бармин, - чтобы в очередной раз не показать, что запуск мирного процесса в его существующем формате невозможен. Это же будет очередным подспорьем в «сделке века», которую продвигает Вашингтон, и откроет путь к пересмотру условий переговорного процесса...» [30, с. 18].

Москва скептически относится к плану Вашингтона по возобновлению мирного процесса, считая, что он не в достаточной степени отражает интересы палестинцев. Велика вероятность, что российская сторона не будет поддерживать и «иорданский вариант», если в ходе его реализации не будет создано палестинское государство.

Пока «сделка века» еще продвигается американцами как основной путь палестино-израильского примирения, России будет трудно позиционировать себя как одну из ключевых сторон в посредничестве. Несмотря на опыт активного участия в мирном процессе, начиная с коспонсорства на встрече в Мадриде в 1991 г. и членства в ближневосточном «квартете» с 2002 г., региональные силы видят роль России больше в качестве противовеса Соединенным Штатам, чем в посредничестве.

Исходя из этого, наиболее правильным видится курс на продолжение сближения с ключевыми сторонами конфликта и налаживания доверительных отношений. Чем тесней и обширней будут связи нашей страны с израильтянами и арабами, тем больше будет шансов на то, что региональные элиты станут рассматривать Москву как реальную площадку для ведения переговоров, а не некий абстрактный «запасной аэродром» на случай изменения ситуации.

Однако для этого необходимо провести большую работу и российской элите, которой нужно осознать, что положительный образ России складывается, в т.ч. и благодаря адекватной гуманитарной политике во всех ее проявлениях. Встреч на высоких уровнях, предоставления военной помощи или поставок энергоресурсов странам-реципиентам явно недостаточно. Следует уделять больше внимания развитию контактов на неправительственном уровне. Повышение государственной поддержки в области образования, науки, бизнеса (особенно малого и среднего), информационной политики и т.д. поможет увеличить эффективность российской «мягкой силы», тем самым сбалансировав явный перекос в сторону «жесткой силы» 4 .

² Собственно, сам план подробно изложен на 180 страницах в докладе «Peace to Prosperity. A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People». Но без палестинского одобрения ценность данного труда существенно нивелируется (прим. авт.).

 $^{^3}$ Подробнее об этом см.: Звягельская И.Д. «История Государства Израиль» *(прим. авт.)*.

выводы

Нестабильность существующего положения дел негативно влияет на мирный процесс, делая его достаточно зависимым от колебаний в мировой политике. В этой связи прогнозирование на большой промежуток времени выглядит нецелесообразным. В ближайшей перспективе развитие ситуации может происходить в нескольких направлениях:

1. Сохранение статуса-кво. Данная тенденция представляется наиболее вероятной. Глубоко укоренившийся антагонизм, неприятие между палестинцами и израильтянами продолжит быть главным камнем преткновения в мирном процессе. Неспособность Вашингтона объединить вокруг себя стороны конфликта значительно снижает его возможности как медиатора.

Неурегулированность порождает кризисную ситуацию, которая ведет к деградации положения. Нерешенные проблемы становятся причинами для «взрыва», а поводом может стать абсолютно любое событие. Обострение может носить как локальный характер, например «марши возвращения» в Секторе Газа или единичные террористические акции с применением бомб, холодного оружия, камней и т.д., так и массовые, первой (1987-1993 гг.), второй⁵ (2000-2005 гг.) и даже третьей интифад (2015-2016 гг.), когда насилие охватило значительные слои населения [31].

Агрессия в сторону израильтян обычно приводит к еще большей их уверенности в развитии поселенчества как средства борьбы с террором. Также рост насилия может стать причиной для смягчения позиции Израиля в ходе дипломатических пе-

реговоров, как это происходило в начале 1990-х гг. и в ходе размежевания с Сектором Газа в 2005 г.

Индикатором реализации данного сценария будет дальнейшее строительство израильских поселений на оккупированных территориях, как ответ - сохранение насилия и террористических акций со стороны палестинских радикалов. Фактически, это позиция отказа от создания независимого палестинского государства.

2. Ассоциированное государство. Этот вариант является менее вероятным, чем первый, но сохраняющий за собой определенный статус «запасного», т.к. его реализация подразумевает либо полный, либо частичный отказ от формулы «два государства для двух народов». До тех пор, пока не будет достигнуто урегулирование на двухгосударственной основе, идеи различного рода объединений продолжат преследовать мирный процесс, время от времени всплывая на поверхность.

Имплементация этого сценария может выражаться как в виде конфедерации, так и в виде других форматов совместного политико-территориально-административного устройства.

3. Создание палестинского государства. Этот вариант является самым маловероятным, т.к. подразумевает вывод израильских войск с палестинских территорий и возврат к линии перемирия, существовавшей до Шестидневной войны 1967 г. Для его осуществления необходимы предпосылки в виде глубоких сдвигов в израильском обществе, переосмысления понятия безопасности для самого Израиля.

В основе реализации этого варианта лежит полное следование международным резолюциям, но не исключены незначительные поправки при одобрении ООН.

Список литературы / References

- 1. Lukacs Y. The Israel-Palestinian Conflict: A Documentary Record. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- 2. Statement to the Knesset by Prime Minister Meir March 16, 1972. Israel Ministry of Foreign Affairs. Vol. 1-2: 1947-1974. https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook1/Pages/37%20Statement%20to%20the%20Knes-set%20by%20Prime%20Minister%20Meir.aspx (accessed 23.11.2019)
- 3. Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Vol. IX. Arab-Israeli Dispute, August 1978-December 1980. Second, Revised Edition. Washington: United States Government Publishing Office, 2018.
- 4. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948-2014). М., Издательство «Аспект Пресс», 2015. (Karasova T.A. 2015. Israel and the USA: Main stages of strategic partnership (1948-2014). М.) (In Russ.)
- 5. Галесник М. По обе стороны стены: Беседы Х.Мисгава с Шимоном Пересом. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2005. (Galesnik M. 2005. Along two sides of the wall: conversation K.Misgav with S.Peres. M.) (In Russ.)
 - 6. Shultz G.P. Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State. NY: Charles Scribner's Sons, 1993.
- 7. Карасова Т.А. Ближневосточное урегулирование и израильское общество. *Ближний Восток и современность*. *Сборник статей (выпуск седьмой)*. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999. (Karasova T.A. 1999. Middle East settlement and Israeli society. *Middle East and the Modernity*. *Collection of Articles (Issue Seven)*. M.) (In Russ.)

⁴ Подробней о «мягкой» и «жесткой» силах написано в работе Дж.Ная «Будущее Власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век» (прим. авт.).

⁵ Подробнее об этом описано в работе А.В.Федорченко, А.В.Крылова и В.М.Морозова «Государство Палестина: право на будущее» (прим. авт.).

- 8. Ланда Р.Г. История Иордании. XX век. М., ИВ РАН, 2016. (Landa R.G. 2016. The History of Jordan. XX century. М.) (In Russ.)
- 9. США готовы изменить подход к палестино-израильскому конфликту. *BBC русская служба*, 15.02.2017. (The USA is ready to change an approach to Palestinian-Israeli conflict. *BBC Russian service*. 15.02.2017) (In Russ.). http://www.bbc.com/ russian/news-38978303 (accessed 25.09.2019)
- 10. «Сделка века» США по Палестине потерпит неудачу, считает эксперт. *PИА Новости*. 28.06.2019. («Deal of the century» of the USA on Palestine will fail, thinks an expert. *RIA news*. 28.06.2019) (In Russ.). https://ria.ru/20190628/1556017582.html (accessed 22.09.2019).
- 11. Shaul Y. Trump's «deal of the century» hasn't a hope of brining peace. *The Guardian*. 17.05.2019. https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/may/17/trumps-deal-century-peace-israel-palestine (accessed 06.11.2019)
- 12. Прохватилов В. «Сделка века» Трампа не имеет шансов. Фонд стратегической культуры. 27.06.2019. (Prokhvatilov V. «Deal of the century» of Trump does not have a chance. Strategic Culture Foundation. 27.06.2019) (In Russ.). https://www.fondsk.ru/news/2019/06/27/sdelka-veka-trampa-ne-imeet-shansov-48476.html (accessed 30.09.2019)
- 13. Linn E., Siryoti D. US floats Palestinian-Jordanian confederation as part of peace plan, Abbas claims Israel Hayom. 3.03.2018. https://www.israelhayom.com/2018/09/03/us-floats-palestinian-jordanian-confederation-as-part-of-peace-plan-abbas-claims/ (accessed 4.11.2019); Ahren R. Abbas voices support for tripartite «confederation» with Israel and Jordan. *The Times of Israel*. 2.09.2018. https://www.timesofisrael.com/abbas-voices-support-for-tripartite-confederation-with-israel-and-jordan/ (accessed 29.10.2019)
- 14. King meets retired servicemen, veterans. The Royal Hashemite Court. 5.09.2018. https://rhc.jo/en/media/news/king-meets-retired-servicemen-veterans (accessed 8.11.2019)
- 15. Kenion H., Toameh K.A. King Abdullah Declines to Renew Part of Jordan's Peace Deal with Israel. *The Jerusalem Post*. 21.10.2018. https://www.jpost.com/Middle-East/King-Abdullah-cancels-part-of-Jordans-peace-deal-with-Israel-569892 (accessed 23.10.2019)
- 16. Keinon H. Official: Israel not behind Jordanian-Palestinian confederation idea. *The Jerusalem Post.* 3.09.2018. https://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Official-Israel-not-behind-Jordanian-Palestinian-Confederation-idea-566412 (accessed 7.11.2019)
- 17. Ahren R. Grenblatt tell TOL: US won't propose Israel-Jordan-Palestinian confederation. *The Times of Israel*. 8.10.2018. https://www.timesofisrael.com/greenblatt-tells-toi-us-wont-propose-israel-jordan-palestinian-confederation/?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter (accessed 11.11.2019)
- 18. Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М. Государство Палестина: право на будущее. М.: МГИМО-Университет, 2018. (Fedorchenko A.V., Kryulov A.V., Morozov V.M. 2018. The State of Palestine: right for the future. М.) (In Russ.)
 - 19. Public Opinion Poll No (69). Press Release. Palestinian Center for Policy and Survey Research. 12.09.2018. 20. Cubbison W. Two States for Two People? A Long Decline in Support. The Israel Democracy Institute. 23.10.2018.
- 20. Cubbison W. Two States for Two People? A Long Decline in Support. The Israel Democracy Institute. 23.10.2018 https://en.idi.org.il/articles/24664 (accessed 12.11.2019)
- 21. Beilin Y. The two-state solution can be achieved through a confederation. *The Jerusalem Post.* 9.09.2019. https://www.jpost.com/Israel-News/The-two-state-solution-can-be-achieved-through-a-confederation-601058 (accessed 15.11.2019)
- 22. Frisch H., Sokoloff Y. Trump, the Mideast Conflict, and the Jordanian Option. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. *BESA Center Perspectives Paper* No. 407, 5.02.2017.
 - 23. Eran O. The Idea of Jordanian-Palestinian confederation, Revised. T-A. INSS Insight № 1092, 6.09.2018 (In Hebrew)
- 24. Saleh M.M. Strategic Assessment (108): The Deal of the Century: Developments and Scenarios. Al-Zaytouna Centre for Studies & Consultations. 27.09.2018. http://eng.alzaytouna.net/2018/10/03/strategic-assessment-108-the-deal-of-the-century-developments-and-scenarios/ (accessed 13.11.2019)
- 25. Al-Makahleh S. How Kissiger drew up the future of Jordan, Israel and Palestine. *Al Arabiya*. 21.09.2018. https://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2018/09/21/How-Kissinger-drew-up-the-future-of-Jordan-Israel-and-Palestine.html (accessed 15.11.2019)
- 26. Two States or One? Reappraising the Israel-Palestinian Impasse. Washington: Rice University's Baker Institute for Public Policy, Carnegie Endowment for International Peace, 2018.
- 27. Trump releases long-awaited Middle-East peace plan. *BBC News*. 28.01.2020. https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51288218 (accessed 7.02.2020)
- 28. Марьясис Д.А. План Трампа по палестино-израильскому урегулированию нереализуем. РСМД. 31.01.2020. (Maryasis D.A. Trump's Israeli-Palestinian Settlement Plan is Unreal. RIAC. 10.02.20) (In Russ.). https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/plan-trampa-po-palestino-izrailskomu-uregulirovaniyu-ne-realizuem/ (accessed 10.02.2020)
- 29. Заявление МИД России. 6.04.2017. (Statement of the Russian MFA. 6.04.19) (In Russ.). https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/2717182 (accessed 23.10.2019)
- 30. Бармин Ю.Н. Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений: рабочая тетрадь № 42/2018. М., НП РСМД, 2018. (Barmin Y.N. 2018. Russia and Israel: Middle eastern dimension of relationship: workbook № 42/2018. М.) (In Russ.)
- 31. Корочкина В.А. Третья интифада? Размышления над ситуацией с оглядкой назад. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 3 (716). (Korochkina V.A. 2017. Third intifada? Reflections on the situation with a look back. *Asia and Africa Today*. № 3) (In Russ.)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

МОСКВА И ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

© 2020 В. ШУБИН

DOI: 10.31857/S032150750008726-0

ШУБИН Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; научный сотрудник Центра военных исследований Стелленбошского университета (ЮАР), член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня» (vlgs@yandex.ru)

Резюме. В статье рассматриваются вопросы сотрудничества нашей страны с Африканским национальным конгрессом Южной Африки (АНК) и, прежде всего, с его вооруженной организацией «Умконто ве сизве» («Копье нации»). Отмечается, что АНК, используя как одну из форм борьбы вооруженную, не скатывался на путь терроризма, чему способствовали именно его связи с СССР, подготовка военных кадров конгресса в Советском Союзе. Говорится о шагах по осуществлению предусмотренной в принятой в 2013 г. Совместной декларации об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и ЮАР «деятельности по сохранению исторической памяти о сотрудничестве в борьбе с апартеидом и воспитанию молодого поколения двух стран в антирасистском духе».

Ключевые слова: ЮАР, Африканский национальный конгресс, «Умконто ве сизве», СССР, военная подготовка, терроризм

Статья подготовлена при содействии Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-514-60002 «Международная солидарность с борьбой против апартеида: историческая память в России и Южной Африке», и НИФ в рамках научного проекта № 19-51-00001.

MOSCOW AND THE ARMED STRUGGLE IN SOUTH AFRICA

Vladimir G. SHUBIN, Dr.Sc. (History), Principal Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Centre for Military Studies, Stellenbosch University (South Africa); member, Editorial Board, "Asia and Africa Today" journal (vlgs@yandex.ru)

Abstract. The article considers international terrorism, as one of the pressing problems of our time and states that that this topic requires particularly deep analysis, if only because there is no universally recognized definition of terrorism, which creates a reason or better said, an excuse for its different interpretation, for "blurring" the border between terrorism and the justified use of armed violence.

To clarify the issue the article, based on the documents and testimonies of the participants in the events, analyses the relations of our country with organizations that have used the armed force as a form of struggle, having taken as an example the African National Congress of South Africa... (ANC and, above all, its armed organization "Umkhonto we Sizwe" ("Spear of the Nation"). It is noted that the ANC, using armed as one of the forms of struggle, did not slide on the path of terrorism, which was facilitated by its ties with the USSR, the training of military personnel of the Congress in the Soviet Union and by Soviet specialists in Angola.

The article concludes with steps to implement the Joint Declaration on the establishment of a Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Republic of South Africa, signed in 2013, to "to preserve the historical memory of cooperation in the struggle against apartheid and education of young generations of both countries in the non-racial spirit".

Keywords: South Africa, African National Congress, Umkhonto we Sizwe, USSR, military training, terrorism

Одной из острых проблем современности является международный терроризм, против которого, как предполагается, должны совместно действовать все страны. Без сомнения, эта тема требует особого глубокого анализа хотя бы потому, что нет универсально признанного определения терроризма, что дает возможность, а лучше сказать, повод для различного толкования его, для «размытия» границы между терроризмом

и оправданным применением вооруженного насилия. К тому же к этому термину прочно «приклеилось» определение «исламский», хотя террористы встречаются и среди приверженцев других религий, будь это христианство, буддизм, индуизм или иудаизм¹.

Проблема эта отнюдь не новая, хотя и обострившаяся в последние годы, вплоть до создания террористического «Исламского государства»,

Упомянем хотя бы такие действия военизированных организаций еврейских поселенцев в Палестине, как взрыв в гостинице «Царь Давид» 22 июля 1946 г. в Иерусалиме, приведший к гибели 91 человека, или убийство 17 сентября 1948 г. посредника ООН графа Фольке Бернадота, внука шведского короля.

под властью которого оказалось несколько миллионов человек. Была эта проблема и ранее, в период т.н. холодной войны.

Порой высказывается мнение, в т.ч. и серьезными исследователями², о том, что в прошлом террористы могли пользоваться поддержкой двух противостоявших сил. Например, один из сотрудников Института США и Канады РАН, рассуждая о «тайной поддержке спецслужбами двух сверхдержав разного рода "борцов за свободу"», о созданной ими «разветвленной системе подготовки и оснащения «повстанческих» организаций»³, приводит цифры обучения бойцов национально-освободительных движений в СССР и подготовки афганских т.н. «моджахедов» ЦРУ и пакистанской разведкой.

Полагаю, что такой подход ущербен по нескольким причинам.

Во-первых, он рассматривает представителей, как теперь выражаются, «глобального Юга» в качестве объектов, а не субъектов, которые сами зачастую инициировали установление связей со «сверхдержавами», могли влиять на их политику, а иногда впоследствии и выступать против них, как это произошло, например, с Усамой бен Ладеном, которого называли «выпускником университета ЦРУ».

Во-вторых, ставя в кавычки слова «борцы за свободу», этот автор объединил в одной категории как действительных борцов за свободу, против колониальных и расистских режимов, так и экстремистов, разрушивших существовавшее в Афганистане секулярное государство.

В-третьих, и это, пожалуй, наиболее печально, «на одну доску» им ставятся Москва и Вашингтон.

В качестве доказательства поддержки терроризма в годы холодной войны со стороны обоих противостоявших друг другу блоков нередко приводятся имевшие место контакты службы безопасности ГДР («Штази») с террористами-леваками из Западной Германии. Тема эта выходит за рамки статьи; скажем только, что объективную оценку действий сотрудников «Штази» можно будет дать лишь при условии открытия архивов их основных политических и практических противников - Федерального управления по защите Конституции, контрразведки и других спецслужб ФРГ.

Мы же на документах и свидетельствах участников событий рассмотрим отношение нашей страны с организациями, использовавшими в качестве одной из форм борьбы вооруженную,

на примере Африканского национального конгресса Южной Африки (АНК).

Конечно, сотрудничество в этой области было лишь частью разностороннего содействия, оказываемого СССР национально-освободительному движению в Южной Африке. Оно включало политическую поддержку, гуманитарную помощь, подготовку академических и политических кадров, лечение раненых и больных... Его объем был велик, но его значение было, в первую очередь, в том, что Советский Союз оказывал поддержку, когда другие не могли или не хотели этого делать, и это касается, прежде всего, военных вопросов.

Необходимо подчеркнуть, что решение об отказе АНК от сугубо ненасильственной борьбы было принято самими южноафриканцами, а не навязано извне, как это некоторые пытаются доказать. Существует известная латинская поговорка: «De mortuis aut bene aut nihil - «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Однако есть и ее более длинная версия - «De mortuis aut bene aut nihil isi verum» -«О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды»», и мы применим ее при рассмотрении книги ныне покойного британского автора Стивена Эллиса - «Внешняя миссия. АНК в эмиграции» [1]. Он утверждал, что решение ЦК Южноафриканской компартии (ЮАКП) «начать вооруженную борьбу» было принято в декабре 1960 г. после обсуждения «с высшими должностными лицами двух основных партнеров» (Москвы и Пекина).

Действительно, делегация ЮАКП во главе с ее председателем Юсуфом Даду была в Москве осенью 1960 г. в связи с проведением международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Большинство наших документов, касающихся этого визита, все еще не доступны. Достаточно сказать, что из 26 документов Сектора Африки Международного отдела ЦК за первые три года его существования (1958-1961), хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), рассекречен лишь один. Однако, будучи сотрудником этого сектора, я имел возможность ознакомиться с записью беседы этой делегации с Н.А.Мухитдиновым, в то время членом Президиума (Политбюро) и секретарем ЦК КПСС, из которой ясно, что вопрос о возможном использовании вооруженной формы борьбы вообще не затрагивался⁴.

Согласно архивным документам, это произошло год спустя, 18 ноября 1961 г., во время беседы генсека ЮАКП Мозеса Котане и Юсуфа Даду

² Такого рода утверждения иногда делают и на весьма высоком уровне, не осознавая, что тем самым наносят оскорбление сотням, если не тысячам наших граждан, участвовавших в практической помощи борцам за свободу.

³ Примечательно, что слова «борцы за свободу» и «повстанческие организации» этот автор ставит в кавычки, а термин «моджахед» приводится уже без кавычек.

⁴ Необходимо пояснить, что, кроме официальных секретных (с «красным штампом») документов, в сейфах (точнее, в железных шкафах) в кабинетах Международного отдела было немало других конфиденциальных документов. Слышал я позднее от руководителя одного из московских архивов, что документы эти, когда помещения отдела осенью 1991 г. были заняты российским Министерством иностранных дел во главе с «тем самым» Козыревым, просто свалили в кучу в подвальном помещении этого архива. Их дальнейшая судьба автору неизвестна.

с Б.Н.Пономаревым, секретарем ЦК и заведующим Международным отделом. Перед встречей с Пономаревым руководители ЮАКП представили важный документ - «Заметки о некоторых аспектах политической ситуации в Южно-Африканской Республике» [2]. Из этого документа следует, что со стороны южноафриканцев даже накануне 16 декабря 1961 г. - начала боевых операций вооруженной организации «Умконто ве Сизве» 5 подход ее организаторов, руководства АНК и ЮАКП, был весьма осторожным.

По словам М.Котане, «насильственные меры, применяемые правительством, и его новые методы и тактика борьбы с нашими демонстрациями и забастовками поставили под сомнение мудрость и политическую правильность политики ненасилия, проводимой Союзом конгрессов⁶ при поддержке [коммунистической] партии... эта политика была недавно подвергнута жесткой критики со стороны членов партии, а также многих членов Союза конгрессов» [2, pp. 11-12].

Пойдя под этим давлением на изменение форм борьбы, руководство ЮАКП и Союза конгрессов все еще были довольно осторожны. Они рассматривали возможность «использовать некоторые элементы насилия во время нашей массовой борьбы, такие как пикетирование и нарушение связи», а также «шаги, которые должны быть предприняты в ожидании будущей вооруженной борьбы», в т.ч. обучение стрелковому оружию и изготовлению и применению самодельных взрывчатых веществ. В этой связи Котане и Даду обратились к Москве с просьбой «подготовить нескольких военных инструкторов» [2, р. 13].

28 ноября 1961 г. Секретариат ЦК КПСС своим решением поддержал, хотя и осторожно, позицию южноафриканских лидеров, подчеркнув, что «необходимо не противопоставлять одну форму борьбы другим, а умело сочетать все эти формы. Вооруженная борьба - это борьба широких народных масс. Это означает, что в условиях подготовки к вооруженной борьбе политическая работа, работа по завоеванию масс приобретает решающее значение»⁷.

Таким образом, документы показывают, что Москва не подталкивала антирасистские силы в Южной Африке к вооруженной борьбе, а согласилась оказывать им помощь, одновременно предупреждая о приоритетности политической работы. Да и обучение инструкторов было предложено первоначально организовать не в СССР, а, используя «возможности, в некоторых друже-

ственных странах, например, в Гвинее или Гане», где тогда были советские военные специалисты.

Однако на практике сделать это в то время оказалось нереальным, и военная подготовка южноафриканцев борцов за свободу нашими военными на африканской земле началась только много лет спустя, в 1979 г. в Анголе. А первоначально обучение бойцов «Умконто ве сизве» стало проводиться в Советском Союзе.

Оливер Тамбо, тогдашний заместитель президента Африканского национального конгресса⁸, впервые посетил Москву в апреле 1963 г., и этот визит означал возобновление прямых связей между Конгрессом и Советским Союзом. Возобновление, поскольку президент АНК Джосайя Гумеде посетил СССР 36 годами ранее, в 10-ю годовщину Октябрьской революции 1917 года, однако это стало лишь эпизодом в наших отношениях.

Визит Тамбо, его беседы с Б.Н.Пономаревым и другими советскими официальными лицами открыли дверь для всесторонней поддержки АНК и его союзников. Поначалу АНК направлял своих активистов на военную подготовку из ЮАР через Танзанию в другие африканские страны - Марокко, Египет и Эфиопию. Однако на беседах в Москве Тамбо поставил вопрос об их широкомасштабной подготовке в СССР, мотивировав это тем, что значительное число бойцов эти страны принять не могут. Сложности при выборе мест для подготовки были и политического характера, например в Эфиопии⁹, да и безопасность активистов АНК далеко не всегда была гарантирована. Один из них, приехавший в нашу страну на лечение после многолетнего тюремного заключения в Южной Африке, рассказывал, как во время допроса в полиции ему показали фотоснимок, на котором он был снят во время пребывания в Каире.

К тому же и подготовка там не всегда была качественная, а то и просто опасная. Другой активист, также обучавшийся в Египте, Симон Сенна вспоминал: «К счастью, во время этой подготовки... мы были единственными, кто не понес жертв... нас обстреливали [очевидно, во время учений], и мы видели, как египтянин умирал... Мы были изможденными, когда вернулись [в Дар-эс-Салам]» [3, pp. 428-429].

Вскоре после возвращения в Танзанию, где находился лагерь АНК, он был вновь направлен на подготовку - в СССР, и на этот раз его воспоминания были другими: «Советская подготовка была

7 Центр хранения современной документации (ныне - РГАНИ), фонд 4, опись 18, дело 1017, л. 61-63.

⁵ «Умконто ве сизве» («Копье нации») было официально создано как отдельная организация, но впоследствии стала рассматриваться как «Народная армия АНК».

⁶ В этот Союз входили - АНК, Индийский национальный конгресс, Конгресс цветного населения и Конгресс (белых) демократов, в которых активно действовали члены запрещенной еще в 1950 г. компартии.

⁸ Президент АНК Альберт Лутули находился тогда в ссылке в Стагнере в Натале (ЮАР), в 1967 г. он погиб там при странных обстоятельствах.

⁹ Напомним, что Эфиопия выступила союзником США в Корейской войне (1950-1953), там существовала американская военная база, а в 1953 г. с США был подписан договор о взаимной обороне.

гуманной. Это была и обычная военная подготовка, и политическая подготовка, потому что вы должны знать, за что вы боретесь, как обращаться с врагом гуманно. Вы не должны убивать только ради убийства. Вы должны убивать солдат и полицейских, а не гражданских лиц, даже если они ваши враги» [3, р. 429].

Я могу полностью подтвердить такой подход при военной подготовке активистов АНК, как и других организаций в нашей стране. Как говорится, «по долгу службы» мне не раз приходилась бывать на военных объектах, обычно сопровождая руководителей АНК или встречаясь с теми из них, кто сам проходил там подготовку. Вспоминается, например, схема на стене в учебном классе, подготовленная для занятия на тему атаки на полицейский участок, но нигде, никогда и никого в Советском Союзе не учили нападениям на школы или больницы, захвату самолетов и другим действительно террористическим актам.

Отказ от терроризма был принципиальной позицией руководства АНК. Еще на «Ривонийском процессе» 10 в 1964 г. над руководителями АНК и ЮАКП Нельсон Мандела говорил в своей речи: «Но насилие, которое мы выбрали - это не терроризм... Возможны четыре формы насилия. Есть саботаж, есть партизанская война, есть терроризм и есть открытая революция. Мы решили принять первый метод и полностью проверить перед тем, как принять какое-либо другое решение» 11.

Этот подход довольно своеобразно выразил однажды в разговоре с автором Джо Слово, тогда начальник штаба «Умконто ве сизве»: «Когда при допросе схваченных активистов АНК им прищемят..., они дают показания. Но никто из них не может сказать, что руководство давало им указания нападать на гражданских лиц».

Необходимо, однако, отметить, что в обстановке жестоких репрессий со стороны властей и участившихся в 1980-х гг. нападениях на объекты АНК, зачастую гражданские, в соседних с ЮАР «прифронтовых» африканских государствах, сохранить такой подход было нелегко.

Вопрос о тактике боевых операций стал предметом обсуждения на состоявшейся в 1985 г. в г. Кабве (Замбия) консультативной конференции АНК. Речь на ней шла о «мягких целях» и о проведении операций и в «белых районах». К сожалению, сама постановка этого вопроса дала повод для грубого искажения принципиальной линии АНК, обвинениям в намерении стрелять по белым гражданским лицам, начать «оргию убийств, кровопролития и хаоса», хотя под «мяг-

кими» целями имелись в виду, прежде всего, личный состав полиции и армии в отличие от «твердых» целей - стратегических и военных объектов. Эпизод этот показал руководству АНК необходимость строгого отбора используемых терминов, чтобы не давать повода для пропаганды противника.

Но все же, пусть изолированные, недопустимые инциденты имели место, такие как взрыв 23 декабря 1985 г. накануне Рождества в торговом центре в курортном городке Аманзимтоти недалеко от Дурбана. Совершивший его активист АНК Эндрю Зондо действовал из чувства мести за гибель шести членов АНК и трех граждан Лесото во время рейда тремя днями ранее южноафриканской армии в г. Масеру, столице этой страны [15].

Следует, однако, отметить, что, когда такие акции стали предметом обсуждения на заседании Исполкома АНК, при активном участии Оливера Тамбо было решено твердо указать структурам «Умконто ве сизве» и активистам, действовавшим в подполье, об их недопустимости.

Видимо, стоит сказать хотя бы несколько слов и о механизме принятия решений в Москве - как о подготовке кадров, так и о поставках для нужд АНК, прежде всего, «Умконто». В условиях существовавшей в те годы в нашей стране политической системы ведущую роль в этом вопросе играл Международный отдел ЦК, но при этом проекты записок из этого отдела высшему руководству КПСС, как правило, содержали фразу о согласовании с Министерством иностранных дел (обычно на уровне заместителя министра). Исключение составляли записки по вопросам межпартийных связей, а также некоторые наиболее «чувствительные», например, об оказании содействия в конце 1980-х гг. усилиям АНК по созданию вооруженного подполья в ЮАР, ставшими известными как «Операция Вула» [4].

Правильно будет и упомянуть имена тех сотрудников Международного отдела ЦК КПСС, которые отвечали за поддержание связей с национально-освободительным движением в Южной Африке и являлись авторами практически всех записок и проектов соответствующих решений. С 1961 по 1966 гг. это был Владимир Георгиевич Шемятенков, а затем - почти четверть века - Андрей Юрьевич Урнов: сначала как референт, затем заведующий Сектором Африки, а с 1986 г. по конец 1990 г. - заместитель заведующего Международным отделом ЦК¹².

При этом активная, можно сказать, повседневная связь поддерживалась с Министерством обо-

¹⁰ Он стал известен под таким именем, поскольку большинство обвиняемых были схвачены в Ривонии, пригороде Йоханнесбурга, на ферме Лилиеслиф («Листок лилии»), превращенной ныне в музей.

¹¹ http://db.nelsonmandela.org/speeches/pub_view.asp?pg=item&ItemID=NMS010&txtstr=prepared%20to%20die. Впрочем, правильнее было бы переводить термин «sabotage» как «диверсия», но при этом учитывать, что АНК максимально старалась избегать человеческих жертв, особенно первоначально.

¹² Впоследствии А.Ю.Урнов был первым послом СССР (затем России) в Намибии. В настоящее время он является ведущим научным сотрудником Института Африки РАН.

роны, прежде всего, с созданным в Генеральном штабе специальным подразделением, которое занималось национально-освободительными движениями. Сначала его возглавлял генерал-майор Иван Иванович Скрипка, бывший начальником советской военной миссии при руководстве Словацкого национального восстания, а затем начальником Главного штаба партизанского движения в Словакии, а после него долгие годы - генерал-майор Иван Федотович Плахин, который лично посетил освобожденные от португальцев районы Мозамбика и Гвинеи-Бисау в начале 1970-х гг., а в Анголе был в начале февраля 1976 г., в разгар борьбы не только с антиправительственной оппозицией, но и с интервентами из ЮАР и Заира.

Именно это подразделение Генштаба «курировало» военно-учебное заведение, которое наши африканские друзья обычно называли «Северным учебным центром». Объекты его - дома или «спецквартиры», оборудованные для учебы¹³, находились в Москве и ближнем Подмосковье, а командиром этой воинской части (наши офицеры так его обычно и называли - просто «часть») много лет был полковник, позднее генерал-майор Федор Иванович Федоренко, ветеран Великой Отечественной войны, который командовал партизанской бригадой в Крыму, сражавшейся против немецких и румынских захватчиков. В августе 1974 г. с группой офицеров-преподавателей этого центра он сам совершил поход по партизанским базам ФРЕЛИМО в Северном Мозамбике.

Именно в этот центр уже через несколько месяцев после визита О.Тамбо, летом 1963 г., на учебу прибыли первые группы активистов, среди которых был и Тембесиле Хани, известный в АНК как Крис Хани¹⁴ - будущий комиссар, а затем начальник штаба «Умконто», а с декабря 1991 г. и генсек ЮАКП (погиб 15 апреля 1993 г. от руки польского иммигранта). Много лет спустя он говорил в интервью: «Как может рабочий класс забыть Советский Союз? Я поехал на военную подготовку в Москву, когда мне был 21 год. Меня приняли и чудесно относились» [6].

Руководители АНК не только регулярно посещали кадры «Умконто», обучавшиеся в СССР, но и сами (во всяком случае, большинство из них) проходили, хотя и краткий, курс военной подготовки, как правило, в «Северном центре». Еще в 1964 г. такой курс вместе с группой лидеров АНК прошел Оливер Тамбо, а позднее два будущих президента ЮАР - Табо Мбеки и Джекоб Зу-

¹⁶ Кстати, недавно выращивание ее было легализовано в ЮАР.

ма и несколько министров правительства Нельсона Манделы, например, министр иностранных дел Альфред Нзо, который тогда был генеральным секретарем АНК.

«Из одной московской квартиры вышли три министра» - под таким заголовком опубликовало интервью с автором украинское оппозиционное интернет-издание «Лива» [7]. Об этом случае мне сообщил бывший командующий Южноафриканскими национальными силами обороны, а затем министр человеческих поселений (т.е. жилищного строительства и хозяйства) четырехзвездочный генерал Сипиве Ньянда [8]. Вместе с ним в квартире, как он писал, «на улице Горького» подготовку проходили в 1985 г. нынешний министр обороны ЮАР Носививе Маписа-Нкакула и ее муж Чарльз Нкакула, который ранее тоже возглавлял это министерство, а теперь является советником президента Сирила Рамапосы по вопросам безопасности.

Но что касается массовой военной подготовки, она первоначально была организована в Одесском высшем общевойсковом командном Краснознаменном училище, где ее в 1964-1965 гг. прошли 328 активистов АНК. К сожалению, в архивах (по крайней мере, до настоящего времени) нет доступных документов, касающихся первой, наиболее многочисленной группы, но некоторые из входивших в нее оставили воспоминания 15, а с другими автор имел возможность побеседовать, в т.ч. с Джо Модисе, командиром группы, будущим министром обороны в первом демократическом правительстве ЮАР, и Мозесом Мабидой, ее комиссаром, впоследствии секретарем Революционного Совета АНК, а затем, в 1979 -1986 гг. генсеком ЮАКП.

Воспоминания эти очень разнообразны и о том, как большинство африканцев впервые в жизни посетили театр, и как они жалели знакомых им животных, оказавшихся в тесных клетках в зоопарке. Был и довольно своеобразный эпизод, когда, находясь на полевых занятиях, они обнаружили вокруг дикорастущую коноплю, которая под названием «дахха» («dagga») была весьма популярна у них на родине¹⁶.

В отличие от «Северного центра», учеба в Одессе в «обычном» военном училище имела «общевойсковой» характер (хотя и велась по особой программе), и это дало почву для разного рода спекуляций. Терри Белл, известный в ЮАР «левак», автор книги «Незаконченное дело. Южная Африка, апартеид и истина», подготовленной при участии бывшего сотрудника Комиссии исти-

¹³ О жизни и обучении в одной из таких квартир можно много интересного узнать из книги Барри Гилдера, бывшего координатора разведывательных служб ЮАР, а ныне - посла этой страны в Сирии и Ливане [см.: 5].

¹⁴ Это - сочетание его «подпольного» имени в АНК: Крис Нкосана и настоящей фамилии - Хани.

¹⁵ Особо интересной является книга Ронни Касрилса «Вооружен и опасен», не только выдержавшая несколько переизданий в ЮАР, но и переведенная на русский язык (ИТРК, 2005 г.). В демократической Южной Африке Касрилс занимал посты заместителя министра обороны, министра лесного и водного хозяйства и министра разведывательных служб.

ны и примирения ЮАР Думисы Нтебезы, пишет: «Как сообщалось, были также соглашения между США и СССР», которые «ограничивали любую военную помощь АНК обычной подготовкой, включающей артиллерию и танки», представлявшей «не много пользы для того времени». И делалось это якобы потому, что Москва держала АНК и ЮАКП «в резерве как суррогатов в глобальной игре сверхдержав» [9, pp.119, 274].

Иначе как инсинуацией это назвать нельзя, и не только потому, что, как отмечалось выше, в «Северном центре» готовились кадры именно для подпольной работы и партизанских операций.

В июне 1964 г. из Москвы в Одессу была направлена специальная группа, возглавляемая тогдашним руководителем Сектора Африки Международного отдела ЦК Петром Ивановичем Манчхой, в которую входили и офицеры Генштаба. В целом, ее члены были удовлетворены уровнем подготовки южноафриканцев, но отметили необходимость большего внимания именно подготовке к партизанской борьбе, и соответствующие меры были приняты.

Но есть и другое обстоятельство. Овладение не только стрелковым оружием, но и более сложной техникой, несомненно, укрепляло моральный дух бойцов, тем более что, напомним, в тот период в ЮАР африканцы вообще не допускались до оружия.

По второй большой группе, обучавшейся в Одессе, в РГАНИ есть донесение начальника училища, направленное в ЦК начальником 10-го Главного управления Генштаба генерал-полковником авиации Н.П.Дагаевым 30 апреля 1965 г. ¹⁷ Из него отчетливо видно, с какими трудностями приходилось сталкиваться командованию и преподавателям училища. Например, возраст курсантов был от 14 до 47 лет, из 163 человек 30 были вообще неграмотными, и лишь шесть окончили 12-летнюю среднюю школу. После завершения учебы часть активистов была направлена на продолжение ее на более высоком уровне в военное училище в Ташкенте.

Среди упомянутых в этом документе имен мне встретились несколько хорошо знакомых. Это - Джосайя (в донесении он назван Чусая) Джеле, который много лет входил в состав высшего руководства АНК, а затем был первым представителем демократической Южной Африки в ООН; Муса Мула - член секретариатов Организации солидарности стран Азии и Африки и Всемирного совета

мира, позднее - посол ЮАР в Иране и Пакистане; ныне покойный Бостон Гагарин (именно так он всегда называл себя), герой боевых операций АНК в Зимбабве.

Необходимость более специализированной подготовки становилась все очевидной, поскольку в СССР на учебу стали прибывать большие группы активистов из нескольких африканских антиколониальных организаций - из Намибии, Зимбабве, Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Биссау. И в том же 1965 г. возник еще один, 165-й учебный центр, в Перевальном - в 21 километре по дороге от Симферополя в Ялту - специально для подготовки бойцов из национально-освободительных движений.

В этом центре в различное время проходили подготовку несколько групп активистов АНК¹⁸. Особо важную роль он сыграл, когда в 1969 г. руководство Танзании решило закрыть лагерь «Умконто» близ города Конгва. Как бы удивительным это сейчас ни показалось, ни одна африканская страна не была готова тогда принять бойцов АНК. И по просьбе руководства АНК (и ЮАКП) на самолетах Ил-18 Отдельной Краснознаменной бригады особого назначения (ОКАБОН) основная часть бойцов из этого лагеря была направлена в Симферополь для «переподготовки» в Перевальном. Они вынуждены были оставаться там в течение многих месяцев, но по возвращению в Африку составили, пусть небольшое, ядро «Умконто ве сизве», вокруг которого и сплотились сотни, а потом и тысячи молодых южноафриканцев, бежавших из ЮАР после восстания 1976 г. в Соуэто.

Об этом центре в течение многих лет за рубежом, а в начале 1990-х гг. и у нас, было написано немало небылиц, начиная с искажения названия и его местонахождения. Как слово «Перевальное» только не коверкали, даже в стенах парламента расистской ЮАР - и «Пирвали», и «Проволье» и «Прволне». Но «рекорд» побил, пожалуй, Владимир Абаринов, подвизавшийся тогда в качестве журналиста в ряде «постперестроечных» российских газет 19, а ныне предпочитающий быть корреспондентом «Радио Свобода» в Вашингтоне. С его «легкой», а скорее, «нелегкой» руки, этот центр перенесся в Привольное в Николаевской области [10], и теперь «на просторах Интернета» можно встретить немало как под копирку написанных историй о «спецшколе ГРУ в районе поселка Привольное Николаевской области

¹⁷ Н.П.Дагаев, Международный отдел ЦК КПСС, 30 апреля 1965 г. Донесение начальника Одесского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища о состоянии учебной и политико-воспитательной работы среди курсантов-южноафриканцев на спецотделении по состоянию на 1 апреля 1965 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 694. Л. 75-89. Копия. Машинопись. Автор служил в этом управлении в 1966-1969 гг. В 1992 г. оно было реорганизовано в Главное управление международного сотрудничества Министерства обороны РФ.

¹⁸ Автор встретил там одну из них в марте 1977 г.

¹⁹ Абаринов специализировался на «демонизации» АНК. Чего стоит хотя бы такой заголовок его статьи: «Советские танки на Юге Африки раздавят не апартеид, а попытку национального примирения» (Независимая газета, 8.08.1992). Он утверждал, что АНК якобы спрятал в Анголе 5 танков, хотя такое вооружение АНК из нашей страны вообще не поставлялось.

УССР», где, среди прочих, проходили подготовку «боевики AHK» 20 .

Пиком дружественных отношений АНК с Советским Союзом можно назвать встречу его президента с Михаилом Горбачевым в Кремле 4 ноября 1986 г. Я присутствовал на этой встрече и вспоминаю, как Горбачев проинформировал Оливера Тамбо, что президент ЮАР Питер Бота «стучится в наши двери через третью, даже четвертую сторону, но мы не спешим», и заверил его, что любой шаг в этом направлении будет сделан только после консультации с руководством АНК. Горбачев не сдержал свое слово, как и в других случаях, однако помощь Москвы продолжалась, включая практическую поддержку операции «Вула»²¹ по созданию сети вооруженного подполья в ЮАР, которой руководил сам Тамбо. Именно с целью закрытой встречи с Сатьяндранатом («Маком») Махараджем, возглавлявшим эту сеть, тайно прибывшим в Москву, был связан последний приезд Оливера Тамбо в Москву в июле 1989 г.

Проведение встречи на высшем уровне позволило начать удовлетворение просьбы, которую руководство АНК, и особенно командующий «Умконто ве сизве» Джо Модисе, неоднократно высказывало ранее - о подготовке офицерских кадров, причем не только для сухопутных войск, но и для авиации и флота.

Это было достаточно дальновидно в преддверии радикальных политических перемен в ЮАР, и такая подготовка, наряду с центром в Перевальном, преобразованном в 1980 г. в Симферопольское объединенное военное училище, стала проводиться в нескольких городах СССР, в т.ч. в Каспийском высшем военно-морском училище в Баку и в Учебном центре ВВС во Фрунзе. Именно здесь учились нынешние командующие ВМФ вице-адмирал Мосуве Хлонгване и ВВС - генерал-лейтенант Фабиан Мсиманг, а главнокомандующий Южноафриканскими национальными силами обороны генерал Солли Шоке и командующий армией (сухопутными войсками), недавно безвременно скончавшийся генерал-лейтенант Табисо Мокхоси, окончили курсы командиров бригад в Москве.

Отдельной статьи заслуживает рассказ о группе советских военных специалистов при АНК в Анголе, созданной в 1979 г. по просьбе Оливера Тамбо. Первым ее руководителем был Вячеслав Федорович Ширяев, которого члены АНК знали как «комрад Иван». Его сменили «комрад Джордж» (Герман Пименов), «комрад Майкл» (Михаил Иванович Коноваленко) и «комрад Виктор» (Виктор Федорович Белуш). Всего с 1979 по 1991 гг. в Анголе с «Умконто ве сизве» работали

свыше 200 советских военных - специалистов по военно-боевой работе (созданию вооруженного подполья), тактике, инженерному делу, рукопашному бою, связи, ремонту оборудования связи, врачи, переводчики. Ныне покойный капитан первого ранга Ширяев оставил статью о своей службе в Анголе [11, с. 88-92], а полковник Белуш отразил этот период своей жизни в мемуарах [12], но многое еще остается несказанным.

Военное, да и другое сотрудничество с АНК было прервано после августа 1991 года. Но нужно отметить, что сложности начались еще ранее. Довольно неожиданно нашим правительством было принято решение, что подготовка в СССР всех иностранных военнослужащих должна оплачиваться теми, кто их направил. Решение это было сугубо финансовым (экономика страны в финале ныне злополучно известной «перестройки» катилась под откос), а не политическим. Можно даже сказать, аполитическим, поскольку оно было принято «оптом», его авторы совершенно не сознавали особый характер наших отношений с АНК.

Конечно, мы попытались изменить ситуацию, и подразделением Международного отдела, ответственном за связи с Африкой (к тому времени оно было переименовано из сектора в группу), была подготовлена соответственная записка на имя Горбачева и направлена в Крым, в Форос, где он был в отпуске. Но буквально через несколько дней ситуация в стране радикально изменилась.

Здесь не место для оценки трагических событий августа 1991 года, скажем только, что отношение к ситуации на Юге Африки изменилось коренным образом, символом чего стали подписание в Претории Козыревым, нынешним обитателем особняка в Майами (штат Флорида), по прямому указанию президента России соглашения об установлении дипломатических отношений с правительством «старой» ЮАР и особенно прием Ельциным в Кремле Фредерика де Клерка 1 июня 1992 г. фактически вместо Нельсона Манделы.

Одним из шагов по разрушению складывавшихся в течение нескольких десятилетий отношений Москвы с АНК было прекращение обучения и высылка (еще из СССР) осенью 1991 г. всех бойцов «Умконто ве сизве», в то время как Джо Модисе и Криса Хани, пытавшихся приехать и обсудить возможность продолжения их учебы на взаимно приемлемых условиях, просто отказались принять.

Но постепенно ситуация стала меняться к лучшему. Когда в 1996 г. Ельцину пришлось принять верительные грамоты у первого посла демократической Южной Африки, им был никто иной, как Сипо Макана, бывший глава миссии АНК в СССР, еще ранее прошедший в нашей стране,

²⁰ Пример такого шедевра - статья под заголовком «СССР - спонсор мирового террора», распространяемая автором с довольно откровенным ником «Антисоветский». См.: https://antisovetsky.livejournal.com/11001.html

²¹ Название «Вула» - сокращенное от слов «Вулиндела» («Открыть путь» - на языке зулу). Подробно о ней, в частности, рассказано в книге автора [см.: 4].

как тогда выражались, спецподготовку. А ныне ЮАР, согласно Совместной декларации, официально является стратегическим партнером России.

* * *

Попробуем подвести итоги. Как уже говорилось выше, особая ценность поддержки нашей страной АНК была не только (и не столько) в большом объеме помощи, прежде всего, «Умконто се сизве», но и в том, что она оказывалась нередко тогда, когда другие не могли или не хотели этого делать.

Другая важная роль этих отношений состоит в том, что они помогали сохранить и укрепить дух, как выражаются в Южной Африке, «нерасовости», характерный для АНК. «Белые» советские офицеры учили черных южноафриканцев военному делу; не раз и не два я слышал, что недавние жители черных тауншипов впервые в Советском Союзе видели белых женщин, занимающихся физическим трудом.

И большая, возможно, главная заслуга, прежде всего, наших военных была в том, что они помогли АНК и «Умконто ве сизве» не допустить превращения национально-освободительной борьбы в расовый конфликт и особенно - не допустить использования террористических методов.

Память о нашем сотрудничестве в ЮАР еще жива, и автор мог вновь убедиться в этом, приняв участие в прошлом году в конференции по истории первых лет вооруженной борьбы за ос-

вобождение, проведенной как раз в музее в Ривонии. Ее хорошо выразил в своем выступлении на конференции Ронни Касрилс: «Без сомнения, помощь, предоставленная Советским Союзом в рассматриваемый период (как и в дальнейшем), была основой выживания МК [«Умконто ве сизве»]» [13].

Восемь граждан России, и среди них упомянутые в этой статье А.Ю.Урнов и В.Ф.Ширяев, за вклад в борьбу против режима апартеида награждены южноафриканским орденом «Сподвижники О.Р.Тамбо» (в серебре), а в мемориальном комплексе «Парк свободы» в Претории на Стене Памяти начертаны имена 67 советских офицеров, погибших в ходе оказания помощи освободительным движениям на Юге Африки.

Но слово «еще» употреблено выше не случайно: за три десятка лет, прошедших со времен нашего активного сотрудничества, ряды ветеранов поредели и продолжают таять. Отсюда - особая важность положения принятой в 2013 г. Совместной декларации об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и ЮАР о «деятельности по сохранению исторической памяти о сотрудничестве в борьбе с апартеидом и воспитанию молодого поколения двух стран в антирасистском духе» [14].

Достижению именно этой цели посвящен и совместный российско-южноафриканский проект, осуществляемый сотрудниками Института Африки РАН и южноафриканскими историками, в рамках которого подготовлена данная статья.

Список литературы / References

- 1. Stephen Ellis. External Mission. The ANC in Exile. Jeppestown, Jonathan Ball Publishers, 2012.
- 2. Notes on some aspects of the political situation in the Republic of South Africa. 9 November 1961.
- 3. 'Simon Senna', in South African Democracy Education Trust (eds), The Road to Democracy: South Africans telling their stories, Vol. 1, 1950-1970. Mutloatse Heritage Trust, Houghton, 2008.
- 4. Шубин В.Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., Институт Африки PAH, 1999. (Shubin V.G. 1999. African National Congress in the years of underground and armed struggle. M.) (In Russ.)
 - 5. Barry Gilder. Songs and Secrets: South Africa from Liberation to Governance. London, Hurst, 2012.
 - 6. The Star. Johannesburg, 11.12.1991.
- 7. Из одной московской квартиры вышли три министра. (Three ministers came out of one Moscow apartment) (In Russ.). http://liva.com.ua/vladimir-shubin.html (accessed 01.12.2019)
 - 8. Siphiwe Nyanda to Vladimir Shubin. Letter, 10 December 2002.
 - 9. Bell T. with Ndebeza T. Unfinished Business: South Africa, Apartheid and Truth, New York and London: Verso, 2003.
 - 10. Сегодня. М., 1993, № 5. (1993. Segodnya. Moscow, № 5) (In Russ.)
- 11. Ширяев В.Ф. Меня звали товарищ Иван. *ВВКТЙУ ВМФ*. Воспоминания выпускников 1961 г. М., 2005. (Shiryaev V.F. 2005. I was called comrade Ivan. Reminiscences of the 1961 graduates of the Navy Higher Military Red Banner Technical Engineering College. М.) (In Russ.)
- 12. Белуш В.Ф. 30 лет в одном строю со временем (Воспоминания и размышления). М., Издатель Белов И.Б., 2014. (Belush V.F. 2014. 30 years in the same ranks with time (Memories and reflections). М.) (In Russ.)
- 13. Kasrils Ronnie. MK in the Aftermath of Rivonia (1963-1976). (Paper presented at the conference "The Rivonia generation and the turn to armed struggle in South Africa").
- 14. Совместная декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой. (Joint Declaration on the establishment of a Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Republic of South Africa) (In Russ.). http://www.kremlin.ru/supplement/1428 (accessed 15.12.2019)
- 15. Amanzimtoti blast kills five. https://www.sahistory.org.za/dated-event/amanzimtoti-blast-kills-five (accessed 15.11.2019)

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

АФРИКА: «ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

© 2020 Т. ГАВРИСТОВА

DOI: 10.31857/S032150750008720-4

ГАВРИСТОВА Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Ярославский Государственный университет им. П.Г.Демидова (tanja1994@mail.ru)

Резюме. Статья посвящена становлению постколониального нарратива в Африке. В центре внимания автора - исследования, проведенные выдающимися учеными-африканцами, и их вклад в развитие современной гуманитарной науки: истории, философии, социальной и культурной антропологии, экономики. Ретрансляция их идей заслуживает особого внимания. В условиях глобализации и дигитализации ангажированность постколониального дискурса возрастает, и Африка вопреки стереотипам обретает свою собственную интеллектуальную историю.

Ключевые слова: «колониальная библиотека», постколониальный дискурс, нарратив, история, философия, афрополитизм, идентичность, Африка

AFRICA: «POST-COLONIAL LIBRARY»

Tatiana M. GAVRISTOVA, Dr.Sc. (History), Professor, P.G.Demidov University, Yaroslavl (tanja1994@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the evolution of postcolonial narrative in Africa and African Diaspora. The author focuses on African studies - the creative works of prominent African scholars and their contribution to the development of modern humanities: history, philosophy, social and cultural anthropology, economics. Vumbi Yoka (Valentine Yves) Mudimbe, Kwame A.Appiah, Toyin Falola, Achill Mbembe, Dambiza Moyo following the principle of objectivity reconstruct the pictures of the Past and the Present, creating images of modern free Africa, with its problems and achievements. Their works are in demand thanks the original research vectors closely connected with the works of their predecessors: African authors and philosophers of postmodernism.

Postcolonial and colonial discourses are inextricably linked. «Postcolonial library» exists now not only as an alternative to «colonial library», but also as its continuation. The books of «postcolonial library» have been translated into many languages and integrated the compulsory reading range for university students in Europe and America. Among them world bestsellers as V.Y.Mudimbe's «The Invention of Africa» (1988), K.A.Appiah's «In My Father's House: Africa in the Philosophy of Culture» (1992), A.Mbembe's «On the Postcolony» (2000), D.Moyo's «Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa» (2009), T. Falola's «Ibadan: Foundation, Growth and Change. 1830-1960» (2012); etc. The involvement of the postcolonial discourse is growing, and Africa, contrary to stereotypes, is gaining its own intellectual history.

Africans become actors not only in the field of African, but also Global Studies, as evidenced by the bias of their ideas and the interest that the media show. In the context of globalization and digitalization, they are quite able of declaring themselves using the capabilities of virtual space. Scholars appear on many media platforms, including TED Talks, Hard Talk..

Keywords: «Colonial library», postcolonial discourse, narrative, history, philosophy, afropolianism, identity, Africa

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался расцветом постколониального дискурса. Его развитие было инициировано выходом в свет неувядаемой книги Эдварда Саида «Ориентализм» (1978 г.)¹ [1], на десятилетия вперед определившей направления развития гуманитарного знания. Благодаря актуализации африканских исследований состоялось «открытие» истории и культуры континента самими африканцами континента и диаспоры.

«ДЕТИ ГЕРОДОТА»

«"Глобальная Африка", "Афротопия", "Афрополития" - понятия, наводнившие в последние десятилетия научную литературу, СМИ и интернет. Их появление свидетельствует как о возникновении новых нарративов, так и о масштабных трансформациях в мире» - такой, справедливой во всех отношениях, констатацией открывается книга молодого российского африканиста Н.Е.Хохольковой «Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций» [2, с. 9].

На протяжении столетий африканские исследования велись с позиций европоцентризма. И хотя в настоящее время Африка все еще воспринимается как периферия, лишенная собственной истории и культуры, она обрела свой собственный топос (место в истории) и собственный голос, став

¹ Эдвард Вади Саид (1935-2003) - выдающийся ученый, специалист в области культурной антропологии, музыкант, литературный критик, родился в Иерусалиме, умер в Нью-Йорке; преподавал в Принстонском и Колумбийском университетах США; автор книги «Ориентализм» (1978 г.), определившей начало нового - постколониального - дискурса и ставшей мировым бестселлером на последующие десятилетия.

подлинным актором мировой политики и в еще большей мере - культуры. В обсуждение ее прошлого и настоящего включились сотни профессионалов африканского происхождения, обозначив новые тренды в развитии гуманитарных наук.

Актуализация африканских исследований привела к расширению и обновлению круга изучаемых проблем. С одной стороны, за счет их «очеловечивания», интеграции сюжетов повседневной, гендерной, интеллектуальной, персональной истории, социальной и культурной антропологии, корпусной лингвистики. С другой - в силу дигитализации научного и культурного пространства, введения в оборот огромного количества источников в формате виртуальной реальности (блогосферы, инстаграмма, фейсбука, твиттера, пинтереста).

Особенностью современного периода стало многократное увеличение ученых-африканцев, которые, руководствуясь призывами пионеров науки, активно изучают Африку и ее место в глобальном мире.

Развитие постколониального дискурса оказалось возможным благодаря деятельности людей, остроумно названных Волей Шойинкой «детьми Геродота»². Именно они встали на путь фиксации устной истории и создания нарративов, способствовали репрезентации Африки, ее аутентичности, идентичности, эксклюзивности, сделав ее видимой вопреки стереотипам. Это ученые, писатели, публицисты, теоретики и практики, генерирующие и ретранслирующие эмпирический и эзотерический (умозрительный) пласты накопленных знаний.

В рамках данной статьи речь пойдет о пионерах постколониального дискурса. Волею судеб они принадлежат разным поколениям. Генный субстрат их исследований, так или иначе, связан с аккумулированием идей Али Мазруи (1933-2014), безусловного лидера в области африканских исследований, методологии Шейха Анта Диопа (1923-1986) [подробнее см.: 3; 4] и выдающихся достижений дуайена африканского литературоведения Абиолы Иреле (1936-2017).

Обращение к изучению современного состояния африканских исследований дает возможность по-новому взглянуть на интеллектуальную историю континента.

УРОКИ В.Й. МУДИМБЕ

Вумби Йока Мудимбе³ - писатель, поэт, публицист, философ. А.Мазруи называл его «Эдвардом

Саидом современной африканистики». Принадлежащие перу ученого монографии: «Изобретение Африки» (1988 г.) [5] и «Идея Африки» (1994 г.) [6] - содержат детальный анализ трудов предшественников и для развития африканских исследований не менее важны, чем «Ориентализм» Э.Саида.

С точки зрения В.Мудимбе, «колониальная библиотека» (совокупность знаний об Африке, аккумулированных европейцами) продолжает оказывать влияние на умы африканцев: в их среде есть приверженцы разных методологических и исследовательских школ. Конструируя образ Африки, В.Мудимбе, подобно Э.Саиду, проанализировал череду дискурсов: от Люсьена Леви-Брюля, Плачиде Темпельса, Алекет Ссиса Кагаме до негритюда Леопольда Сенгора, марксистских теорий, популярных среди интеллектуалов и политических лидеров 1960-1970-х гг., противопоставив их друг другу.

Свой метод он назвал «функциональной (динамичной) антропологией» в противовес различного рода «рефлексиям»: проповедям, исповедям, отповедям, написанным с позиций европоцентризма. Главный посыл ученого, адресованный африканцам («своим»), точно сформулировала Ноа Соу, писатель, художник, фрилансер, постоянно проживающая в Германии: «Мы творим историю, мы пишем историю, мы - история!» [7, р. 28].

«Метис в пенсне» - так в шутку именуют чистокровного африканца В.Й.Мудимбе коллеги за сочувствие афроцентризму (в лице Шейха Анта Диопа) и приверженность идеям Жака Дерриды, Мишеля Фуко, Освальда Шпенглера. Труды мэтра несут в себе печать европейских и африканских влияний. Синтезируя множество подходов, В.Й. Мудимбе создал собственную эпистемиологию научного знания, предложив свои ответы на вопросы, волновавшие не только его, но и общество, и научные круги: Что такое Африка? Что значит быть африканцем? Что есть африканская идентичность? Именно они определили основные тренды междисциплинарных исследований на протяжении последних десятилетий, став своего рода «ключом к познанию» африканского мира.

Особую роль, по мнению ученого, играет механизм репрезентации континента через символы, образы, знаки. Расшифровка кодов определила границы «игры», целью которой стало постижение Африки. В.Й.Мудимбе использует термин «постижение» вслед за

² «Дети Геродота» - так называлась лекция писателя, поэта, драматурга, публициста Воле Шойинки, первым из африканцев удостоенного в 1986 г. Нобелевской премии в области литературы. Она была прочитана на открытии международной конференции («Шойинковские чтения») в феврале 2012 г. в Университете Южной Африки (UNISA). Многогранность ее смысла открывала перед присутствующими на форуме исследователями (среди них была автор данной статьи) необъятное поле деятельности, направленной на изучение истории Африки, которая сравнительно недавно рассматривалась как континент «без истории». По мнению В.Шойинки, развенчать стереотипы должны продолжатели традиций, заложенных «отцом истории».

³ Вумби Йока (Валентин-Ив) Мудимбе родился в 1941 г. в Бельгийском Конго; писатель, философ; долгие годы жил и работал в Бельгии, Франции, Швейцарии, США.

А.Тойнби⁴. В своей во многом новаторской книге «Уроки Мудимбе» (2016 г.) автор впервые предложил вниманию читателей изложение современной интеллектуальной истории с учетом африканских реалий.

По сути, исследование представляет собой альтернативу «колониальной библиотеке». Ученый отдал дань полюбившимся ему приемам постмодернизма. В книге нашлось место аллюзиям и «ироничному» цитированию, что послужило поводом для критики, прозвавшей автора «даррилианием».

Первая часть книги рассказывает о попытках самого В.Й.Мудимбе, профессора университета в ныне уже не существующем государстве Заир, на заре независимости, сбалансировать представления об африканской аутентичности и методологию западных исследователей. Вторая - включает анализ расовых, этнических, религиозных нарративов в контексте изучения постколониальной ситуации в Африке и мире. В третьей части автор рассматривает античные тексты во взаимосвязи с проблемой кросс-культурного диалога в противовес идеям однонаправленного культурного трансфера с акцентом на африканскую современность. Завершающая (четвертая) часть посвящена визуальным образам Африки, причинам противоречивого отношения к «примитивной» культуре, начиная с эпохи Возрождения, и ее ангажированности на исходе XX века [8].

ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: КВАМЕ ЭНТОНИ АППИА И ТОЙИН ФАЛОЛА

Проблема идентичности является ключевой в африканских исследованиях. Интерес к ней связан с осознанием вековой сегрегации и дискриминации, с борьбой с многообразными комплексами (вины, неполноценности) и развенчанием огромным количеством стереотипов относительно «варварства» и «невежества» чернокожих дикарей.

Кваме Энтони Аппиа⁵ - один из тех, кого можно назвать пионером африканской культурной антропологии. Его блестящее историко-культурное наследие позволяет проследить эволюцию представлений об аутентичности и идентичности, афроцентризме и космополитизме, о том, что значит быть Другим - африканцем и афро-американцем, европейцем и метисом, цветным, черным, интеллектуалом, геем, рабом, христианином, либералом в мире, где глобальные проблемы, безусловно, превалируют над глокальными.

Его выдающаяся книга «В доме отца моего» (1992 г.) [9] в 1993 г. была удостоена престижной

премии Мелвила Джила Херсковица (1895-1963), этнографа, антрополога, стоящего у истоков современных африканских и афро-американских исследований в США. За ней последовали «Цветное сознание» (1996 г.) [10] в соавторстве с Эми Гутманн; совместные труды с Генри Льюисом Гейтсом-младшим. В 2005 г. в издательстве Принстонского университета вышла монография «Этика идентичности» [11], а в 2006 г. - «Космополитизм: этика в мире незнакомцев» [12].

Идеи космополитизма занимали К.Э.Аппиа на протяжении всей жизни и, прежде всего, в бытность профессором в Гарварде. В силу происхождения он всегда ощущал себя «гражданином мира». Космополитизм для ученого стал не только этикой, но и моралью. Он соотносил эволюцию его идей с видоизменением представлений о гражданстве, профессиональном и семейном статусе, отдавая предпочтение изучению пересекающихся групп идентичности в рамках макроистории. Люди, по мнению К.Э.Аппиа, обладают множеством идентичностей, что в условиях глобализации содействует самореализации в семье и обществе, политике и профессии, в бизнесе и виртуальной реальности, в национальном и планетарном масштабах

В 2009 г. журнал «Форбс» включил Кваме Энтони Аппиа в список (он был составлен президентом Принстонского университета) семи самых влиятельных ученых мира. Его труды к тому времени уже были переведены на арабский, китайский, голландский, французский, немецкий, грузинский, иврит, индонезийский, итальянский, корейский, польский, португальский, румынский, испанский языки. В 2018 г. в Великобритании и США одновременно вышла его фундаментальная работа: «Ложь, которая связывает» [13] - обновленный, по сравнению с периодом 1990-х гг., взгляд на проблему идентичности.

Круг научных интересов К.Аппиа многогранен: в настоящее время это новая литературная история, религия и, как всегда, культура постмодерна. Для него она существует преимущественно в своем транснациональном, глобальном контексте как инструмент поиска новых кодов и смыслов, как механизм, если не «изобретения», то, по крайней мере, «открытия» Африки.

Тойин Фалола⁶ (ровесник К.Э.Аппиа), один из самых аутентичных ученых Африки и Нигерии, по этнической принадлежности йоруба. С молоком матери он впитал в себя ту атмосферу интеллектуальной напряженности, которая царила в Ибаданском университете, первом высшем учебном заведении Тропической Африки, где сформировалась

⁴ Арнольд Джозеф Тойнби (1889-1975) - выдающийся историк, философ, один из основоположников методологии цивилизационного подхода, автор фундаментального труда «Постижение истории» (1934-1961 гг.).

⁵ Кваме Энтони Аппиа родился в 1954 г. в Лондоне; философ, историк, специалист в области культурной антропологии; его отец Джозеф Эммануэль Аппиа (ашанти), дипломат, в 1977-1978 гг. представлял Гану в ООН; мать - англичанка, писательница Пегги Криппс, дочь министра финансов Великобритании сэра Стаффорда Криппса.

⁶ Тойин Фалола родился в 1953 г.; историк, постоянно живет и работает в США; сфера его интересов - история Нигерии, история Африки, история Америки.

целая плеяда ученых, писателей, публицистов, ныне олицетворяющих «Имя Нигерия», включая создателя блестящей нигерийской публицистики и драмы В.Шойинку и «отца» современного африканского литературоведения А.Иреле.

Книга Т.Фалолы «Ибадан: основание, рост, перемены. 1830-1960» (2012 г.) - 1012 с. текста! [14] - и его воспоминания «Уста слаще соли» [15] представляют собой сплав личной истории, истории города, истории народа йоруба с его песнями, пословицами, таинствами и политической истории Нигерии. Вместе они стали продолжением мемуаров выпускника Ибадана В.Шойинки («Аке: годы детства», «Исара» и «Ибадан») [16; 17; 18]. Книги можно рассматривать как лучшие образцы «документальной прозы», вместившие в себя память и опыт, эмоцию и размышления. По ним следует изучать историю и культуру йоруба, африканские религии, философию, медицину, искусство, литературу.

Сфера научного интереса Т.Фалолы вмещает в себя темы рабства, террора, насилия, историю городского пространства, вопросы исторической памяти и диалога культур. Его подходы востребованы; у него немало учеников и последователей. Для них мэтр и его труды стали «путеводной звездой» не только в выборе жизненного пути, но и в отношении к историко-культурному наследию Нигерии, воплощением которого являются вербальные традиции: устный рассказ и его фиксация в границах художественного и научного нарративов.

«ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»: НОВЫЕ ЖАНРЫ И НОВЫЕ ИМЕНА

Поколение современных африканских исследователей восприняло методологию, стили, жанры, реконструированные учеными, рожденными в 1930-1950-х гг. Оригинальность подходов, тиражируемых африканской интеллектуальной элитой, заключается, прежде всего, в намерении соединить несоединимое (отсюда и трансцендентальный характер генерируемого ими знания), чтобы разработать собственный алгоритм и на его основе сконструировать картину мира, где Африка обрела бы свою подлинность, свое право на существование, свою онтологию (философию бытия во взаимосвязи с познанием и логикой) наравне с другими континентами. Как следствие, на уровне научных исследований афроцентризм и евроцентризм формируют общий для африканских исследований генный субстрат и воспринимаются теперь в неразрывной связи внутри дихотомии как две части бинарной оппозиции.

Постколониальный дискурс, соответственно, может рассматриваться как альтернатива колониальному. Востребованность мета- и мегажанроводна из очевидных характеристик нарративов эпохи постмодерна и постколониального дискурса, возникшего на заре цифровой революции и информационной эпохи. Смешение жанров - одна из

особенностей африканских исследований. Академические тексты содержат элементы мемуарной литературы и публицистики; научные биографии несут в себе заряд житийной традиции и политического детектива; мемуары вмещают элементы анализа, что только способствует их ангажированности. И это не столько следствие недифференцированности знания, как в 1960-1980 гг., сколько реализация намерения авторов вписаться в мировые тренды.

Стремление африканцев изучать Африку в контексте глобальных проблем вывело их на универсальные рубежи, заставив перешагнуть границы региона и континента. Свидетельство тому - появление новых имен, в т.ч. женских.

АХИЛЛ МБЕМБЕ: ОТ АФРОПЕССИМИЗМА К АФРОПОЛИТИЗМУ

Камерунский философ и историк, бывший профессор истории и политических наук Гарвардского университета (Институт Дюбуа), ныне работающий в Витватерсрандском университете в Йоханнесбурге (ЮАР), Ахилл Мбембе, испытал на себе влияние В.Й. Мудимбе. Его книга «О постколонии» (2000 г.) - сборник эссе весьма провокационного содержания - вместила в себя рассуждения об Африке на разных уровнях: историческом, экономическом, политическом (в первых двух главах), а также на уровне художественных образов, психологии, философии и богословия (в последних четырех).

Книга была впервые опубликована в Париже на французском языке, а спустя год в издательстве Калифорнийского университета - на английском. Автор продемонстрировал намерение уйти от западных «клише, фантазий и страхов» и, следуя установкам Зигмунда Фрейда и Франца Фанона, констатировал, что существующий в научной и популярной литературе образ Африки далек от реальности: это бессознательная проекция комплекса вины, дезавуация позиций оппонентов и просто ретрансляция устаревшей информации, утратившей свою достоверность [19].

В предисловии к обновленному изданию книги 2015 г. А.Мбембе поставил вопрос о том, как меняется общество в условиях постколониализма, что скрывается под маской Отца (Бога-Запада) и какой облик тот принимает после крушения колониализма? Как меняются в пространстве и времени отношения двух антиподов, в каких сферах они себя проявляют?

Подобно В.Й.Мудимбе, А.Мбембе рассматривает Африку не изолированно, как «вещь в себе», а во взаимоотношении с остальным миром. Следуя постмодернистским навыкам, он разыгрывает «карты Африки» на политическом, психологическом, семиотическом (коды), гендерном полях, заполняя «пустоту», образовавшуюся в границах «колониальной библиотеки», где Африка являет собой антитезу Западу (образ «абсолютно Другого»). В противовес концепции М.Фуко и его иде-

ям биоэнергетики, А.Мбембе находит аргументы об отсутствии в Африке необходимых для цивилизованной жизни вещей недостаточными для объяснения современных форм конфронтации и подчинения, дополняя их идеями «некрополитики» (отрасли биополитики, которая изучает механизмы контроля над смертностью) [20].

По мнению А.Мбембе, «в современном мире суверенитет определяется способностью решать, кто может жить, а кто должен умереть» [21]. Поэтому человеческая жизнь обесценивается.

Проявления некрополитики он видит в радикальных действиях власти, таких как устранение «ненужных людей», вопиющие нарушения прав и человеческого достоинства женщин, сексуальное рабство, наркоторговля [22]. И если прежде насилие совершалось в силу социального неравенства, в настоящее время ситуацию усугубляет огромный избыток рабочей силы. В обществе гиперпотребления ценность человеческой жизни определяется экономической рентабельностью, провоцируя физическое и социальное насилие и избавление от «ненужных» людей, в т.ч. за счет стран третьего мира - «зон смерти», где смерть становится ключевым проявлением господства и сопротивления.

Подобного рода взгляды оппоненты ученого расценивали как «афропессимизм», хотя А.Мбембе никогда не был склонен к оценке ситуации только в «черном цвете», не замалчивал достижений африканских предпринимателей и того, что страны континента, в т.ч. за счет диаспоры, наращивают свой научный и интеллектуальный потенциал.

С искренней симпатией А.Мбембе отнесся к сторонникам афрополитизма - интеллектуальной парадигмы, возникшей за пределами Африки в среде поколения, рожденного на рубеже 1970-1980 гг. Принадлежащие к нему писатели, публицисты, блогеры предприняли контратаку на общественное мнение с целью признания достижений африканцев и развенчания стереотипов. Профессионалы, ориентированные на успех и карьерный рост, состоятельные, склонные к консюмеризму, видели в афрополитизме новую идентичность и мораль, альтернативу космополитизму, позиционируя себя не как граждане - как африканцы мира [22].

А.Мбембе родился в 1957 г. и в силу возраста не мог идентифицировать себя, как они: большинству из них он в отцы годился; однако он неоднократно демонстрировал им свою духовную близость, подчеркивая, что современная литература афрополитизма, как и музыка, питают его творчество наряду с философией постмодернизма.

А.Мбембе - не только автор академических трактатов, но и сторонник деколонизации универ-

ситетского образования, популяризатор науки. Он тиражирует свои взгляды, используя СМИ и киберпространство, адаптируя научные идеи для широкой публики и пытаясь таким образом разрушить «башню из слоновой кости», которая нередко рассматривается обывателями как обитель интеллектуалов.

«МЕРТВАЯ ПОМОЩЬ»

Доктор Дамбиза Мойо, выпускница Гарварда и Оксфорда, включенная журналом «Тайм» в список «самых влиятельных людей в мире», родилась в Замбии в 1969 г. Она автор ряда бестселлеров - «Мертвая помощь: почему помощь не работает и что лучше для Африки» (2009 г.) [23], «Как потеряли Запад: пятьдесят лет экономического безумия и безупречный выбор, который впереди» (2011 г.) [24], «На краю хаоса: почему демократия не в состоянии обеспечить экономический рост и как это исправить» (2018 г.) [25].

Совмешая академическую деятельность с практической, Д.Мойо успешно занимается разработкой инвестиционной стратегии, управления рисками в странах с развивающейся экономикой и по праву считается одним из лучших специалистов в области международной экономики. Она изучала политическую, экономическую и финансовую ситуацию на местах - в 75 странах мира, благодаря чему стала постоянным экспертом, обозревателем и участником многих финансовых сетей, выступала с лекциями о перспективах развития глобальных рынков, рынка труда и влиянии геополитики на экономику и статьями в Financial Times, Barrons и др.

В книге «Мертвая помощь» автор акцентировала внимание на бесполезности внешней помощи, наносящей ущерб странам Африки, и необходимости ее прекращения. Интерес к исследованию был огромен. Практически сразу книга была опубликована на китайском, английском, французском, немецком, греческом, итальянском, японском, корейском, польском, португальском, испанском и голландском языках. По мнению Д.Мойо, помощь на протяжении десятилетий поощряла коррупцию и усиливала обнищание населения, препятствуя экономическому росту. Автор предлагала вкладывать деньги в развитие, стимулировать поддержание мира, утверждая, что успеха можно достичь только через стимулирование частного сектора и создание свободного рынка, иначе мир может оказаться на грани хаоса.

Д.Мойо - участник многих программ на радио и ТВ. Ее TED⁷-лекция (2013 г.) и выступление на *HARD Talk*⁸ (2011 г.) вызвали большой интерес

⁷ TED Talks - ежегодная конференция, инициируемая частной некоммерческой организацией TED (*Technology*. *Entertainment*, *Design*), созданной в 1984 г. в США с целью распространения уникальных идей в области науки и культуры. Участниками конференций в разные годы были Кваме Энтони Аппиа (2014 г.), Чимаманда Нгози Адичи (2009 г.; 2014 г.), Биньяванга Вайнайна (2015 г.) и др. ученые и писатели.

⁸ HARD Talk - телешоу на канале BBC; в числе его гостей были президент США Д.Трамп (2017 г.), министр иностранных дел РФ Сергей Лавров (2018 г.), Ч.Н..Адичи (2014 г.) и др.

в среде профессионалов и всех тех, кто интересуется развитием глобальной экономики. В 2019 г. в одном из интервью она обозначила шесть «встречных ветров», которые препятствуют экономическому росту. В их числе: развитие технологий, рост населения, дифференциация доходов, увеличение задолженности, нехватка ресурсов, снижение производительности труда. По словам аналитика, «время, в которое мы живем, уникально. Мы никогда прежде не видели такой скорости роста населения, которую мы наблюдаем сегодня, и впредь никогда не увидим. К 2100 г. численность населения в мире достигнет 11 млрд. Кроме того, наблюдается перекос в сторону роста населения в районе развивающихся рынков, где экономика крайне вялая. Мы должны ценить не только количество, но и качество рабочей силы. Предприятия уже борются за привлечение работников,

обладающих навыками, необходимыми в эпоху высоких технологий. Сокращение кадрового резерва представляет опасность для компаний и мировой экономики. Возникнут проблемы, связанные с беспорядочной иммиграцией, нехваткой природных ресурсов и состоянием окружающей среды» [26]. Именно такой Д.Мойо видит ситуацию в будущем.

Африка меняется. Она заявляет о себе, уже не просто обновляя, а формируя современный субстрат не только африканских, но и глобальных исследований. Встраивание Африки в мировой контекст разрушает стереотипы, заложенные в границах колониального дискурса, и создает для африканской интеллектуальной элиты особые перспективы, тем более что мотивация на образование, академический и карьерный рост на континенте действительно высока.

Список литературы / References

- 1. Саид Э.В. Ориентализм. Санкт-Петербург: Русский міръ, 2006. 637 с. (Said E.V. 2006. Orientalism. St.Petersburg) (In Russ.)
- 2. Хохолькова Н.Е. Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций. М., ИАфр РАН, 2019. 194 с. (Khokholkova N.E. 2019. Afrocentrism in the USA: Theory and Practice of Sociocultural Transformations. М.) (In Russ.)
- 3. Гавристова Т.М. Неизвестная Африка: история в биографиях. Ярославль, Филигрань, 2014. 194 с. (Gavristova T.M. 2014. Unknown Africa: A History in Biographies. Yaroslavl) (In Russ.)
- 4. Гавристова Т.М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль, ЯрГУ, 2002, 308 с. (Gavristova T.M. 2002. African intellectuals out of Africa. Yaroslavl) (In Russ.)
 - 5. Mudimbe V.Y. The Invention of Africa. London: Bloomington, 1988. XII, 241 p.
 - 6. Mudimbe V.Y. The Idea of Africa. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1994. 256 p.
- 7. Sow N. Diaspora Dynamics: Shaping the Future of Literature. *Journal of the Africa Literature Association*. 2017. Vol. 11. Pp. 28-33.
 - 8. Mudimbe V.Y. The Mudimbe Reader. Charlottesville: University of Virginia Press, 2016. 280 p.
 - 9. Appiah K.A. In My Father's House: Africa in the Philosophy of Culture. N.-Y.: Oxford University Press, 1992. 225 c.
- 10. Appiah K.A., Gutmann A. Color Conscious: The Political Morality of Race. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1998. 200 p.
 - 11. Appiah K.A. The Ethics of Identity. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2007. 384 p.
 - 12. Appiah K.A. Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2006. 196 p.
- 13. Appiah K.A. The Lies That Bind: Rethinking Identity. Creed, Country, Colour. Class, Culture. London: Profile Books, 2018. 272 p.
 - 14. Falola T. Ibadan: Foundation, Growth and Change. 1830-1960. Ibadan: Bookcraft, 2012. 1012 p.
 - 15. Falola T. A Mouth Sweeter than Salt: An African Memoir. University of Michigan Press, 2004. 288 p.
- 16. Шойинка В. Аке: годы детства. *Шойинка В. Избранное*. М., Радуга, 1987. С. 231-437. (Soyinka W. 1987. Ake: the Years of Childhood. M.) (In Russ.)
 - 17. Soyinka W. Isara: A Voyage around "Essay". L.-N.-Y.: Vintage, 1991. 262 p.
 - 18. Soyinka W. Ibadan, The Penkelemes Years. A Memoirs. 1945-1967. L.: Methuen Publishing Ltd, 2000. 397 p.
 - 19. Mbembe A. On the Postcolony. Berkley: Univ. of California, 2001. 274 p.
 - 20. Mbembe A. Necropolitics. *Public Culture*. 2003. № 15 (1). Pp. 11-40.
- 21. Mbembe A. At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa. *Public Culture*. 2000. № 12(1). Pp. 259-284.
- 22. Гавристова Т.М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. № 9. Т. 2. С. 159-172. (Gavristova Т.М. 2017. Afropolitanism: an Alternative to Cosmopolitanism or Identity Transformation. Vestnik of St. Petersburg University. Oriental and African Studies. № 9, V. 2) (In Russ.)
- 23. Moyo D. Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa. http://cms.medcol.mw/cms uploaded resources/4685 4.pdf (accessed 03.12.2019)
 - 24. Moyo D. How the West was Lost: Fifty Years of Economic Folly. London: Penguin Books, 2012. 240 p.
- 25. Moyo D. Edge of Chaos: Why Democracy Is Failing to Deliver Economic Growth and How to Fix It. N.-Y.: Basic Books, 2018. 320 p.
- 26. Maxwell Ch. Dambisa Moyo on six barriers to global growth and how leaders can shatter them. https://www.director.co.uk/dambisa-moyo-on-the-six-barriers-to-growt (accessed 03.12.2019)

РЕЦЕНЗИИ

ЯПОНИЯ. «СИСТЕМА 1955 ГОДА»

© 2020 K. САРКИСОВ

DOI: 10.31857/S032150750008731-6

CAPKИCOB Константин Оганесович, кандидат исторических наук, Институт востоковедения PAH (sarkisovko@ yahoo.com)

Ключевые слова: Япония, либерально-демократическая партия Японии, доминантная партия, фракционная борьба, партийная политика, японский парламент

Konstantin O. SARKISOV, PhD (History), Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow (sarkisovko@yahoo.com)

Review of the book: Dmitri V. Streltsov. «1955 System». M., 2019. 239 p. (In Russ.)

Keywords: Japan, liberal democratic party, dominant party, controversy between factions, party politics, Parliament of Japan

Послевоенная Япония с середины 50-х гг. XX столетия удивляла мир своими экономическими успехами, которые и до сих пор, даже на фоне огромных экономических успехов Китая и Южной Кореи, выглядят впечатляющими. Но мало кто обратил внимание на то, что в тот же период в Японии появился на свет и политический феномен: «Система 1955 года».

Сразу же можно сказать, что оба эти явления были взаимосвязаны. Система обеспечила столь необходимый для динамичного экономического и социального развития демократический политический процесс, чтобы добиться нужных стратегических и тактических решений в процессе парламентской борьбы разных политических сил, соотношение которых определяли всеобщие выборы. Если отвлечься от теоретических рассуждений и судить по конечным результатам, то на том этапе при всех структурных «недостатках» для демократической страны, таких, как наличие «доминантной» партии, система себя оправдала.

Тем не менее, теоретический анализ системы не только необходим, но и очень важен, чтобы понять механизм и принципы, «пружины» действия сложного организма японского государства, которое в годы холодной войны поднялось из руин войны и выросло до уровня второй экономической державы, а в терминах учебников КПСС «третьего центра современного империализма». Этот анализ крайне полезен для понимания и нынешней сложной ситуации в стране, которая уже многие годы после холодной войны стоит на перепутье.

В этом смысле большое удовлетворение вызывает появление монографии Д.В.Стрельцова «Система 1955 года». Внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны (М., Издательство восточной литературы, 2019). Автор признанный авторитет в японских исследованиях, учился и стажировался в одном из ведущих университетов Японии (Хосэй). Он давно занимается этой темой, и ему принадлежит несомненная заслуга в точном, убедительном и научном фиксировании самого понятия «Система 1955 г.», стержнем которой является феномен «доминантной» партии.

Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП), образовавшаяся в 1955 г. путем слияния существовавших в довоенное время политических сил в лице государственно-бюрократической Сэйюкай и партийно-парламентской Минсэйто, была «доминантной» в течение 38 лет (1955-1973). Но это не партия авторитарной власти, как интересно анализирует автор тонкую подчас грань между авторитаризмом и демократией (с. 7, 8, 70). Ее «доминирование» не убивало жизненную конструктивную силу конкурентного политического процесса, не лишало его энергетики движения вперед и целеустремленности. В условиях реальной парламентской демократии каждый раз, чтобы стать доминирующей в парламентском раскладе сил, ЛДП приходилось проходить через «фильтр» критики ее власти со стороны разных слоев общества, расплачиваться потерей мест в парламенте за просчеты своей политики и из-за конкретных ошибок.

Очень интересна в книге ее часть, посвященная эволюции политической модели Японии в послевоенный период. Японская конституция 1947 г. оккупационного периода определила основы многопартийной системы на манер Вестминстерской модели политической власти (парламентская демократия британского типа). Однако после ее завершения быстро обрела черты, присущие национальной политической культуре, прежде всего, неприятие крайностей и предпочтение консервативного начала реформистскому. В традиционном политическом спектре от левого до правого фланга крайние сегменты в лице ультраправых и ультралевых не имели больших шансов.

В условиях послевоенной демократизации эта модель теоретически могла бы эволюционировать в сторону двухпартийной системы, когда у власти периодически сменяют друг друга две крупные политические партии, получающие наибольшее число мест на всеобщих выборах в нижнюю палату парламента. Причем в обществе «спрос» на такую модель, видимо, существовал долгое время второй оппозиционной партией была Социалистическая партия Японии (СПЯ). Однако ее «левизна» и ориентация на Москву пугали, и в Японии после почти десятилетия «проб и ошибок» сложилась модель устойчивого однопартийного правления Либерально-демократической партии («полуторапартийная система»), которая проявила феноменальную устойчивость, сохранившись до самого окончания холодной войны.

Важным выводом автора книги является то, что феномен «системы 1955 года», названной так по году основания ЛДП, состоит и в создании этой партией специфического инструментария удержания власти в условиях действия всех демократических институтов и процедур.

В книге подробно рассмотрены особенности электоральной политики ЛДП в период «системы 1955 года» - ставка на персональную ориентацию японских избирателей, опора на «твердые голоса» и их мобилизация с помощью «обществ поддержки», использование различных профессиональных ассоциаций, корпоративных структур, любительских организаций с целью мобилизации электората городов, активное применение «клиентелистской» политики для привлечения «чуждых» ЛДП избирательных сегментов, что стало особенно востребованным в условиях постепенного падения популярности ЛДП на протяжении 70-х - 80-х гг. прошлого столетия, и т.д.

Большое внимание в работе уделено инструментам сохранения единства ЛДП и недопущения раскола партийных рядов, достижения внутрипартийного консенсуса в условиях существенных расхождений программно-идеологического характера между различными фракциями и иными внутрипартийными группировками. Автор приходит к выводу о том, что единство ЛДП на про-

тяжении нескольких десятилетий поддерживалось за счет принципов внутрипартийной демократии, плюрализма мнений, здорового прагматизма, а также с помощью кадрово-организационной политики, основанной на поддержании межфракционного баланса сил.

В этой связи справедливо большое внимание уделяется роли и месту внутрипартийных фракций в системе политической власти доминантной партии.

Фракционность - это «родовое пятно» любой японской партии, но особенно ЛДП. Фракции нередко считались и действовали как «мини-партии» под общей крышей. Автор отмечает, что фракции обладали достаточными финансовыми и организационными ресурсами и пользовались существенной автономией, а межфракционное соперничество внутри партии, по сути, подменило собой межпартийное соперничество, которое для обеспечения динамики политического процесса должно было бы сложиться в «нормальной» демократической стране.

Кроме того, эффективным средством удержания у власти были и регулярные отставки премьер-министров, и перетряски правительства. Создавая впечатление «обновления», они после очередного коррупционного скандала реабилитировали партию в глазах избирателей (с. 69). Оборотной стороной такой системы власти ЛДП стал феномен невыразительного политического лидерства, проявившийся в том, что партию и кабинет министров почти всегда возглавляли политики аппаратного типа, которыми при необходимости было «не жалко» пожертвовать ради обновления имиджа.

Другим действенным методом выступала стратегия ЛДП по расколу оппозиции, переманиванию к себе «независимых» депутатов и недопущению формирования сильной парламентской оппозиции, которая действовала исключительно легальными и демократическими методами (с. 113).

Что касается идеологии доминантной партии, огромное значение имело отсутствие ее как таковой в узком понимании этого слова. Идейно-политическая гибкость, прагматизм, отказ от следования жестким идейным клише и опора на принцип политической целесообразности выгодно отличали ее от основного соперника на политической арене.

Социалистическая партия Японии строила свою позицию по всем важным вопросам политической повестки дня с большой оглядкой на собственные программные установки, что ограничивало ее способность стать выразителем широких общественных интересов. В этой связи примечателен вывод автора монографии о том, что показной «консерватизм» ЛДП не носил идейного характера, т.к. принципы рыночного фундаментализма были в Японии всегда чужды национальным ценностям и национальной психологии (с. 214).

Поэтому закономерен вывод автора о том, что «систему 1955 года невозможно оценить как классическую форму идеологического противостояния правых и левых сил. Скорее, ее можно рассматривать, по словам автора, как пример «удачного институционального структурирования различных по своей идейной ориентации партий, в результате чего сформировалась устойчивая партийно-политическая конструкция, отвечавшая потребностям периода холодной войны» (с. 212). Идеологически мотивированная СПЯ в рамках этой конструкции лишь «дополняла» монополию ЛДП на власть, не представляя для нее реальной угрозы на протяжении всего периода холодной войны.

Монография заставляет задуматься, насколько соответствует феномен «системы 1955 года» шаблонным представлениям о политической демократии западного типа.

Автор попытался ответить на вопрос о том, можно ли назвать ЛДП, которая с течением времени теряла народную поддержку, в полной мере партией большинства, наиболее адекватно отражавшей в своей политике широкие общественные настроения. В монографии показано, что ЛДП создала мощные механизмы обратной связи с обществом, имея широкую и разветвленную сеть в лице «обществ поддержки» отдельных депутатов, профильных бизнес-ассоциаций, профессиональных организаций и т.д. (с. 80).

Корректным в этой связи представляется вывод автора о том, что правящая партия смогла утвердить свою монополию на власть, опираясь на реальные принципы народного представительства. При этом дополнительным аргументом в пользу тезиса о подлинно демократическом характере системы власти ЛДП служит тезис о персональной, а не партийно-ориентированной направленности электоральной политики правящей партии. Ее депутаты создавали собственные организации по сбору голосов, однако «голоса с мест» через посредство этих депутатов неизменно транслировались наверх и принимались во внимание при принятии партией политических решений.

Следует отметить, что автор далеко не идеализирует японский опыт доминантной партии. Наиболее очевидной издержкой ее длительного политического правления явился рост политической коррупции, во многом связанный не только с теневым характером финансовых потоков в политической сфере, но и с безальтернативностью электорального выбора для большинства избирателей, которые воздерживались от поддержки оппозиционного лагеря по причине того, что оппозиция была расколота, а ее лидеры сами оказывались во-

влеченными в коррупционные скандалы. Свою роль играли и особенности национальной психологии, а именно - терпимость общественного мнения к умеренным проявлениям коррупции и готовность простить виновных, если те проявляют внешние признаки раскаяния.

Естественным для данного исследования Д.В.Стрельцова представляется раздел его монографии, посвященный внешней политике Японии периода холодной войны. Вопросы идеологии играли при выработке внешней политики гораздо большую роль, чем во внутриполитической сфере.

Автор подчеркивает, что по многим вопросам внешнеполитического выбора Японии между «консерваторами» в лице ЛДП и «реформистами» в лице СПЯ и центристских партий на всех этапах холодной войны непрерывно шла ожесточенная борьба: «консерваторы» выступали за членство страны в западном лагере, укрепление союза с Америкой, отмену 9-й статьи японской конституции¹, активное военное строительство и обретение ядерного оружия, в то время как «реформисты» - за путь невооруженного нейтралитета, поддержку «сил мира и социализма» и защиту конституции (с. 211).

При этом исход этой борьбы был парадоксальным образом противоречивым и далеко не всегда складывался в пользу «доминантной партии». Если по вопросу о союзе с США и опоре за Запад ЛДП удавалось отстоять свои позиции, то в отношении защиты конституции, принятия «равноправных» обязательств по Договору безопасности и обладания ядерным оружием реальная политика Японии в большей степени соответствовала установкам левых сил.

Как представляется, здесь в полной мере проявлялся прагматизм ЛДП, стремление политического руководства найти наиболее бесконфликтный, а по возможности - и консенсусный путь реализации внешнеполитических интересов страны, его умение пойти на политический компромисс. Безусловная поддержка военно-политического союза с Соединенными Штатами, стержня внешней политики страны во многом определялась прагматическим учетом того геополитического баланса, который существовал в годы холодной войны. Его сторонники в партии, в первую очередь, апеллировали к «национальным интересам» Японии, а потом уже к единству политических идеологий двух стран.

Предлагаемая книга будет интересна и полезна как для исследователей политических систем, так и для всех, кого интересует история их эволюции и будущее современного мира, в котором обострились споры об их эффективности.

¹ Яркий пример юридически закрепленного на государственном уровне «пацифизма» - отказ японского народа на вечные времена от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров, а также его обязательство в этих целях никогда впредь не создавать сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение японским государством войны не признавалось (прим. авт.).